

А.М.МОСОПОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ И

Методы

А. М. МОСОРОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЧЕЛОВЕК

Издательство
Красноярского университета
Красноярск 1987

ББК 15.5
М81

Мосоров А. М. Общественные отношения и человек. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.— 240 с.

В монографии на основе всестороннего изучения произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, партийных документов, трудов советских философов раскрывается методология исследования личности в диалектическом единстве с общественными отношениями. Основное внимание уделено анализу потребностей человека, их внутренней взаимосвязи с характером и уровнем развития общественных отношений.

Для философов, социологов, экономистов, студентов и всех, кто изучает философию.

Рецензенты:

д-р филос. наук А. А. Гусейнов, д-р филос. наук Г. И. Иконникова, д-р филос. наук Б. А. Шувалов

Печатается по решению редакционно-издательского совета Красноярского университета

М $\frac{0302020200}{1178(03)-87}$ 5-87

© Издательство Красноярского университета, 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема человека привлекает пристальное и возрастающее внимание исследователей. Это обстоятельство обусловлено многими причинами. Сложный современный мир полон противоречий, перегружен сложнейшими проблемами и конфликтами. К. Маркс с беспокойством отмечал, что победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей, либо же рабом своей собственной подлости.

Эти тревожные мысли К. Маркса, прозвучавшие в Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде, метко, глубоко и масштабно характеризуют XX век с его кровопролитными войнами, разгулом милитаризма, фашизма и различными проявлениями «цивилизованного» мракобесия. Теперь человек обрел и физическую возможность уничтожить все живое на Земле.

В то же время стремительное развитие науки и техники открывает невиданные возможности улучшения условий жизни, расцвета культуры, искусства, человеческих способностей, утверждения и совершенствования социалистического образа жизни. С драматической, а нередко и трагической остротой встает вопрос: каковы перспективы существования человека? Интерес к исследованию человека особенно возрастает в связи с переломным характером современной эпохи, когда происходит поворот человечества к новому качественному состоянию своего бытия.

XXVII съезд привлек пристальное внимание к крупнейшим проблемам, характерным для современного общества. В материалах XXVII съезда творчески использованы методологические и мировоззренческие идеи, разработанные К. Марксом, Ф. Энгельсом, убедительно раскрыты глубина и содержательность социально-философской концепции человека, созданной К. Марксом и Ф. Эн-

гельсом. Материалы XXVII съезда имеют выдающееся теоретическое значение для развития современных исследований проблемы человека, в них дан глубокий анализ современного человеческого фактора, показана необходимость повышения социальной активности каждого человека в реализации ускорения социально-экономического развития страны, подчеркнута острая потребность в дальнейшем комплексном изучении человека.

В трудах советских философов активно разрабатывается проблема человека, творчески и все более глубоко раскрывается учение о человеке, содержащееся в сочинениях основоположников марксизма.

Особенность выполненного в данной книге исследования состоит в попытке провести через все исследование и воплотить в анализе индивидуальной жизнедеятельности человека все основные идеи философии К. Маркса и Ф. Энгельса, характеризующие марксистское учение о человеке. Этим обстоятельством обусловлена форма исследования проблемы, предполагающая постоянное активное исследование философских идей К. Маркса и Ф. Энгельса, воплощенных в диалектико-материалистической концепции человека.

Автор в своей работе учитывал высокий уровень, достигнутый философами-марксистами в изучении проблемы человека, и поэтому считал возможным сосредоточить усилия прежде всего на таких сторонах проблемы, которые остаются дискуссионными.

Дискуссионность многих проблем неизбежна при исследовании такой сложной и обширной темы. Поэтому вполне естественно, что существует потребность в коллективном обсуждении всех граней диалектико-материалистического учения о человеке, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом, чтобы еще эффективнее применять классическое марксистское учение для исследования и практического решения острых и крупных проблем, поставленных современной эпохой.

Книга написана на основе многолетних исследований.

Важнейшей общенародной политической задачей является изучение материалов XXVII съезда КПСС. Для подлинно глубокого раскрытия идей и установок XXVII съезда необходимо серьезное знание работ Маркса, Энгельса, Ленина. Особенно это важно при изучении той роли, которая отведена XXVII съездом человеческому

фактору в ускорении социально-экономического развития общества.

Материалы книги неоднократно использовались в лекционной работе, в спецкурсах по социально-философским проблемам человека. Способность материала книги углублять знания и убеждать, развивать интерес к самостоятельному изучению философских произведений и реальных проблем жизни — эффективно апробирована в самых различных аудиториях.

Глава первая

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА — ОСНОВА ДИАЛЕКТИКО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Глубокое исследование К. Марксом и Ф. Энгельсом проблемы человека является существенной частью идейного наследия основоположников марксизма. И весьма характерно, что философские идеи о человеке разработаны в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса, написанных на различные темы и в самых разных жанрах — от писем к соратникам до таких монографических исследований, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Капитал» К. Маркса.

Насыщенность всего творческого наследия основоположников марксизма философскими исследованиями проблемы человека имеет большой методологический смысл. Необходимость разностороннего многопланового исследования существенных граней проблемы человека в контексте различных социальных проблем, аспектов, уровней жизнедеятельности общества продиктована прежде всего характерными особенностями самого объекта исследования — общества: все его неисчерпаемые моменты — от религиозных верований и индивидуальных иллюзий до возникновения, развития и смены общественно-экономических формаций — имеют сложную субъектно-объектную сущность.

Для научного, диалектико-материалистического изучения всей истории человечества и ее общественно-экономических формаций К. Маркс и Ф. Энгельс разработали концептуально-целостную систему категорий, глубоко отображающую объективные законы развития общества, социальную структуру, общественные отношения, жизнедеятельность людей. Важнейшие категории исторического материализма, такие как формация, способ производства, производительные силы, производственные отношения, классы, базис, надстройка, государство, идеология и другие, — содержат глубокую сущностную концепцию человека, которую К. Маркс и Ф. Эн-

гельс обосновали на основе тщательного изучения жизнедеятельности реальных, живых, действительных людей — творцов истории.

«Предпосылки, с которых мы начинаем,— не произвольны. Они — не догмы... Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»¹.

Диалектико-материалистический метод познания позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу осуществить системный анализ внутренней взаимосвязи всех сторон общества, всех элементов формации и сделать вывод о многообразии, противоречивости и историческом развитии всех социальных свойств человека.

Диалектическое осмысление внутренней всесторонней взаимосвязи между жизнью реальных индивидов и социальными условиями их жизнедеятельности привело К. Маркса и Ф. Энгельса к важнейшему методологическому выводу о существовании глубоких закономерных диалектико-материалистических взаимосвязей между содержанием жизнедеятельности индивидов и социальным содержанием общества, исторического процесса в его многообразных проявлениях.

«История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»².

Методологическое исследование К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектической тождественности жизнедеятельности индивидов и всех социальных феноменов истории, общества определяется, конкретизируется и обосновывается во всех работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Приведем ряд глубоких высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых четко разработано диалектико-материалистическое понимание внутренней взаимосвязи общества и индивидуальной жизнедеятельности человека.

«Прежде всего следует избегать того,— писал К. Маркс,— чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни,— является проявлением и утверждением общественной жизни»³.

При изучении методологического смысла этого теоретического положения К. Маркса от внимания исследователей обычно ускользает четкая методологическая установка К. Маркса: исторический материализм доводит осмысление всякого проявления жизни индивида до понимания его как проявления и утверждения общественной жизни. Некоторые современные специалисты, видимо, считают это положение К. Маркса дискуссионным и фактически не соглашаются с ним.

Проанализируем мнение Ю. К. Плетникова, которое является характерным для многих специалистов.

«Личные отношения представляют собой индивидуальную форму общественных отношений и дополнение к ним. Во-первых, в общественные отношения нельзя включать психологические отношения — отношения симпатии, антипатии, дружбы, ненависти и т. п., во-вторых, естественные (биологические) отношения. Если анализировать семейно-брачные отношения, то можно выделить материальные естественные отношения... Но позволительно ли материальные естественные отношения включать в систему общественных отношений? Думается, что нет. Если применительно к человеку естественное имеет самостоятельное значение, то применительно к обществу оно всегда выступает в снятом виде»⁴.

Ю. К. Плетников не соглашается с таким осмыслением взаимосвязи общества и жизнедеятельности индивидов, при котором всякое проявление жизни индивида теоретически интерпретируется как проявление и утверждение общественной жизни. По мнению Ю. К. Плетникова, у человека кроме системы социальных отношений будто бы есть еще и естественные (биологические) отношения, которые, с точки зрения Ю. К. Плетникова, непозволительно включать не только в содержание общественных отношений, но даже непозволительно трактовать их как социальные.

Обсуждаемый здесь вопрос сложен, многогранен, дискуссионен и остро актуален для творческого исследования многих проблем не только человека, но, как видно уже из сказанного, вопрос этот остро актуален для изучения содержания общественных отношений каждой общественно-экономической формации, для выделения и исследования исторических этапов развития внутри каждой формации.

В отличие от мнения, выраженного Ю. К. Плетнико-

вым, многие советские философы считают, что более адекватным пониманием методологических аспектов проблемы человека является такое понимание идей К. Маркса, при котором всякое проявление индивидуальной жизни теоретически осмыслено как проявление социальной жизни, социальных отношений⁵.

На основе всестороннего анализа и учета идей К. Маркса и Ф. Энгельса исследована диалектическая тождественность всей индивидуальной жизнедеятельности и содержания общественных отношений⁶.

Опыт исследования проблемы человека в марксистской социальной философии показывает, что изучение жизни индивидуального человека в диалектическом внутреннем единстве с общественными процессами является наиболее полным, богатым и плодотворным для проблемного изучения человека и общества лишь тогда, когда индивидуальная жизнедеятельность последовательно осмысливается как целостно-социальная, целостно общественная, когда индивид во всем богатстве индивидуальной жизни осмысливается как своеобразное проявление общественной жизни, а общественная связь осмысливается «как непосредственный продукт деятельного осуществления индивидами своего собственного бытия»⁷.

Теоретическое разделение отношений человека на социальные и естественные (биологические), разделение социальных отношений на личные (из которых исключены общественные отношения) и на общественные (из которых исключены личные) — чрезмерно обедняет целостный характер социальной сущности человека, ослабляет монизм теоретических представлений об обществе и человеке и крайне осложняет возможности глубокого анализа общественных отношений.

Ю. К. Плетников, следуя логике своего рассуждения, страсти и чувства человека оставляет за пределами содержания общественных отношений. Но что же в таком случае остается в качестве содержания общественных отношений? «Очищенные» (а точнее, обедненные) методом исключения из них дружбы, ненависти, симпатии, антипатии, а также «очищенные» от «материальных естественных (биологических)» отношений человека общественные отношения выглядят в теории чрезмерно обедненно, их теоретический образ неадекватен богатству действительных, реальных общественных отношений человека. Они, будучи оторванными от человеческого

«естества», от человеческой дружбы, ненависти и многих других проявлений индивидуальной жизнедеятельности — не содержат той полноты философской информации о человеке, к которой стремился К. Маркс.

Анализ произведений К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что основоположники марксизма были сосредоточены на решении сложнейшей методологической задачи: каким образом надо осуществлять теоретический анализ общества и человека, чтобы не допустить при исследовании социальных процессов оскудения представлений о социальной жизни, о человеке, не допустить отрыва теории от глубины, сложности и богатства реального объекта познания. В связи с этим К. Маркс подчеркивал важность следующего диалектико-материалистического положения: именно люди «производят человеческую общественную связь, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством. ...Люди — не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов — суть это сообщество. Каковы индивиды, такова и сама эта общественная связь»⁸.

В этих высказываниях К. Маркса все очень существенно для понимания методологических основ диалектико-материалистической концепции человека.

Необходимо обратить здесь внимание на следующую идею К. Маркса: человеческая общественная связь, общественная сущность является сущностью каждого отдельного индивида. К. Маркс подчеркивает, что собственная деятельность отдельного индивида, собственная жизнь отдельного индивида, собственное наслаждение отдельного индивида являются общественной связью, общественной сущностью индивида.

Как непохожи эти методологические представления К. Маркса на очищение, на абстрактное отмежевание теоретических представлений об общественных связях индивидов от бремени и наслаждений индивидов человеческой «естественностью», от чувств дружбы, ненависти, симпатии, антипатии, на чем настаивает Ю. К. Плетников!

К. Маркс и Ф. Энгельс достигли глубокого диалектического осмысления субстанциальной взаимосвязи человека и социального процесса. Марксистская философская концепция надежно преодолевает противопоставление, теоретический отрыв индивидуальной жизни от общественных связей.

Преодолены недостатки, характерные для тех концепций, которые (по разным причинам) недостаточно вовлекали многообразную индивидуальную жизнедеятельность в теоретический анализ общественных отношений. В связи с этим содержательна и методологически значительна критика К. Марксом и Ф. Энгельсом философии Гегеля.

Гегель в своей философии стремился исследовать прежде всего общие законы развития и общие моменты в содержании человеческой жизни, в социальных процессах. Нацеленность философии Гегеля на поиски закономерного, глубокого, общего в человеческой жизни, в социальных процессах, в диалектике развития плодотворна для обогащения философских знаний и была высоко оценена К. Марксом и Ф. Энгельсом. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что поиски общих закономерностей и связей, в том числе и в произведениях Гегеля, неизбежно превращаются (при самых искренних стремлениях мыслителя к глубокой истине) в произвольную идеологическую версию, если исследователь недостаточно всесторонне, недостаточно подробно и внимательно анализирует при этом все многообразное и противоречивое индивидуальное содержание человеческой жизни всех людей данного общества.

При всей своей содержательности, глубине и актуальности концепция Гегеля не позволяла достичь последовательно объективных знаний о реальных людях, всесторонне понять их земные стремления, мотивы поведения, оценить значительность, содержательность обычных, повседневных проявлений индивидуального бытия человека.

«...Бесконечно маленькими представляются спекулятивному мышлению действительные люди»⁹. «При помощи унаследованного от Гегеля теоретического вооружения эмпирическое, материальное поведение этих людей, конечно, нельзя даже и понять»¹⁰.

Не только философия Гегеля гипостазировала общественные отношения в некую надиндивидуальную жизнь

недеятельность людей. Этот же методологический прием был характерен и для буржуазной политэкономии.

К. Маркс и Ф. Энгельс обнажили методологическую односторонность буржуазной политэкономии, проявившуюся в неправильном определении места и роли индивидуальной жизнедеятельности простых тружеников в системе материальных отношений буржуазного общества. Основоположники марксизма показали, что в теориях буржуазных экономистов существенный отрыв общественных отношений от индивидуальной жизнедеятельности реальных людей неизбежно приводит к фетишизации вещей; к узости, односторонности в изучении тех реальных сторон общественных отношений, которые входили в круг проблем, исследуемых политической экономией. Неизбежным проявлением ограниченного и фетишистского понимания общественных отношений было неумение адекватно выразить индивидуально-человеческое содержание в теории общественных отношений. К. Маркс показал, что политэкономические теории общественных отношений, вследствие своей оторванности от теоретического анализа индивидуальной жизнедеятельности, не смогли раскрыть глубокие антагонизмы в материальной жизни людей и поэтому были использованы идеологами, чтобы окружить «...частную собственность либеральным ореолом, провозгласив ее правом человека»¹¹.

К. Маркс писал: «Политическая экономия не знает незанятого рабочего, не знает человека труда, поскольку он оказывается вне этой сферы трудовых отношений. Плут, мошенник, нищий, безработный, умирающий с голоду, нищенствующий и совершающий преступления человек, всё это фигуры существующие не для политической экономии, а только для других глаз, для глаз врача, судьи, могильщика, надзирателя за бедными и т. д.; это призраки, витающие вне сферы политической экономии»¹².

Анализ и критика домарксистских концепций общественных отношений и человека привели К. Маркса и Ф. Энгельса к выводу, что речь идет не просто о тех или иных легко устранимых недостатках в учениях о человеке. К. Маркс и Ф. Энгельс выявили несостоятельность главного методологического принципа, лежащего в основе критикуемых теорий. Этот ошибочный методологический принцип проявился в теоретическом противо-

поставлении, в разъединении общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности людей при осмыслении исторически развивающегося социального процесса.

Классовые интересы пролетариата, научное познание человека и общества не могут довольствоваться такой методологией, так как она не дает подлинных знаний о многих существенных сторонах жизни людей, о многих сторонах жизни общества.

Удовлетворяя глубокую классовую потребность пролетариата в знаниях об объективных законах и последовательно научных и всесторонних знаниях о жизни, К. Маркс и Ф. Энгельс создали и применили в своих философских работах качественно новую методологическую концепцию исследования общественной жизни и проблемы человека, концепцию диалектического единства всякого проявления индивидуальной жизнедеятельности людей как содержания общественной жизни.

Придавая огромное значение этой концепции, К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно напоминали ее суть.

«Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹³.

«Действительными людьми в их действительном общении созданы эмпирические отношения...»¹⁴

«Личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения»¹⁵.

«Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов...»¹⁶

«Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают это они или нет»¹⁷.

Приведенные здесь теоретические положения с разных сторон раскрывают стремление К. Маркса и Ф. Энгельса методологически связать в единую целостную диалектическую систему теоретическое исследование всех индивидуальных свойств общественных индивидов и исследование всех свойств общественной жизни. При таком подходе действительные люди не выглядят «бесконечно маленькими», как это нередко получалось в философии Гегеля, напротив, методология К. Маркса и

Ф. Энгельса открывает реальные возможности для создания такой философской концепции, которая позволяет понять эмпирическое, материальное поведение людей в широком контексте социального процесса.

Методология исследования проблемы человека, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, ориентирует на формирование сложных, глубоких знаний о человеке и обществе уже тем, что делает необходимым всестороннее исследование индивидуальной жизнедеятельности и полное ее включение в теоретические понятия, раскрывающие сущность социальной жизни данного общества. Однако очень не простым делом является применение марксистской методологии на деле. Возникает множество гносеологических и логических проблем, связанных с исследованием человека, являющегося сложным ансамблем, совокупностью всех общественных отношений. Как должна строиться и раскрываться цепь исследуемых проблем, чтобы методологические намерения оказались воплощенными в адекватную теоретическую форму, чтобы теория на каждом этапе исследования социальных и человеческих проблем, на каждом уровне и во всех аспектах — действительно воплощала методологический потенциал марксистской концепции человека?

Методологическая сложность марксистского исследования проблемы человека состоит в том, что в этой проблеме отсутствует, как очевидно из сказанного, простое начало содержательного исследования, потому что сущность человека необходимо раскрывать не как социальную сущность некоего индивида-абстракта, рассматриваемого изолированно от общественных взаимосвязей индивидов, от хода истории, от социальных процессов в обществе.

Практическая реализация многогранной диалектико-материалистической методологии исследования проблемы человека потребовала от К. Маркса и Ф. Энгельса одновременного выделения и материалистического исследования главных аспектов социальной жизни.

Были исследованы прежде всего и жизнедеятельность индивидов, и материальные условия их жизни, и характер социальных отношений, создаваемых деятельностью индивидов.

Все эти аспекты жизни человека, исследованные в их взаимосвязи, дают необходимые знания для философского исследования проблемы человека в единстве с

проблемами социального, общественного бытия людей.

Охарактеризованная здесь методологическая ситуация показывает, что исследование проблемы человека в марксистской философии ведется не только для того, чтобы развить теоретическую концепцию человека, которая глубоко раскрывает свойства и сущность действительного человека — живого общественного индивида. Исследование проблемы человека не менее необходимо для научного философского познания всех аспектов исторического процесса, всех сторон общественной жизни, потому что именно в жизнедеятельности индивидов и нигде больше следует найти, раскрыть, исследовать все общественные связи общества.

Методологическая важность этой стороны внутренней логики исторического материализма, ее значение для понимания диалектико-материалистического монизма подчеркнута в статье П. Н. Федосеева и Л. Ф. Ильичева.

«Как известно, — пишут авторы, — с диалектико-материалистической точки зрения общественные отношения индивида «являются условиями самодеятельности этих индивидов и создаются они этой их самодеятельностью» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 72, см. также т. 46, ч. II, с. 222) ¹⁸.

Таким образом, становится очевидным, что исследовательская эффективность применения марксистской методологии при изучении проблемы человека во многом зависит от глубины и всесторонности осмысления следующего важного обстоятельства:

Методологические предпосылки исследования проблемы человека диалектически совпадают с материалистическим исследованием социальных процессов в обществе.

Это важное положение социальной философии К. Маркса и Ф. Энгельса стало основой для исследования ключевой проблемы: что и как необходимо исследовать в обществе для того, чтобы получить глубокие философские знания о действительных индивидах, их деятельности, о материальных условиях их жизни?

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс в качестве методологической основы для диалектико-материалистического изучения человека выделили исследование трех сторон социальной жизнедеятельности людей.

Прежде всего значительную методологическую ориентацию дает глубокое, всестороннее осмысление следующего «факта».

«Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что... Производство самой материальной жизни... Это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое ныне так же, как и тысячи лет назад, должно выполняться ежедневно и ежечасно...»¹⁹

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что этот, казалось бы, самоочевидный, всегда и всем известный факт не столь прост для его всестороннего теоретического осмысления, как это может казаться теоретически неискушенному человеку. К. Маркс и Ф. Энгельс настаивают:

«При уяснении всякой исторической действительности необходимо поэтому первым делом учесть указанный основной факт во всем его значении и объеме и предоставить ему то место, которое он заслуживает»²⁰.

Здесь поставлена основоположниками марксизма сложная, крупная проблема: каким образом в теории необходимо учесть этот основной факт во всем его объеме? И какой должна быть теория, которая предоставит этому факту именно то место, которое он заслуживает? К. Маркс и Ф. Энгельс поясняют, что и французы, и англичане, «не говоря уже о немцах», понимали связь этого факта с историей крайне односторонне²¹.

Уже в самой форме констатации этой методологической предпосылки материалистического понимания человека и социальных процессов К. Маркс и Ф. Энгельс намечают путь к научному глубокому всестороннему теоретическому осмыслению связи процесса производства материальной жизни с развитием человека и его истории. Подчеркнутой оказывается здесь мысль о том, что не только одно потребление, но еще в большей мере и производство посредством труда, пищи, одежды, жилища — словом, все стороны способа производства материальной жизни оказываются субстанциальными для всякого проявления индивидуальной жизнедеятельности всех индивидов.

Вторым моментом глубокого философского исследования проблемы человека в диалектическом единстве с содержанием социальных процессов является методологическое осмысление того важнейшего обстоятельства,

что «сама **удовлетворенная** первая потребность, **действие** удовлетворения и уже **приобретенное орудие** удовлетворения ведут к **новым** потребностям»²². (Выделено мной.— А. М.)

Эта сторона социальной деятельности людей выражает постоянное качественное и количественное развитие потребностей человека, появление у человека новых потребностей, возникающих на основе удовлетворенных потребностей, на основе действия удовлетворения и под влиянием приобретенных орудий удовлетворения.

Человек вовлечен в процесс приобретения новых «орудий удовлетворения» потребностей, в процесс исторического развития потребностей.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают методологическую значительность изучения процесса удовлетворения и процесса порождения потребностей человека, называют его второй стороной, вторым моментом, характеризующим глубинную суть социального содержания деятельности людей. Всесторонний глубокий материалистический анализ диалектики развития потребностей человека выделен К. Марксом и Ф. Энгельсом как одна из трех исходных и постоянных методологических сторон исследования проблемы человека в историческом материализме и — следует подчеркнуть это — как методологически необходимая сторона марксистского исследования естественноисторического развития общества.

Третьей методологической стороной марксистского исследования проблемы человека является направленность на всестороннее теоретическое осмысление и включение в анализ социальной сущности человека широкого круга сложных вопросов, возникающих в связи с половой, брачной, семейной, кровнородственной жизнедеятельностью индивидов²³.

Все три методологических момента, поскольку они, как это видно из их содержания, существенно обуславливают друг друга и к тому же включают в себя в качестве своего внутреннего компонента сознание (ибо без сознания невозможны ни труд, ни удовлетворение и развитие потребностей, ни человеческие половые и кровнородственные связи), образуют целостную концепцию социальной деятельности людей. Эта методологическая основа является исходной и постоянной для исследования проблемы человека во всей ее сложности, противоречивости и богатстве различных сторон.

Таким образом, в исследование проблемы человека с самого начала и на всех этапах исследования вовлечена вся социальная система субъектно-объектной жизнедеятельности индивидов, вся целостная исторически развивающаяся социальная жизнь людей. «Субъектами выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново»²⁴.

Субъектно-объектный характер социальной реальности требует при изучении исторического процесса в любом аспекте, на каждом из его уровней прямого существенного учета исторически конкретной индивидуальной жизнедеятельности человека.

Уже из сказанного видно, что особенности марксистской методологии исследования человека таковы, что они надежно исключают ошибочные представления о человеке как об изолированно существующем индивиде, а с другой стороны, становится доказанным, что общественные отношения не являются некоей безличной, внеиндивидуальной самостоятельной сущностью.

Многолетний опыт обсуждения марксистской концепции человека показывает, что многие трудности на пути к правильному пониманию методологической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса обусловлены произвольным «вторжением» в контекст марксистского учения о человеке обыденных, неадекватных представлений о смысле категориальных марксистских выражений: индивидуальная жизнь, индивидуальная жизнедеятельность, общественная жизнь. Познавательной привычкой традиционного мышления индивидуальное начало обычно противопоставляется во многом общественному началу, в индивидуальном видят чаще всего только неповторимое, только субъективное, которое лишь опосредовано общим, но само не является своеобразной «частичкой» этого общего социального. Конечно, в индивидуальной жизнедеятельности немало такого субъективного и такого неповторимого содержания, которое имеется только у данного конкретного индивида. Но кроме неповторимого есть множество моментов в индивидуальной жизни повторяемых, общих, характерных для многих индивидов. И в этих общих моментах выразил себя, воплотился индивидно характер общественных отношений. Разве можно такое общее и существенное содержание индивидуальной жизни не включать в содержание обществен-

ных отношений? Логика убеждает: нужно включать.

Во-вторых, и неповторимое в индивидуальной жизнедеятельности доступно научному познанию и такой трактовке, при которой оно выступает как продукт социальной жизнедеятельности индивида.

При таком методологическом подходе раскрывается внутренняя существенная связь между неповторимо индивидуальным и типично социальным. Неповторимо индивидуальное наполнено социальным значением. Например, в США ежегодно 27 тыс. человек кончают жизнь самоубийством, и еще 5 тысяч серьезно калечат себя при попытке к самоубийству²⁵. Разве не включены социальные отношения общества в реальное эмпирическое поведение каждого из этих людей до их последнего рокового шага? Конечно, включены и включены многообразно. А если поведение этих людей до конца их жизни оставалось социальным поведением, впитавшим в себя существенные социальные отношения, то может ли марксистская философия ставить методологический запрет на философское осмысление всякого проявления индивидуальной жизни как проявления общественных связей? Напротив, методология К. Маркса и Ф. Энгельса обязывает подвергнуть исследованию огромную массу так называемого индивидуально неповторимого, сугубо субъективного материала, возникающего в индивидуальной жизнедеятельности человека, и закономерно связать эту массу индивидуального с общественной жизнью, с общественными отношениями.

Следовательно, при исследовании проблемы человека в марксистской философии философские понятия и их взаимосвязь нужно правильно понимать. Необходимо иметь в виду именно то методологически емкое философское содержание в понятиях «индивид», «человек», «личность», «индивидуальная жизнедеятельность», которое в них вкладывали К. Маркс и Ф. Энгельс, когда раскрывали эти понятия как необходимые для глубокого исследования всех проблем общества на всех уровнях и во всех аспектах философского исследования. Тогда не будет казаться, что серьезное внимание к исследованию проблемы человека является-де сведением сущности к явлению, абстрактного к конкретному, общего к отдельному. Марксистская методология исследования человека и общества преодолевает несостоятельную, одностороннюю альтернативу исследовательской ориен-

тации или только на человека как методологическое начало исследования, или только на общество как методологическое начало исследования.

Общество, понятое как бессубъектный естественно-исторический процесс, как некая безличностно онтологизированная система социальных отношений, является не воплощением марксистской методологии, а ее деформацией. Такое методологическое начало столь же далеко от марксистской методологии, как и методологические упования на индивида-абстракта, рассматриваемого обособленно от совокупности всех общественных отношений.

Для марксизма характерны, как было видно из содержания трех выделенных К. Марксом и Ф. Энгельсом методологических моментов философского исследования общества и человека, иное методологическое начало и иной метод философского исследования проблемы человека: и человек и общество с самого начала постоянно исследуются как две диалектические стороны объектно-субъектной социальной реальности.

Противоположность индивидуального и социального в действительности образует сущностное диалектическое единство, так как общество есть продукт взаимодействия людей, а человеческая сущность — совокупность всех общественных отношений.

К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не довольствовались безличным анализом общественно-экономических формаций, классов, социальных групп. Они доводили философский анализ всех проблем общества и всех сторон жизни общества до анализа своеобразия жизнедеятельности конкретных людей, до анализа характерной жизнедеятельности отдельных индивидов каждого класса.

Эта особенность социальной философии К. Маркса и Ф. Энгельса наложила глубокий отпечаток на теоретический метод получения социально-философских знаний.

Теоретическое знание об общественных отношениях необходимо получать не путем отвлечения от индивидуальной жизнедеятельности, а путем обобщения, глубокого анализа всей индивидуальной жизнедеятельности людей в данном обществе.

Если же исследование процесса развития формаций, социальной структуры общества, классов, государства, партий ограничивается лишь созданными в виде мыслительных абстракций безличными социальными феноме-

нами, если не показана характерная индивидуальная жизнедеятельность, создающая и воссоздающая все социальные институты — такой анализ даже в терминах марксизма неизбежно иссякает, прекращается намного раньше, чем будут достигнуты глубокие знания сути дела. Больше того, такая безличная методология ведет к неадекватной онтологизации и фетишизации социальных институтов и вещественных компонентов социальных систем²⁶.

«Материализм по отношению к общественной жизни заключается в том, чтобы строго научно выявить в любом социальном процессе, **кто и в какой степени** является его двигателем и где те силы, которые способны преобразовать данный процесс»²⁷. (Выделено мной.— А. М.)

Необходимой теоретической формой исследования проблемы человека в диалектическом единстве с общественными отношениями, а с другой стороны — формой исследования общественных отношений в диалектическом единстве с широким кругом вопросов, относящихся к проблеме человека, в марксизме является **диалектика сведения — вывода**. Сведения направляют и формируют диалектическое исследование типичного, общего, существенного в многообразных явлениях, куда входит прежде всего многообразная индивидуальная жизнедеятельность людей. В. И. Ленин подчеркивал, что марксистское учение об общественно-экономической формации разработано с использованием прежде всего метода «сведения».

«Действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различающихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой,— одним словом, к действиям **классов**, борьба которых определяла развитие общества»²⁸.

Диалектический характер и познавательная эффективность метода сведения обусловлены таким его применением, развитием, при котором метод сведения одновременно выступает как метод вывода, т. е. как ме-

тод объяснения и конкретного анализа глубинного источника, материальной основы социальных качеств человека.

«Без понимания всей диалектики научного объяснения как диалектики сведения — выведения совершенно невозможно научно обоснованно найти центральное логическое и методологическое звено, определяющее всю структуру той или иной науки»²⁹.

Актуальность обсуждаемых методологических проблем, их сложность и недостаточная теоретическая разработанность являются предметом научных дискуссий среди специалистов³⁰.

На первый взгляд может показаться, что развернувшаяся среди советских философов дискуссия по методологическим проблемам исторического материализма непосредственно не относится к анализу марксистской концепции человека. На самом деле это не так. В современных дискуссиях по методологическим проблемам исторического материализма выявились такие концептуальные подходы, которые существенно по-разному трактуют место и роль человека в социальном процессе и соответственно этому существенно по-разному трактуется содержание и место теории человека в историческом материализме.

Советские философы проделали значительную работу по изучению марксовой концепции человека. Становится все более доказанным и все более исследованным фундаментальное многоаспектное методологическое значение марксистской концепции человека. Происходит все более глубокое осознание субстанциальной причастности общественных индивидов ко всему социальному³¹.

Однако в настоящее время общее мнение философов о методологической и идеологической важности проблемы человека включает в себя и существенные различия в представлениях о месте, внутренней логике, методологических функциях концепции человека.

Огромное значение для дальнейшего развития марксистских философских исследований проблемы человека имеет XXVII съезд КПСС, его материалы и развернувшаяся борьба за революционную перестройку всех сфер жизни социалистического общества, за ускорение социально-экономического, политического и духовного развития общества.

Коренная перестройка психологии, привычек, мыш-

ления всех социальных классов и групп, интенсивное развитие потребностей каждого человека, разнообразия индивидуальных устремлений, формирование творческого стиля жизнедеятельности, преодоление негативных явлений — все это является необходимым моментом намеченной XXVII съездом КПСС кардинальной активизации человеческого фактора.

Чем больше раскрывается сложность и огромные масштабы начавшейся перестройки, тем яснее становится, насколько устарели многие представления о человеческом факторе, о нравственности, воспитании, демократии, образовании; насколько они отстают от современных потребностей и задач общества. Становится очевидным, что хотя за последние 15 лет проделана большая работа по изучению проблемы человека, однако все еще не достигнута «проектная мощность» проблемы человека, которая заложена в методологии К. Маркса и Ф. Энгельса. И не только в том смысле, что у К. Маркса и Ф. Энгельса всегда есть чему поучиться, даже если мы правильно понимаем методологию их философии³².

Еще не достигнута должная адекватность в понимании методологии социально-философского знания. Ярким примером и доказательством этой неадекватности является укоренившаяся практика построения учебного курса исторического материализма.

Н. П. Федосеев и Л. Ф. Ильичев, характеризуя сложившуюся практику освещения узловых проблем исторического материализма, отмечают: «Диалектика производительных сил и производственных отношений фактически присутствует в историческом материализме лишь как сведение многообразия общественной жизни к объективной логике развития производственной деятельности людей. Эта диалектика излагается и учитывается лишь при объяснении развития общества как естественнoисторического процесса, как смены формаций. **Все другие вопросы исторического материализма существуют фактически в отрыве от этой диалектики**»³³. (Выделено мной.— А. М.)

В числе «других вопросов» оказывается нередко и проблема человека. Весьма характерными в этом отношении являются книга и статьи В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона³⁴.

В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон теоретически расчленяют целостный социальный процесс на три иерархи-

чески взаимосвязанных аспекта. Прежде всего выделяется в качестве исходного и основного аспекта — «анализ развития общества как материального естественноисторического, то есть закономерного и независимого от воли и сознания людей процесса»³⁵. Кажется бы, поскольку речь здесь идет о важных идеях марксизма, которые действительно являются основными, то нет причин и для возражений. Однако авторы вкладывают свой особый смысл в понятие материальных отношений. «Особенность материальных отношений проявляется в том, что хотя это отношения между людьми, сознательными существами, но сами эти отношения по определению бессубъектны»³⁶.

Утверждение В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона о закономерности и необходимости давать бессубъектную трактовку естественноисторическому методологическому аспекту изучения социальной жизни, по мнению многих специалистов, является некорректной интерпретацией исторического материализма³⁷. В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон полагают, что они следуют за концепцией К. Маркса и Ф. Энгельса, кратко изложенной К. Марксом в Предисловии «К критике политической экономии». Но внимательное изучение текста Предисловия обнаруживает существенное отличие логики К. Маркса от концепции В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона. К. Маркс **не отвлекается** от характеристики истории как продукта деятельности людей — сознательных существ. К. Маркс в Предисловии дает такое определение материальным отношениям людей, которое **одновременно** является и существенной характеристикой сознания людей, — люди вступают в материальные отношения целенаправленно: для производства своей жизни. Общественная, не инстинктивная, а производственная, коллективная целенаправленность является практическим обнаружением изначального активного «участия» сознания в бытии материальных отношений людей. Сознание вторично не потому, что между людьми есть бессубъектные отношения, как полагают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. Таких бессубъектных отношений в действительности нет. Сознание вторично потому, что оно в любом случае является отражением социального и природного бытия. Необходимо учесть и важнейшее для правильного понимания идей К. Маркса разъяснение К. Маркса о том, что в Предисловии и в самой «К критике политической эко-

номии» речь идет о тех воззрениях, которые были разработаны в «Немецкой идеологии». А каковы предпосылки социальной философии в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, мы уже выяснили: человек, общественно производящий свою жизнь,— «трехкратно» включен в методологические основания этих предпосылок.

Поэтому диалектику производительных сил и производственных отношений необходимо с самого начала и постоянно осмысливать как диалектику производства не только материальных благ (вещей), но и как диалектику всей социальной жизни общественных индивидов. А значит, необходимо не очищать от субъектности методологическое исследование естественноисторического процесса, к чему призывают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, а, напротив, глубоко исследовать разнообразное сущностное содержание этого аспекта, обусловленное характером и уровнем развития субъектов — живых людей, производящих себя и других индивидов, целенаправленно преобразующих естественноисторическую социальную реальность.

Отвлечение от деятельности людей, от особенного и индивидуального в истории при анализе естественноисторического аспекта прежде всего крайне обедняет теоретические представления о том, что такое естественноисторический аспект истории. По мнению В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, **в этом аспекте** нет проблем, для решения которых необходимы знания о человеке, о борьбе классов. В этом аспекте, по мнению авторов, исследуется учение о формациях. Но как исследовать формацию без применения метода «сведения», столь высоко оцененного В. И. Лениным? И как достичь глубокого знания о естественноисторическом аспекте развития формаций без анализа социальных классов, групп и индивидуальной жизнедеятельности людей?

При таком подходе обедняется марксистское учение о человеке как творце всех аспектов, в том числе и естественноисторического аспекта развития общества.

Наверное, нельзя согласиться и с той ролью человека в общественном развитии, которая вытекает из учения В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзона об «основной», «исходной», «конечной», «определяющей», «однозначной» детерминанте общественного развития, которой объявляются вещественные элементы производительной

деятельности, прежде всего средства труда. Хотя люди формально названы «главным элементом» производительных сил, но поскольку авторы при исследовании естественноисторического аспекта развития общества запретили себе что-либо содержательное говорить о социальной деятельности живых людей, запретили вводить деятельность и личностный аспекты в исследование естественноисторического аспекта — люди под властью вещественных элементов выглядят в своей жизнедеятельности почти пленниками, жестко привязанными к «однозначной детерминации естественноисторического процесса»³⁸.

На современном этапе исторического развития человечества марксистская философия проблеме человека может поставить в центр своего категориального аппарата.

В теоретических доводах В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона в защиту выделения бессубъектного естественноисторического аспекта истории как основы всего исторического материализма есть аргументы, с которыми нельзя согласиться.

Так, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон доказывают, что необходимым принципом получения подлинно научных знаний является исключение сознательного субъекта из предмета научного анализа. Это, уверяют авторы книги, требование исходное и универсальное. И если исторический материализм претендует на статус научного знания, то он должен выделить такой аспект исторического развития, в котором отсутствует субъект.

«Что касается первого принципа — исключения сознательного субъекта из предмета научного анализа, то последующее развитие науки доказало непреходящую ценность этого принципа как исходного для любого научного анализа реальности...»³⁹.

«Наука исследует предмет, в котором отсутствует субъект»⁴⁰.

«Признание существования в истории материального, независимого от субъекта начала, означает, что открыта возможность существования естественноисторической закономерности»⁴¹.

Видимо, нельзя мерой научности считать в любом случае исключение субъекта из предмета науки. Главный критерий научности — содержательность добытой в исследовании объективной истины, а это качество соци-

ально-философских знаний зависит от того, с какой глубиной осуществляется исследование социального процесса.

Работы К. Маркса и Ф. Энгельса показывают, что одним из постоянных приемов углубления философских знаний о социальном процессе является разработка проблемы человека, исследование всех аспектов социальной реальности с полным учетом индивидуальной жизнедеятельности общественных индивидов.

«Движение от индивидуального к социальному столь же необходимый и законный путь анализа, как и от социума к индивиду»⁴².

Это принципиальное теоретическое положение марксистской философии получает в современных условиях особую важность и его значение будет возрастать в процессе усиления творческой активности, развития свободы и способностей современного человека.

Глава вторая

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Индивидуальные потребности — проявление и развитие сущностных сил человека

Анализ наиболее важных методологических идей социальной философии К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что одним из ее исходных и постоянных аспектов является всестороннее осмысление процесса удовлетворения одних потребностей и порождения других на основе производства социальных «орудий удовлетворения».

Изучение потребностей человека — это важное звено марксистской социальной философии, позволяющее раскрыть сложный внутренний мир индивидуальной жизнедеятельности и вместе с тем — обосновать методологическую правомерность такого философского осмысления индивидуальной жизни, при котором она выступает как сфера создания и воссоздания всех общественных связей, всего содержания общественных отношений.

В потребностях человека К. Марксом и Ф. Энгельсом прежде всего подчеркнута их сложная социальная структура, динамизм, активный созидательный характер. «Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»¹.

Следует особо выделить две важнейшие проблемы, которые связывают К. Маркс и Ф. Энгельс с удовлетворением и развитием потребностей индивидов: проблему индивидуальной свободы и проблему развития способностей человека.

«Первый момент заключался в том, что индивиды в своем самоосвобождении удовлетворяют определенную, действительно испытываемую ими потребность...

Второй момент заключается в том, что способность, существующая... лишь в качестве задатка, начинает функционировать как действительная сила»². (Выделено мной. — А. М.)

Содержание философских представлений о потребностях человека существенно влияет на категориальный смысл философских понятий: «производственные отношения», «общественные отношения», «социальная несправедливость», «социальная справедливость», «классовые противоречия в обществе» и на содержание многих других категорий исторического материализма. Потребности людей являются одной из главных и одной из наиболее самобытных сторон в жизни любой исторической эпохи. Появление новых потребностей людей является бесспорной приметой, которая свидетельствует о возникновении новых тенденций в общественном развитии.

«В действительном мире, там, где индивиды имеют потребности, они уже в силу этого имеют призвание и некоторую задачу...»³ Содержание категории «потребности человека» настолько емкое, фундаментальное, что именно этому понятию было суждено войти в основной принцип коммунизма: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Глубокое марксистское изучение индивидуальных потребностей привело к открытию объективного социологического закона — закона возвышения потребностей.

«Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы — сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и конца XIX в. или английского рабочего 1840-х годов и современного»⁴.

Вполне понятен постоянный интерес ученых к исследованию широкого круга проблем, связанных с изучением потребностей человека⁵.

Сущностная социальная особенность каждого индивида, проявляющаяся в том, что индивид обладает собственными потребностями, которые он активно, целеустремленно развивает и стремится перевоплотить в высшую форму их существования — в форму реального удовлетворения — эта особенность неисчерпаемо содержательна для социально-философского исследования, если ее умело раскрывать средствами марксистской методологии.

На необходимость и в то же время на сложность изучения потребностей обращал внимание Ф. Энгельс: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснить их из своих потребностей»⁶.

Индивидуальные потребности рождают социальную

активность человека, направленную на поиски и деятельное практическое формирование «орудий удовлетворения» и объектов удовлетворения потребностей. Вследствие этого жизнь индивида охвачена многообразной социальной деятельностью, активным стремлением перевести свои потребности из формы чисто внутреннего индивидуального состояния — формы «абстрактной», обедненной, а нередко и убогой — в форму действительного полнокровного их удовлетворения в практике, в социальном общении с другими людьми.

Жизнь личности состоит в постоянном разрушении тех разобщающих социальных сил, которые неизбежно заграждают ее потребностям путь к их удовлетворению, в постоянном созидании тех социальных условий, которые для личности выступают источником и сферой удовлетворения потребностей.

Потребности переживаются личностью как жизненная ценность, связанная с сущностью личности.

Потребности — это форма утверждения в жизни, форма саморазвития индивида. Процесс возникновения и удовлетворения потребностей многокрасочно наполняет бытие, сознание, эмоциональную жизнь индивида, доставляя ему радость и горе, наслаждения и страдания.

Потребности переживаются личностью как подлинная достоверность и жизненная ценность индивидуального бытия человека. Они прочно «обоснованы» уже тем, что человек не отделяет себя от них, а чувствует и воспринимает их как свою наиболее глубинную сущность. Потребности составляют безусловный момент личности, т. е. такой, который имеет для личности значение прочного исходного начала. Все другие проявления жизнедеятельности для личности обусловлены этим началом, наполняются личностным смыслом лишь в связи с потребностями личности. Потребности являются внутренним источником деятельности личности. Желательны или нежелательны потребности с объективной точки зрения — они «властвуют» над человеком. Прежде всего с их удовлетворением личность безусловно отождествляет свою индивидуальную свободу, свой социальный престиж.

Потребности — это форма устойчивой социальности, наиболее глубоко коренящейся в личности. Человек многое может отбросить от себя, может отсечь множество внешних связей, чтобы ощутить себя внутренне свобод-

ным от них. Но потребности всегда остаются внутри того круга, который способен очертить индивид, стремящийся определить границу, разделяющую для него ничем не заменимое, его собственное индивидуальное содержание от социально преходящей внешней стихии жизни. Потребности формируют внутреннюю, добровольную, глубокую привязанность к определенным сторонам окружающего мира. Каким бы узким, «точечным» ни оказался круг устремлений, который самим человеком принимается как достоверный смысл своей личной жизни — социальные потребности всегда прочно остаются внутри сокровенных глубин индивидуального мира.

Многие общественные явления, важные для других людей, могут оказаться не отвечающими потребностям конкретного индивида. И тогда они для этого индивида имеют значение пустяков, с которыми необходимо лишь внешне считаться. Общественные явления, которые на чужой взгляд могут быть незначительными и даже ничтожными, — занимают в жизнедеятельности человека первенствующее значение, если они отвечают его индивидуальным потребностям. Словом, какими бы сами по себе превосходными, неотразимыми ни были социальные ценности общества, в котором живет человек, но если они не смогли обрести форму потребностей индивида, они не имеют жизненного значения для него и остаются чисто внешним фактом, с существованием которого приходится считаться.

Потребности личности — существенный момент в поддержании отношений индивида к окружающему миру. Чем меньше у человека потребностей, тем более пустым выступает для него мир, существующий за пределами его потребностей, человеку с неразвитыми потребностями может казаться, что он уже обладает всей полнотой человеческого существования, а мир вне его — «абсолютная пустота».

В современную эпоху человек с односторонне развитыми потребностями легко становится послушным орудием социальных, идеологических, милитаристских манипуляций господствующего класса. И, напротив, гораздо сложнее, а нередко и драматично складываются отношения человека с окружающим миром в том случае, если личность обладает сложной динамичной, гуманистически ориентированной системой современных потребностей. У такой личности неизбежно возникает личност-

ная принципиальность в отношениях с миром, людьми. Такой человек активно втягивается в добровольную, самостоятельную защиту важных социальных ценностей и в вечный бой с проявлениями насилия, угнетения, паразитизма, косности, ибо мир — пока в нем могущественны силы зла — слишком беден, примитивен для гуманистически развитой личности, и человек добровольно идет на борьбу за преодоление бедности реального содержания общественных отношений, на борьбу за углубление личностной свободы, за совершенствование общественного строя своей страны.

«Богатый человек, — писал К. Маркс, — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни. Человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда»⁷.

Потребности существуют во взаимодействии личности с другими людьми в форме общественных отношений. Поэтому в потребностях личности имеется социальная привязанность личности к тем общественным отношениям, которые необходимы для удовлетворения ее жизненных потребностей. Такие общественные отношения, необходимые для существования потребностей, принимаются личностью столь же доверчиво, преданно и непосредственно, как ее собственная социальная сущность: личность не может быть свободной от этих отношений, не может отказаться от них, ибо они составляют сущностную сторону ее индивидуальности. Сохранение этих отношений для личности становится жизненным смыслом, и личность направляет свою энергию, опыт на ограждение этих отношений от неизбежных посягательств других людей, оберегает их от разрушения, развивает и укрепляет.

Таким образом, личность, развивающая те отношения, к которым она привязана потребностями, вовлекается в многогранную общественную жизнь, выходящую далеко за ее собственные потребности и за те общественные отношения, которые дают жизнь ее потребностям. Только из-за своих потребностей личность берет на себя бремя утверждения далеких от ее потребностей отношений, даже если и не питает к ним доверия, простой привязанности, преданности.

Из сказанного видно, что индивидуальные потребности существенно определяют характер взаимосвязи ин-

дивида и общества. К одним общественным отношениям личность привязана непосредственно и столь же беззаветно, как к своей социальной сущности. Другие же социальные отношения, не совпадающие с ее потребностями, составляют для индивида скорее не достоверность самого себя, а неизбежное бремя жизни. Это бремя жизни человек несет лишь ради развития тех отношений, которые присущи его потребностям. Если рушатся или гаснут по какой-либо причине те или иные индивидуальные потребности, то тем более для индивида теряют смысл «чужие» общественные отношения.

Понимание общественной жизни становится глубже, если выяснить существенное различие для потребностей личности разных слоев социальных отношений, существующих в обществе. Анализ неодинакового значения для потребностей личности разных сторон общественных отношений — это важный теоретический прием. С помощью этого приема эффективно изучается то «разделение», которое индивиды, удовлетворяющие потребности, производят, воздействуя на общественные отношения своего класса, других социальных групп и всего общества. Индивидуальные потребности личности сложны и трудны для анализа. Подлинное изучение их охватывает большой круг фундаментальных проблем, которые можно объединить в две неразрывно связанные большие группы.

Прежде всего необходимо теоретически раскрыть прямую и опосредованную многообразную связь индивидуальных потребностей со всем социальным миром личности — со способом производства социальной жизни, в которую включен индивид, с социальной структурой общества, с эмпирическими условиями и содержанием социальной деятельности индивида.

Вторую большую группу проблем составляет философский анализ исторически изменяющихся взаимосвязей индивидуальных потребностей со всей внутриличностной структурой индивидуальной жизнедеятельности.

Важное место здесь занимает прежде всего исследование диалектической взаимосвязи социального и биологического в жизнедеятельности и потребностях человека, определение нового качества социально-телесных и других потребностей индивида, возникших в результате диалектического взаимодействия социального и биологического моментов жизнедеятельности индивида.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что одним из существенных моментов диалектической концепции личности является глубокий анализ ее социальных потребностей в единстве с ее собственным телом. В своих сочинениях они показали, что идеализм в изучении личности проявляется, в частности, в том, что из социального облика личности редуцируется телесное начало человека.

«Если вырвать Я из всех его эмпирических жизненных отношений, из его деятельности, из условий его существования, отделить его от лежащих в его основе мира и от его собственного тела, то у него не остается, конечно, другого призвания и другого назначения, кроме как представлять собою Кая логических суждений...»⁸

Современный этап в развитии философских знаний о человеке, его потребностях характеризуется творческим вниманием ученых к проблеме социального и биологического развития человека⁹.

На основе критического анализа двух противоположных ошибочных крайностей — биологизаторской и социологизаторской, характерных для многих немарксистских концепций человека, марксисты многоаспектно раскрывают сложную, во многом еще не изученную, диалектическую взаимосвязь биологического и социального в человеке и в его потребностях. Все более глубоко осознается сущностное единство двух моментов в марксовом определении человека: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹⁰.

«Человек является непосредственно природным существом. В качестве природного существа... он... наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений...»¹¹

Исследователи единодушно отмечают, что взаимодействие биологического и социального в развитии человека — «сложнейшее», «что очень многие... вопросы... остаются на сегодня еще почти неизвестными. Необходимы многочисленные систематические длительные исследования, требующие для своего завершения не одного десятилетия»¹².

Богатейший материал для изучения индивидуальных

потребностей, для проблемной постановки вопроса дает характерный для марксистской диалектики исторический подход к пониманию природы индивидуальных потребностей.

Многочисленные факты истории свидетельствуют, что с тех древнейших времен, когда появились люди, индивидуальные потребности человека менялись часто, глубоко и многообразно. За сравнительно недолгую историю, какие-нибудь 50—100 тысяч лет, человек кровно, всеми своими телесно-чувственными и духовными силами увлеченно и безоглядно формировал и удовлетворял самые фантастические и, с точки зрения современного исследователя, нередко абсурдные и бессмысленные индивидуальные потребности. И всегда многие из таких потребностей воспринимались их творцами, их носителями как абсолютно необходимые для «нормального» существования человека, а посягательство на них воспринималось как недопустимое попрание самой сути человеческой жизни.

Это важное обстоятельство может стать — при его диалектико-материалистическом изучении — источником существенной информации для философского осмысления проблемы человека. Изучение исторического развития индивидуальных потребностей позволяет вести исследование диалектической взаимосвязи двух одинаково необходимых сторон в индивидуальности человека: социальной и природно-антропологической.

Исходной и постоянной методологической идеей исследования исторического развития индивидуальных потребностей является положение К. Маркса: «Вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...»¹³

Возникновение и историческое развитие человеческого труда является раскрытой книгой человеческих сущностных сил и позволяет в кажущемся хаосе изменяющихся индивидуальных потребностей выделить основные потребности, которые наиболее глубоко характеризуют в человеке человеческое начало.

Марксистские исследования показали, что наиболее характерными и существенными являются потребности, выражающие творческую сущность человека: потребность в труде и, как ее более широкое проявление, — потребность в свободе.

Потребность в труде — «одно из старейших приобретений человеческой культуры»¹⁴.

Историческая судьба этой индивидуальной потребности человека внутренне связана с развитием свободы и гуманизма человека. Для их развития характерны глубокие противоречия, антагонизмы. Племенные, национальные, классовые конфликты и отчуждение труда, стихийный разгул эксплуатации и социального насилия делали исторически невозможным формирование потребности в труде у каждого человека.

Умственный труд, став в основном монополией господствующего класса, выступает в качестве наиболее интенсивной формы творческого развития индивидуальной жизнедеятельности человека, а его результаты, воплощенные в философские произведения, в произведения литературы и искусства, в достижения науки и техники, явились могучим фактором исторического развития человечества.

Ясно, что без индивидуальной потребности в соответствующем труде были принципиально недостижимыми не только наиболее яркие шедевры мировой культуры, но и многочисленные преходящие духовные и материальные ценности. Прогрессивное развитие мировой культуры, неисчерпаемое богатство ее достижений убедительно раскрывают потребность человека в труде как в наслаждении игрой физических и духовных сил, воплощающихся в социально значительные результаты.

В течение тысячелетий в обществе господствовала жестокая эксплуатация человеческого труда, насилие над тружеником. Социальное отчуждение труда глубоко деформировало, ограничивало, подрывало потребность человека в трудовом проявлении и развитии своих сущностных сил, способностей, свободы. Однако потребность в труде существенно проявлялась в жизнедеятельности индивидов всех формаций.

Хотя потребность в труде прежде всего характерна для людей умственной деятельности, но и среди индивидов, занятых физическим трудом, она была всегда широко распространена. Поэтому есть основания считать ее «общесоциологической тенденцией»¹⁵, которая исторически развивалась в конкретно-исторических условиях каждой формации.

Историческая живучесть потребности в труде, ее способность развиваться вширь, т. е. охватывать массы

индивидов, и ее способность развиваться вглубь, т. е. становиться все более содержательной, творческой и доминирующей в жизнедеятельности индивидов,— убеждает в реальной осуществимости важнейшей социальной цели коммунизма: превращения труда в главную потребность гармонически развитого человека в бесклассовом обществе.

Историческое развитие индивидуальной потребности в труде показывает: «Если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижительное мучение»¹⁶.

Для изучения исторического развития индивидуальных потребностей большое методологическое значение имеет обобщенная характеристика К. Марксом трех ступеней, или трех крупных, исторически сменяющихся форм общества, которые глубоко различаются между собой качественным своеобразием жизнедеятельности индивидов: «Отношения личной зависимости»¹⁷ (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости,— такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность¹⁸, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние — такова третья ступень»¹⁹.

Выделяемые здесь К. Марксом три крупные исторические формы жизнедеятельности индивидов — личная зависимость, вещная зависимость, свободная индивидуальность — качественно различаются содержанием индивидуальных потребностей и условиями развития человека.

Остановимся на анализе первого исторически длительного этапа, этапа личной зависимости, в котором определяющим фактором развития индивида были взаимосвязи индивида с другими людьми в относительно «изолированных пунктах». Жизнедеятельность инди-

видов была непосредственно детерминирована личностными качествами других индивидов. На взаимную личную зависимость людей оказывали глубокое влияние традиции и нравы, родовой, племенной, сословный опыт людей, характеризующиеся конкретной привязанностью к «изолированным пунктам» жизнедеятельности человека.

Эта первая ступень исторического развития индивидуальной жизнедеятельности охватывает период от возникновения человека до крушения феодализма. Она характеризуется огромным разнообразием содержания социальных процессов и жесткой внеэкономической регламентацией индивидуального поведения человека.

Изучение развития индивидуальных потребностей на этой исторически длительной и столь необыкновенно богатой событиями ступени развития человечества позволяет исследовать важные моменты философской проблемы человека.

Во-первых, каковы биологические возможности индивида для коренной перестройки социальной жизнедеятельности человека, для глубинных изменений своих социальных условий? Известно, что предок человека оказался способным сделать решающие шаги на пути к социальной жизнедеятельности. Однако не говорят ли существующие в течение многих тысячелетий острые конфликты, социальное насилие, непрекращающиеся войны и многое другое о том, что человек оказался неприспособленным, чтобы длительно жить на все более усложняющемся «дереве» социальной жизни?

Об актуальности этой проблемы пишет академик П. Н. Федосеев: «Заметно выделяется (в немарксистской философии.— А. М.) тезис о якобы угрожающем росте противоречия между биологическим и социальным в человеке»²⁰.

Огромное многообразие социальных процессов этого первого этапа развития человека — от антропогенеза до капиталистического общества, значительная деятельность и богатство существенно различающихся модификаций родовой, племенной, рабовладельческой, феодальной формации — дают огромный материал для исследования способности человека к разнообразному социальному творчеству.

Второй момент философской проблемы человека, который исследуется в процессе анализа исторического

развития индивидуальных потребностей, состоит в следующем: как глубоко может социальное начало «переворачивать» отмеченные К. Марксом влечения, задатки, природные жизненные силы индивида?

Вопросы, поставленные здесь, сложны для научного исследования и остро актуальны в идеологическом отношении. Еще не так давно в современной марксистской философии преобладало «абсолютное отрицание какого бы то ни было влияния на социальную жизнь человека биологических факторов. Малейший намек на такую связь расценивался как уступка биологизаторским тенденциям в общественном знании»^{21а}.

«Философским понятием «снятия» биологического в социальном пользовались нередко для того, чтобы снять с повестки дня научных обсуждений вообще проблему биологического и социального»^{21б}.

Большая коллективная исследовательская работа ученых привела к существенной творческой переориентации. На современном этапе развития марксистской философии общепризнанной стала такая оценка ситуации: «Всю человеческую историю (как в филогенезе, так и в онтогенезе) сопровождает противоречие между требованиями и возможностями социального и природного (как вне, так и внутри человека). Разумеется, это противоречие не надо абсолютизировать..., но и закрывать на него глаза, видеть в человеке лишь *tabula rasa* для социальных воздействий — не меньшая ошибка»²².

При обсуждении этих вопросов в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса широко используется для исследования взаимосвязи социального и биологического в человеке понятие «человеческое тело». В нашей литературе это понятие еще не получило столь широкого применения, как в произведениях основоположников марксизма. В теоретическом исследовании индивидуальных потребностей это понятие помогает глубже изучить теорию К. Маркса и Ф. Энгельса и применить ее для современного исследования социальных процессов. Человеческое тело раскрыло себя в историческом процессе как источник жизненных сил для самых, казалось бы, несовместимых социальных потребностей индивидов.

Антропологические возможности человеческого индивида, существующие в виде природных, жизненных, деятельных сил, задатков и влечений, беспредельно «доверчивы» к ваятелю человека — обществу. Эти антрополо-

гические возможности — податливые, устремленные к развитию, — К. Маркс очень точно назвал деятельными и влечениями²³: они устремлены к глубокому взаимодействию, к синтезу с социальными обстоятельствами и становятся природной основой для формирования социальных потребностей индивида.

Антропологические возможности формирования индивидуальной жизнедеятельности в течение длительного исторического периода находились во власти стихийного, антагонистически развивающегося общества. Общество, развивающееся на основе частной собственности, на основе классового насилия одних социальных групп над другими, на основе эксплуатации, подвергало антропологические силы, влечения, задатки широкой массы индивидов жесточайшему истязанию.

Формировались потребности раба, крепостного крестьянина, в которых выступала воплощенная в рабстве, крепостничестве индивидуальная жизнедеятельность, индивидуальные потребности.

В таких состояниях человека, когда он угнетен, поработен и уже принимает свое положение как исходную социальную основу для своей жизнедеятельности, наглядно видна в качестве главной социальной причина, обуславливающая весь круг потребностей индивида.

Убедительным историческим материалом, доказывающим определяющий характер социальных обстоятельств на формирование и содержание индивидуальных потребностей, является материально обусловленное религиозное поведение людей.

Религиозные догмы многих религий идут на прямой, нередко фанатический конфликт с природными биологическими влечениями человека. В связи с этим возникает для исследователя возможность глубже осмыслить содержание противоречия между биологическим и социальным и выявить глубокое опосредование биологического социальным в потребностях человека в условиях антагонистического конфликта между социальным и биологическим.

Христианское средневековье в Европе формировало у человека религиозные, «противоестественные» потребности, губительно истязующие человеческое тело. Религиозный страх перед полнокровной телесной жизнью, страх перед свободным мышлением составлял основную

черту социального климата, который создавала феодальная христианская религия.

Средневековая эпоха, отравленная религиозным фанатизмом, воспитывала у человека в качестве основной потребности потребность в таком богопочитании, которое сопровождается истязанием тела. Возник уникальный в своем роде парадокс: человек как непосредственно природное существо, наполненное жизненными силами, деятельными влечениями, задатками, здесь оказывается втянутым в остроконфликтную ситуацию.

Феодалное христианство, вобрав в себя невежество, забитость и социальное бессилие людей, пытается формировать у человека такие индивидуальные потребности, которые фактически являются религиозным самоудушением биологической жизни. Более жестокая демонстрация определяющего влияния социального начала на биологическое человеческое начало вряд ли возможна — ведь речь идет об истязаниях, которые длятся долгие годы, охватывают всю жизнь верующего.

В ответ на этот агрессивный категорический императив религии человеком была проявлена трагическая податливость, доходившая нередко до фанатичной приверженности индивидуальным потребностям верующего.

Э. В. Ильенков так характеризовал эпоху того времени: «Идеалом человека здесь оказывался монах-аскет, а опоэтизированное фантазией изображение этого идеала глядело на людей скорбными очами распятого на кресте «спасителя». Путь к нему — путь на Голгофу, к искупительному страданию, самоуничтожению, самобичеванию, избавляющему дух от грязи и мерзости земного существования... И долгие столетия феодального средневековья принимал человек этот идеал за единственно верный и единственно возможный образ высшей сути жизни и мира. Почему? Потому, что лик «спасителя» был на самом деле зеркалом, отражавшим человеку его собственный, измученный и покрытый потом страдания и ужаса лик, лик спасаемого»²⁴.

Когда христианская феодальная религия была в расцвете своего могущества, под ее мощным воздействием формировалось немало людей, которые были одержимы потребностью умереть, потребностью попасть в рай и избежать ада ценой любого надругательства над своими антропологическими задатками, влечениями, силами.

Не просто было изломать, «перевернуть», привести к такому состоянию биологическое начало, когда оно уже начинает добровольно соучаствовать в самоистязании человека. Еще труднее было нейтрализовать, отсечь социальный гуманизм от жизнедеятельности индивида. «Средневековый человек был буквально окружен символами смерти, постоянно думал о ней и готовился к ней»²⁵.

Каждое слово проповеди религиозного аскета звучит как прямой вызов и удар по природным силам, влечениям, задаткам человека.

«Ты должен лишиться смысла любое удовольствие... Пусть душа твоя склоняется... не к желанию для себя самого лучшего и самого дорогого, а к желанию самого худшего и бедного»²⁶.

Одним из потрясающих примеров практического осуществления религиозных установок на глобальную конфронтацию социального начала с биологическим в индивидуальных потребностях человека является поведение человека, описанное в русской летописи: «Один купец, из Торопца родом, роздал свое «имение» и постригся у Антония в чернецы. Этот Исаакий принял за себя жестоко: надел власяницу, заказал купить себе козла, одрал его и надел свежую козлиную кожу шерстью на власяницу, так что на нем и усохла «кожа сыра», плотно прильнув через власяницу к телу. Семь лет пробыл Исаакий в таком виде в пещере длиной в 4 локтя, и «не вылезая», ни «на ребрах не легав, но сидя мало принимаше сна». Кормили его в «оконце» через день одной просфорой. Дошло до того, что постучали как-то Исаакию в оконце передать пищу, а ответа не последовало. Нашли его без чувств, и потом два года Феодосий отхаживал его, оглохшего, без языка и без движения, пока все это мало-помалу вернулось к нему. В сознании Исаакия в пещере победили его бесы: он помнил, как явились они, ударили в сопели, в гусли, и в бубны и заставили его плясать до полусмерти. Теперь, после этого случая, он решил побеждать дьявола не в пещере, а «ходя в монастырь» и соблюдая по-прежнему «воздержание жестоко»²⁷.

Историческое развитие индивидуальных потребностей показывает, что характер взаимосвязи биологического и социального в жизнедеятельности человека исторически развивается и всегда определяется

характером социальных процессов. Биологическое начало в человеке может быть природной основой для возникновения самых противоположных индивидуальных потребностей и противоположной по характеру жизнедеятельности. Например, в одних социальных обстоятельствах у человека формируется на основе природных задатков, влечений, жизненных сил потребность в труде. Тогда труд превращается в величайшее из всех наслаждений. В другой ситуации человек становится религиозным аскетом. В первом случае, как правило, ведущим моментом является момент внутреннего единства социального и биологического, во втором случае ведущим становится момент расхождения и даже острого конфликта между социальным и биологическим. Общая закономерность состоит в определяющем влиянии любого социального начала на характер и содержание взаимосвязи природного и социального в человеке.

Если учесть, что в течение всего длительного развития человечества биологическое начало человека — его природные силы, задатки, влечения — остается в основном постоянным, сохраняет свою качественную тождественность, а конкретные индивидуальные потребности постоянно и глубоко менялись, то станет ясна огромная важность биологического и определяющее влияние социального.

В процессе исторического развития индивидуальных потребностей выявились социальные потребности, в которые наиболее творчески, содержательно вливается биологическое начало человека. Это потребность в труде как в материально-духовной самостоятельности общественного индивида.

Для дальнейшего исследования индивидуальных потребностей необходимо более конкретно рассмотреть глубокую внутреннюю взаимосвязь биологического и социального в человеке.

Теоретической формой такой конкретизации является анализ индивидуального развития потребностей у отдельного человека.

Изучение индивидуального развития потребностей личности в контексте осуществляемого здесь исследования направлено на уточнение, конкретизацию следующих трех моментов.

Во-первых, необходимо раскрыть момент синтеза биологического и социального в индивидуальных потреб-

ностях, показывающего теперь, в отличие от предшествующего анализа, биологическое не как природную предпосылку социального развития индивидуальных потребностей, а как внутренний момент социальных потребностей.

Во-вторых, необходимо показать неизбежные различия, нередко существенные, в индивидуальном своеобразии биологического у разных людей и обусловленные этим различием особенности социальных качеств личности.

В-третьих, необходимо учитывать при анализе индивидуальных потребностей возрастную «текучесть» биологического в человеке и обусловленное этой текучестью существенное изменение социальных потребностей индивида.

Диалектическое взаимодействие социального и биологического начала в развитии человека начинается еще с социальных судеб родителей и даже предков индивида. От их социальной жизни во многом зависит здоровье будущих поколений, а следовательно, качество их природных сил и влечений, их способность полноценно взаимодействовать с родовой социальной жизнью человека.

Общеизвестно огромное значение и влияние на будущего индивида социальных условий, в которых протекает его эмбриональное развитие, влияние социальной обстановки, в которой проходит его самое раннее детство.

Еще задолго до того, как ребенок произнесет первое слово, он через сложнейшую социальную систему вкусовых, тепловых, световых, осязательных и других воздействий уже многообразно информирован о том социальном мире, в котором начинает жить. В чередовании сна и пищи, в особых манерах общения взрослых с детьми, в приемах сна, пищи, света, тепла, звуков и т. д. заключено сложнейшее социальное влияние, которое подчиняет исторически конкретному обществу формирование человеческих потребностей задолго до того, как ребенок сможет осознать себя человеком. И навстречу этому социальному влиянию в человеческом теле происходят глубокие и необратимые конкретно-исторические социальные изменения. Такие «предсловесные» и во многом внепсихические воздействия многообразно, мощно и социально формируют ребенка.

За то время, которое проходит до обретения ребенком умения произнести первое слово, общество успело уже проделать грандиозную работу по формированию его личности, его потребностей. По мере развития индивида из общества к нему устремляется разнообразная и имеющая с самого начала классовый характер (в классовом обществе) социальная среда. Система биологических инстинктов и сложнейших ощущений возникающего человеческого существа непрерывно находится во взаимодействии с социальной реальностью, и в этом активном взаимодействии вырастают индивидуальные социальные потребности человека, в которые неразличимо, неразделимо от социального начала влилась могучая живая стихия человеческого тела — природные силы, задатки индивида.

Человеческое тело с самого начала своего существования органически включается в социальные процессы. Особенности исторически конкретной эпохи (классовые условия в классовом обществе) формируют потребности личности, глубоко преобразуют антропологические предпосылки, разворачивают одни задатки и силы, глушат, калечат, уничтожают другие.

Верно, что биологическое начало человека не *tabula rasa*, но общество способно превратить его в «*tabula rasa*». Социальные воздействия сплошь и рядом уничтожают определенные природные силы, задатки, нередко низводят полное сил и влечений биологическое начало человека до необратимо опустевшей потенции.

Когда человек достигает зрелости, его природная энергия уже многообразно включена в конкретно-исторические социальные потребности, существует в виде сформированных обществом социальных потребностей индивида. Глубина синтеза такова, что любые потребности любой эпохи находят в человеческом теле свою основу, свое бытие, своего преданного соучастника. При включении в социальную жизнь человеческое тело претерпевает глубокие конкретно-исторические изменения, и не будет преувеличением сказать, что оно всегда является продуктом исторически определенной эпохи.

Сказанное не означает, что у индивида формируются такие потребности, какие хотело бы иметь «общество» в лице его господствующего класса и его идеологических и политических «инженеров человеческих душ».

Человек формируется прежде всего содержанием социальных процессов, происходящих в обществе, и особенно под воздействием людей и обстоятельств в непосредственной среде жизнедеятельности индивида. Поэтому процесс формирования потребностей — сложен, противоречив и своенравен у каждого человека.

Биологическое начало человека оказывается и внутренним природным моментом конкретно-исторических социальных потребностей, и моментом конкретно-исторических вынужденных обстоятельств индивидуальной жизнедеятельности человека. Биологические влечения и задатки человека с поразительной цепкостью и, можно сказать, доверчиво, наивно, беззащитно и поспешно отдают себя исторически определенным социальным потребностям и обстоятельствам, становятся их вернейшим стражем, безраздельно отождествляют с потребностями свою индивидуальную судьбу.

«Дело в том, что свойства личности, будучи социальными по своему существу и выражаясь в многообразных отношениях человека с обществом, существуют не вне живых конкретных индивидов, они принадлежат индивиду, являются его свойствами, формируются в процессе развития индивида в социальных условиях»²⁸.

Таким образом, в процессе социальной жизни биологическое в человеке развивается, преобразуется. В нем происходят качественные социальные изменения, соответствующие социальной жизнедеятельности индивида, его индивидуальным социальным потребностям. В таком качественно измененном виде антропологические силы, задатки, влечения становятся важнейшим моментом социальной жизни индивида.

К. Маркс и Ф. Энгельс придавали важное значение философскому исследованию конкретно-исторического синтеза социального и биологического в развитии человека.

В «Святом семействе», «Немецкой идеологии» основоположники марксизма неоднократно критикуют ошибочное представление младегегельянцев о социальном и биологическом в человеке. Младегегельянцы, не отрицая необходимости учета биологического в человеке, допускали такое теоретическое понимание, при котором биологическое трактовалось только как внешнее, низшее, параллельно существующее наряду с социаль-

ным, а социальное ошибочно понималось лишь как якобы надстраивающееся в человеческой жизнедеятельности над биологическим. Последовательно проведенная, эта точка зрения в конечном счете сводила социальное в человеке лишь к феноменам сознания. Эта точка зрения неизбежно вела к ошибочному теоретическому «разрыву» целостных социальных потребностей человека на два взаимосвязанных внешне, сосуществующих начала: одно — только социальное и другое — только досоциальное — биологическое.

Разъясняя несостоятельность этой догмы, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Пастор настолько унижает чувственность, что упраздняет именно те моменты чувственной любви, которые одухотворяют ее: быстрое кровобрашение, которое доказывает, что человек любит не с бесчувственной флегмой; нервные токи, которые соединяют орган, являющийся главным седалищем чувственности, с мозгом! Он сводит истинную чувственную любовь к механическому *secrecio semini* и вместе с пресловутым немецким теологом шепелявит: «Не ради чувственной любви, не ради плотских вожделений, а потому, что так велел господь, плодитесь и размножайтесь!»²⁹

Момент синтеза биологического и социального неизбежно возникает всегда во всей жизнедеятельности и особенно в индивидуальных потребностях человека. Этот момент существует, как уже было отмечено, даже тогда, когда мировоззрение и поведение человека направлено на фанатично конфликтное отношение к своему биологическому началу.

Посмотрим еще раз, но уже с другой стороны, на жизнь христианского аскета, память о котором нам сохранила летопись. Семь лет этот человек носил на себе власяницу, семь лет был зажат усохшей на нем козлиной шкурой, семь лет провел в пещере в 4 локтя, семь лет жесточайшего голодания! И все это добровольно. В основе этих самоистязаний — устойчивые индивидуальные потребности религиозного человека.

В такое парадоксальное поведение активно вовлечено, хотя и вынужденно, биологическое начало, оно делает возможным религиозный аскетизм, страдания и, следовательно, в религиозных потребностях биологическое в человеке, постоянно изнуряемое и разрушаемое, является необходимым моментом.

«Строить классификацию человеческих потребностей

на основе противопоставления биологического (природного) социальному (собственно человеческому) неправомерно. Не только потребности, отражающие нужды человеческого организма, но и те, которые связаны с развитием и формированием личности, имеют природные, естественные предпосылки. С другой стороны, как те, так и другие, если имеется в виду психологический факт потребности, т. е. потребность как психологическое образование, а не врожденные инстинктивные влечения, формируются в процессе жизни человеческого индивида, а не даны ему готовыми от природы»³⁰.

Синтез преобразованного биологического и социального в потребностях является одним из ярких свидетельств определяющего влияния социального во взаимодействии с биологическим в развитии человека.

Однако необходимо учитывать, что синтез социального и биологического в человеке не охватывает все стороны взаимосвязи биологического и социального в человеке. Диалектическая взаимосвязь биологического и социального в человеке — это многоуровневая взаимосвязь: от диалектической тождественности (синтеза) в одних отношениях до внешнего опосредования в других отношениях.

Многоуровневая взаимосвязь биологического и социального — это существенная особенность в развитии человека, и ее необходимо изучать тщательно, раскрывать ее с достаточной полнотой при исследовании неизбежных, иногда существенных различий в природных силах, влечениях, задатках разных индивидов.

Исследование индивидуальных различий в потребностях и способностях человека позволяет не только раскрыть новые грани в проблеме биологического и социального в развитии человека, но и использовать знания об индивидуальных различиях людей для разработки методологических проблем педагогики, дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии.

Об острой актуальности глубокого методологического изучения индивидуальных различий природных задатков, сил, влечений говорят факты.

«Среди контингента спецшкол, спецПТУ, колоний для несовершеннолетних правонарушителей пограничные нервно-психические нарушения обнаружены в 52,6 — 66,1 % случаев. В подавляющей массе своей эти откло-

нения невелики и при воспитании, соответствующем индивидуальности, поправимы»³¹.

Следовательно, важная социальная проблема состоит в том, чтобы своевременно заметить, поправить и предупредить попадание человека в колонию, в наркологический диспансер или больницу.

О том, что эта проблема чрезвычайно серьезная, говорит такой факт: комплексные клинико-психические исследования детей выявили среди них до 11 % таких, которые испытывают стойкие затруднения при обучении³².

Особую актуальность проблема индивидуальных различий биологического в развитии человека имеет для оптимального выбора сферы трудовой деятельности индивида, являющейся главной сферой формирования и развития личности³³.

§ 2. Социально-материальная детерминация телесно-чувственной жизни человека

Важным и необходимым звеном в исследовании марксистского понимания проблемы человека является уяснение смысла критики К. Марксом и Ф. Энгельсом концепций человека, разработанных выдающимися их предшественниками — Г. Гегелем и Л. Фейербахом.

Гегель разработал глубокую содержательную диалектическую концепцию человека, которая оказала огромное влияние на формирование марксистского учения о человеке³⁴.

Гегель был активным противником веры во что-либо сверхъестественное, и человек в его философии изображен как неутомимый и все более могучий творец всех социальных явлений — творец социального строя, социальных институтов, творец всех форм общественного сознания, как исторически деятельный творец себя самого. Даже такое традиционно освящаемое и возносимое религией над людьми мифическое существо, как бог — было решительно низведено Гегелем с потусторонних высот и по существу раскрыто как такое содержание материального мира и социальной деятельности земного человека, которое мистифицировано религиозными фантазиями о потустороннем мире.

«Бог Гегеля, если разобраться по существу, — это

саморазвивающийся мир, в котором главное место отведено деятельности человека, превращающей реальное в идеальное, а идеальное в реальное»³⁵.

К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили научные и гуманистические достижения философии Г. Гегеля и одновременно критиковали философию Г. Гегеля за идеалистическое противопоставление природно-биологического социальному в развитии человека.

«Самое существо духа,— ошибочно утверждает Гегель,— состоит в том, чтобы возвышаться над природой и природной определенностью, равно как над переплетением с внешним предметом, т. е. над материальным вообще, как это вытекает из самого понятия духа»³⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что теоретическое изображение целостной жизни человека в виде двух сосуществующих и внешне взаимодействующих сторон — только биологической и только социальной — является неправомерным, произвольным, методологически ошибочным приемом. Разделение деятельности человека, «ибо, что такое жизнь, если она не есть деятельность?» (К. Маркс) — на две части: биологическую — еда, питье, половой акт и т. д. и социальную — такое участие в общественной жизни, из которого изъяты все природные характеристики индивида, неизбежно ведет к искаженному представлению о социальной жизни человека.

Для гегелевской философии характерно противопоставление социальной реальности и особенно сознания биологическому началу человека, превращение социального начала в самостоятельную надприродную историческую реальность. Для такого методологического подхода характерно понимание живого человека как существа лишь «наполовину» социального. Природное оказывается хотя и необходимым, но лишь внешним условием. Живого, телесного, испытывающего материальные потребности человека Гегель трактовал только как часть, как вершину в развитии досоциальной природы. Гегель социальное видел прежде всего в сознании человека. В этом проявилась односторонность учения великого мыслителя о человеке и обществе. Из-за этой односторонности он не смог раскрыть многие моменты подлинного содержания и той социальной реальности, которую он сам силой своего гения выделил и изучал: всеобщие объективные формы человеческой деятельности, проявляющиеся в сознательной целенаправленной деятельности,

диалектические структуры развивающихся отношений, характерные для исторически-конкретных индивидов, классов, народов.

У Гегеля «...история становится, таким образом, особой личностью, метафизическим субъектом, а действительно человеческие индивидуумы превращаются всего лишь в носителей этого метафизического субъекта»³⁷.

Сколько теоретического и гуманистического пафоса проявили К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя недостатки гегелевского истолкования взаимосвязи природно-биологического и социального начал в общественной жизни и в живой социальной индивидуальности человека!

Вот некоторые из многочисленных принципиальных возражений К. Маркса и Ф. Энгельса Г. Гегелю.

В философии Гегеля «...самосознание рассматривается как единственный способ существования человека... Человека Гегель делает человеком самосознания, вместо того, чтобы самосознание сделать самосознанием человека,— действительного человека, т. е. живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного»³⁸.

«Природа была заперта мыслителем в его, для него самого таинственной и загадочной форме абсолютной идеи, мысленной вещи, абстракции»³⁹.

«Абстрактный мыслитель признает, что сущностью природы является чувственность, внешность, в противоположность в н у т р и себя движущемуся мышлению»⁴⁰.

«История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»⁴¹.

«...Еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер»⁴².

Из характера критических высказываний К. Маркса становится очевидным, что К. Маркс связывает достижение подлинной научности в исследовании социальных

процессов прежде всего с углублением философских представлений о социальной природе человека, о многообразии свойств человека как творца всех феноменов исторического процесса.

Мы видим, К. Маркс исходит из того, что еда, питье, половой акт (телесное) — суть подлинно человеческое, подлинно социальное содержание. Телесно-чувственная жизнь не носит у человека животного характера, и ее нельзя отрывать от содержания всей остальной человеческой деятельности.

Научная материалистическая философия должна теоретически воспроизвести еду, питье, половой акт и т. д., как важнейший момент материального конкретно-исторического социального процесса общественной жизни, как важнейшую сторону общественно-экономического строя.

«...В обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой действительности...»⁴³

На первый взгляд может показаться, что в этих высказываниях К. Маркс критикует гегелевский идеализм с феербаховских позиций, или с позиций, близких Фейербаху, но такое впечатление было бы глубоко ошибочным.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» разработана диалектико-материалистическая концепция человека, характерная для целостного марксизма⁴⁴.

К. Маркс высоко ценил Л. Фейербаха за его анализ и критику учения о человеке в философии Г. Гегеля. Недостатки философии Гегеля в вопросе о соотношении социального и биологического в жизни человека и общества не были очевидными и не замечались многими философами. Гегель стремился придать убедительность своей концепции, показывал ее правомерность, анализировал огромное множество доводов, искусно возводил несуществующие в действительности различия между телесным и социальным началами. Приращение телесно-чувственного пласта человеческой жизни, понимание его как низшего по сравнению с духовным включено в философии Гегеля в глубокие философские размышления. В качестве аргументов, якобы доказывающих правоту своего подхода, Гегель, с одной стороны, исследует многие реальные достоинства духовной жизни, и с другой —

исследует реальные факты отличия духовной жизни от специфики телесного бытия человека. И по существу, и тем более внешне концепция Гегеля была во многих отношениях содержательна и доказательна.

Тем больше заслуга Фейербаха в анализе учения Гегеля. Фейербах проницательно и энергично возразил против тенденции к недооценке социальной значимости биологического в философии Гегеля, против непомерного возвышения абстрактно понятого духа, превращающего телесную жизнь человека лишь в средство для саморазвития духа. Справедливо Фейербах отметил эту тенденцию философии Гегеля как ошибочную, компромиссную с религиозной христианской версией о противоположности тела и духа человеческого.

Но Фейербах, обоснованно критикуя этот момент философии Гегеля, в то же время узко, недостаточно последовательно и конкретно раскрыл проблему соотношения биологического и социального в человеке. Он веско доказывал социальную значимость человеческой чувственности и ее важную роль во всех проявлениях человеческой жизни. На этом пути Фейербаху удалось действительно по-новому глубоко раскрыть традиционную философскую проблему взаимосвязи общественного и индивидуального сознания людей. Фейербах подчеркнул существенную зависимость сознания от многообразной, находящейся за пределами сознания, телесно-чувственной человеческой жизни. Однако ему не удалось адекватно раскрыть конкретно-историческое богатство телесно-чувственной жизни. Фейербах правильно наметил, но недостаточно всесторонне раскрыл многообразную глубокую взаимозависимость телесно-чувственных свойств человека и конкретно-исторических свойств социального процесса.

Философия Фейербаха наметила новый методологический подход к изучению сложного противоречивого содержания человеческой жизни, однако концепция Фейербаха осталась чрезмерно общей и потому не могла удовлетворить К. Маркса и Ф. Энгельса.

Конечные результаты философии Фейербаха нуждались в конкретизации и критике. Человеческая чувственность в философии Фейербаха хотя и мыслилась как социальный продукт, однако все подлинное историческое богатство человеческой онтологической чувственности и зависимость содержания телесно-чувственной жизни от

всей совокупности производительных сил и производственных отношений предстояло выяснить К. Марксу и Ф. Энгельсу. Без такой конкретизации гениальные догадки Фейербаха невозможно было использовать для глубокого материалистического изучения конкретно-исторической социальной жизнедеятельности людей и всех социальных качеств отдельного человека.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс решительно и с принципиально новых позиций наметил методологические пути изучения человека: «...В переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его произведением и действительностью»⁴⁵.

В этом высказывании К. Маркса выражено противопоставление его собственных философских идей любым иным, в том числе и идеям философии Фейербаха. А через год, когда К. Маркс и Ф. Энгельс в еще большей степени раскрыли превосходство своих принципов над чрезмерно общей концепцией философии Фейербаха, они, полемически заостряя различия, писали в «Немецкой идеологии»: «...Фейербах никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной деятельности составляющих его индивидов и вынужден поэтому, увидев, например, вместо здоровых людей толпу золотушных, надорванных работой и чахоточных бедняков, прибегать к «высшему созерцанию» и к идеальному «выравниванию в роде», т. е. снова впадать в идеализм как раз там, где коммунистический материалист видит необходимость и вместе с тем условие преобразования как промышленности, так и общественного строя»⁴⁶.

Заслуга Фейербаха состояла в том, что он, уделив огромное внимание изучению философии Гегеля, справедливо раскрыл ошибочность гегелевской трактовки проблем соотношения биологического и социального в человеке и наметил правильное направление в трактовке телесно-чувственного начала как важнейшего социального момента. Но Фейербах не довел это свое открытие до конкретно-продуктивной системы понятий, воплощенных в методологию научного исследования всех социальных процессов, ограничившись ярким и плодотворным применением своих методологических принци-

пов для критики религии, идеализма и анализа историко-философского процесса.

К. Маркса и Ф. Энгельса, стремившихся создать глубокую философию, способную научно исследовать коренные проблемы исторического развития человечества и открыть пути и средства революционного изменения капиталистического общества — не могли удовлетворить достижения философии Фейербаха.

Антропологическая философия — это «неудавшаяся попытка Фейербаха ... выпрыгнуть из идеологии...»⁴⁷

Фейербах часто ограничивался лишь тем, что заменял гегелевское абстрагирование от человеческого тела провозглашением важности и необходимости изучения телесных свойств человека.

«Ошибка Фейербаха состоит ... в том, что он на идеалистический лад наделил его (потребность желудка — голод. — А. М.) самостоятельностью, вместо того, чтобы рассматривать его как продукт определенной, переходящей ступени исторического развития»⁴⁸.

Человеческая телесность уже понималась Фейербахом как антропологическая социальная реальность, однако Фейербах в понимании человеческой индивидуальности недостаточно содержательно выявляет конкретно-исторический и классовый моменты, хотя и признает, и подчеркивает важность этих моментов.

«Фейербах говорит о «человеке как таковом», а не о «действительном, историческом человеке»⁴⁹.

Социальное начало человека вследствие чрезмерно общего антропологического метода понималось Фейербахом недостаточно содержательно: обширные знания об историческом развитии человека использовались Фейербахом для раскрытия прежде всего религиозных превратностей в судьбах людей. Это было нужным и ценным, но этого было мало. Необходимо было дать анализ исторического развития онтологической чувственности индивидов в единстве с материальной предметной деятельностью эпох, классов, формаций.

«Ошибка Фейербаха заключается в том, что в конечном счете он не может справиться с чувственностью...»⁵⁰

При всех усилиях Фейербаха глубоко исследовать телесно-чувственную жизнь человека и не допустить теоретически ошибочного, не приемлемого для Фейербаха отождествления ее с досоциальной и внесоциальной жизнью природных особей — эти усилия остались суще-

ственно незавершенными. Фейербаховское толкование человеческо-чувственного начала в отрыве от анализа материально-предметных всемирно-исторических и классовых процессов чрезмерно обедняло истину.

Фейербах не использовал анализ материального производства, распределения и потребления для раскрытия всего богатства человеческой чувственности, и это не позволило ему показать все существенные моменты качественного своеобразия социальной чувственной жизни человека, раскрыть социальные законы исторического развития человека.

Но Фейербах, и в этом его заслуга, убедительно провел некоторые достоверные фундаментальные грани между телесно-чувственной жизнью животного и человека. Фейербах подчеркивал социальность человека вообще как родового существа, подчеркивал, что человеческие телесно-чувственные отношения всегда окультурены, что они социально возникли и что они содержат в себе элемент духовного, религиозного (у религиозных людей), эстетического начала. Но чем больше социальных атрибутов выделял Фейербах в «родовой чувственности» человека, тем острее возникала необходимость конкретного подхода: исторически-реальная человеческая телесно-чувственная жизнь трудящихся масс находилась в отчаянно жалком состоянии, и Фейербаху не удавалось теоретически полномерно и конкретно отобразить трагедию широких масс, наметить реальную перспективу материально-предметного преобразования деградированной классово-конкретной чувственности бедняков в подлинно очеловеченную индивидуальную чувственность, вобравшую в себя все богатства родовой чувственности человека.

К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу критически заметили, что Фейербах золотушную чувственность несчастных бедняков теоретически «выравнивает» в созерцании достоинств родовой чувственности человека вообще. К. Марксу, напротив, свойствен иной, реалистический подход. К. Маркс прежде всего неотступно раскрывал все ужасы и все социальные последствия «золотушной» чувственности угнетенных и многократно писал, что нередко люди в обществе вынуждены опускаться ниже животных — какие уж там эстетические переживания!

«Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже

животным чистоплотность перестают быть потребностью человека. Грязь — это состояние человека опустившегося, загнивающего; нечистоты (в буквальном смысле этого слова) цивилизации становятся для него жизненным элементом»⁵¹.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс решительно критикует не только гегелевскую, но и фейербаховскую методологию исследования взаимосвязи биологического и социального, родового и индивидуального начал в человеческой жизни. Основоположники марксизма впервые подняли философское решение этих проблем на научную высоту.

Диалектико-материалистическое философское исследование индивидуальных потребностей человека осуществлено К. Марксом и Ф. Энгельсом на основе разработанной ими методологии социально-философского познания⁵². Три важнейших аспекта этой методологии состоят в ориентации на всестороннее понимание «производства самой материальной жизни» человека, на понимание удовлетворения его потребностей как процесса «порождения» «новых потребностей» и производства своей жизни как процесса кровнородственного и семейного производства других людей.

Исследование индивидуальных потребностей, их содержания, развития и социального значения состоит прежде всего в выявлении внутреннего многообразного, многоуровневого социального единства индивидуальных потребностей с этими тремя основными моментами социальной жизни человека.

Благодаря всестороннему включению основных социальных моментов жизнедеятельности человека в исследование индивидуальных потребностей философия достигает такого методологического уровня исследования, при котором «уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства, связь, которая так же стара, как сами люди, — связь, которая принимает все новые формы, а следовательно, представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей»⁵³. (Выделено мной. — А. М.)

Исследование индивидуальных потребностей в таком методологическом контексте позволяет вовлечь в теоре-

тический анализ основные моменты общественного воспроизводства человека, формирования его сущностных сил, развития творческих способностей в различных видах жизнедеятельности.

Актуальность такого подхода к исследованию проблемы человека отмечается исследователями. Так, Е. Ф. Сулимов пишет: «В работах многих советских философов анализ вопросов производства человека долгое время оставался в тени, хотя именно здесь философу-исследователю открывались наибольшие возможности для применения творческих способностей. О человеке писалось и пишется немало. Но чаще всего он фигурирует в качестве агента производства благ и орудий, субъекта общественных отношений»⁵⁴.

Изучение индивидуальной жизнедеятельности человека как важнейшего момента в многогранном содержании процесса производства социальной жизни позволяет конкретизировать многоаспектную марксистскую идею о постоянной и необходимой сущностной диалектической взаимосвязи биологического и социального в человеке и доказать, что социальное «стало ведущей, определяющей стороной развития человека, его сущностью»⁵⁵.

Уже и предыдущий анализ исторического и индивидуального развития потребностей личности раскрыл глубину, многогранность и справедливость марксистской методологической концепции.

Поэтому теперь необходимо исследовать методологические возможности использования социальной информации об индивидуальных потребностях для сущностного анализа содержания общественных отношений. Другими словами, необходимо, применив диалектический метод сведения, воспроизвести в теории общественные отношения формации как живые, неотделимые от самого существа индивидуальной жизни человека. При таком методологическом подходе будет адекватно воспроизведен в широком социальном, в непосредственно общественном значении момент синтеза биологического и социального в потребностях и во всей индивидуальной жизнедеятельности человека.

Такая исследовательская задача требует более широко осмыслить значение идей К. Маркса и Ф. Энгельса

о социальной сущности человека, являющегося «непосредственно природным существом»⁵⁶.

К. Маркс неоднократно разъяснял, что личность создана не из какой-то бестелесной социальной субстанции, подозрительно напоминающей пресловутую «душу» и ее социальные атрибуты — из рассуждений теологов. Личность телесна. И именно потому, что личность телесна, она тысячью нерасторжимых нитей, идущих от ее конкретно-социального тела, привязана к конкретно-исторической социальной среде. Именно потому, что «человек есть часть природы», что «человек живет природой», личность так активно участвует в процессе материального производства своей жизни, воздействует на объективные процессы производства, распределения и потребления.

В «Капитале» К. Маркс остроумно заметил, что если бы рабочие не имели потребности в пище, то их нельзя было бы купить ни за какие деньги.

«То, что человек есть телесное, обладающее природными силами, живое, действительное, чувственное, предметное существо, означает, что предметом своей сущности, своего проявления жизни он имеет действительные, чувственные предметы, или что он может проявить свою жизнь только на действительных, чувственных предметах»⁵⁷.

Важно не упустить существенный момент в теоретических рассуждениях К. Маркса и Ф. Энгельса о телесных силах человека. Эти силы мыслятся, исследуются — особенно в форме синтеза социального и биологического — как внутренний момент социальной сущности, социальных связей индивидов.

«Общество производит как свою постоянную действительность человека со всем этим богатством его существа»⁵⁸.

В ходе исторического развития человека все более глубоко изменяются и основные потребности человека.

«Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих»⁵⁹.

«Голод есть голод, однако, голод, который утоляется

вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается, таким образом, производством... Производство, таким образом, создает потребителя»⁶⁰.

Телесно-чувственная жизнь человека является одним диалектическим полюсом материальной внутренней основы его личности. Другой полюс — «...суть предметы его потребностей: это необходимые существенные для проявления и утверждения его сущностных сил предметы»⁶¹.

Философия Фейербаха недостаточно конкретна в раскрытии этой стороны социальной сущности человека именно потому, что в ней не исследована и не воплощена в конкретно разработанную теорию производности телесно-чувственной жизни человека от уровня развития производительных сил и производственных отношений общества. Человек в действительности связан определяющим образом не с природой вообще, хотя природа является необходимой предпосылкой его бытия, а с социальной природой, создаваемой трудом, меняющейся от эпохи к эпохе и от класса к классу.

«Он (Фейербах.— А. М.) не замечает, что окружающий его (человека.— А. М.) чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния... Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию...»⁶²

Человек всегда имманентно включен в историческую, социальную природу. Конкретно-историческое производство, распределение и потребление материальных благ являются глубокой основой всего чувственного мира, каким он реально существует в каждом обществе у реальных людей.

«Человеческие предметы не являются природными предметами в том виде, как эти последние непосредственно даны в природе...»⁶³

«Предмет,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, обще-

ственное отношение человека к человеку»⁶⁴. В. И. Ленин отмечает в «Философских тетрадах», что «это место характерно в высшей степени, ибо показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы»..., именно к идее общественных отношений производства»⁶⁵.

Главной особенностью социально-человеческих предметов является то обстоятельство, что они, взятые не порознь, а в своей конкретно-исторической, классовой совокупной системе, властно предлагают каждому человеку программу его социального поведения, его наслаждений и страданий. «Встреча» человека с этой программой начинается, как уже говорилось, еще до рождения. По мере того, как человек растет, его индивидуальная жизнедеятельность настолько органически сливается с социально-предметной обстановкой, меняющейся от эпохи к эпохе и от класса к классу, что человек и принимает ее как свою непосредственную сущность даже в том случае, когда клянет ее. К. Маркс писал, что телесно-чувственная деятельность человека непосредственно является социальной человеческой и, значит, конкретно-классовой личностной деятельностью.

К. Маркс всесторонне учитывал методологически важный для научной философии факт, суть которого в том, что материальная чувственность человека развивается или впервые порождается в процессе исторически-конкретного взаимодействия человека с человеческими вещами, в процессе социального общения людей, в процессе производства и потребления вещей.

«Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз,— короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), одним словом, человеческое чувство, человечность чувств,— возникают лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе»⁶⁶.

Глубокое и последовательное раскрытие этого факта дает исследователю плодотворную, методологическую ситуацию для теоретических поисков. Получается, возможно, несколько парадоксальный, но убедительный, логически доказанный и содержательный научный вывод: человеческое тело в одном, причем существенном отношении является в не меньшей мере социальным явлением, чем любые из произведенных человеком вещей и процессов.

Социально-исторические судьбы отдельного человека производны от исторических судеб тех «человеческих предметов», которые развиваются по социальным закономерностям, определяющим развитие способа производства. Из одного и того же металла в разные эпохи можно делать наконечник стрелы первобытного охотника, орудия производства ремесленника, плуг земледельца, машину индустриальной эпохи. Подобно этому на разных этапах развития человеческого общества формируются разные в телесно-чувственном отношении социальные индивиды из «одинакового» природно-антропологического материала, формируются индивиды, различающиеся качественно разным содержанием телесно-чувственной деятельности: первобытный человек, раб, средневековый ремесленник или крестьянин, эксплуатируемый индустриальный рабочий; с другой стороны, разные эпохи дают: рабовладельца, феодала, капиталиста, функционера в аппарате власти современного буржуазного общества. Это телесно-чувственно качественно разные люди, ибо индивидуальная жизнь каждого из них складывается из социально-материальных процессов, глубоко отличающихся друг от друга.

«Вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы»⁶⁷.

Старую, но важную истину о том, что человек — продукт общества, К. Маркс и Ф. Энгельс наполнили новым, глубоким диалектико-материалистическим содержанием. И ее надо принимать так же по-новому, так же теоретически глубоко, как об этом много раз говорится в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Не калечить этот важнейший принцип марксистской философии поверхностной интерпретацией, произвольно привносящей ошибочное разделение социальной целостности живого человека на две стороны — биологическую, всецело остающуюся какой-то якобы лишь несоциальной осно-

вой личности, и личностную — чрезмерно очищаемую от телесности некоторыми толкованиями личности чуть ли не с религиозным рвением (хотя и в рамках марксистской терминологии). Поверхностное толкование философского принципа К. Маркса может лишь опошлить глубокую истину марксизма.

«В обществе его (человека.— А. М.) природное бытие является для него его человеческим бытием...»⁶⁸

«Если какой-нибудь индивид благодаря хорошей пище, заботливому воспитанию и физическим упражнениям развил в себе физическую силу и ловкость, а другой человек, вследствие скудной и нездоровой пищи и вызванного этим расстройства пищеварения, вследствие заброшенности в детстве и чрезмерного напряжения, никогда не мог приобрести «вещей», необходимых, чтобы нагулять себе мускулы — не говоря уже о владении этими «вещами» — то «личная сила» первого по отношению ко второму является чисто вещной»⁶⁹ (т. е. антагонистически социальной.— А. М.).

Глубокое понимание того принципиального обстоятельства, что телесная чувственная жизнь человека составляет важнейший аспект материальной социальной жизни личности, что эта телесная жизнь производна от конкретно-исторического общественного строя, классовой структуры общества, имело поистине далеко идущие философские плодотворные выводы. Поскольку было доказано, что человеческие предметы постоянно и активно производятся, потребляются человеком и поскольку была раскрыта их могучая определяющая роль в формировании и развитии жизни, поведения и переживаний человека — вследствие этого появилась научная возможность теоретически провести существенное различие между социальной телесно-чувственной жизнью человека и природно-биологической жизнью, существующей в досоциальной природе. Появилась возможность привлечь информацию об индивидуальной телесно-чувственной жизни для философского исследования общественных отношений. Появилась теоретическая возможность доказать и учесть, что человеческая телесно-чувственная индивидуальная жизнь является социальным продуктом исторически-конкретной эпохи, исторически-конкретного класса и поэтому философии необходимо понять ее как один из моментов собственного фун-

даментального содержания общественных отношений формации, класса, социальной группы.

Это важное теоретическое положение, доказанное К. Марксом и Ф. Энгельсом, является источником, основой тех идей, которые уже обсуждались при анализе методологической концепции человека в философии К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявления жизни — является проявлением и утверждением общественной жизни»⁷⁰.

Таким образом, важнейшая и одна из самых сложных проблем философии — является ли отдельный человек общественным существом во всяком проявлении его индивидуальной жизни — глубоко проанализирована основоположниками марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс аргументированно, последовательно и решительно показали, что индивидуальная жизнь отдельного человека во всех своих проявлениях — продукт и органическая часть того общественного строя, в котором он живет.

К. Маркс и Ф. Энгельс в философских работах так много внимания уделяют социальной природе индивидуального человека именно потому, что глубокое научное освещение этой проблемы открывает богатые методологические возможности для изучения всех уровней системы общественных отношений.

Такое принципиально новое, последовательное диалектико-материалистическое исследование социального характера индивидуальной жизнедеятельности человека в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса является существенным моментом теоретического изучения содержания социальной жизни, материального характера определяющих общественных отношений, объективных законов развития общества. Теоретическое изучение человека принесло К. Марксу и Ф. Энгельсу богатейшие, поистине революционно новые философские результаты.

Тщательный философский анализ индивидуальной жизнедеятельности людей позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу разработать гениальную революционную научную методологию, позволяющую вести глубокое исследование содержания общественных отношений. Вся-

кое проявление индивидуальной жизнедеятельности людей, включая и процесс индивидуальной телесно-чувственной жизнедеятельности человека на производстве, в развлечениях, в процессе питания, семейного, полового общения — является подлинно общественной, исторически конкретной социальной жизнью. В единстве с движением «общественных вещей» в процессе производства, распределения и потребления телесно-чувственная жизнь людей является важнейшим (но, разумеется, не единственным!) социальным содержанием общественных отношений данного общества, сферой действия объективных законов социального развития общества.

Этот диалектико-материалистический принцип вносит в философию новое, действительно революционное, смелое преобразование и обогащение смысла, вкладываемого в слова «социальная, общественная жизнь».

Все проявления человеческой жизни, как они существуют у миллионов живых людей, — абсолютно все, от самых массовидных и публичных, до интимнейших и сумасбродных — все это реальная панорама подлинно социальной, подлинно общественной жизни, все это подлинное социальное лицо исторически определенного общественного строя, все это подлинное содержание общественных отношений.

И как бы эпоха в лице идеологов, политиков и просто обывателей ни ужасалась, ни открещивалась от нежелательных и как будто социально «необъяснимых», как будто «природных» «эксцессов», компрометирующих парадное благополучие социального строя, они, эти якобы «интимные», «биологические» эксцессы — важнейшая сторона, подлинная сторона общественного строя, благополучной на первый взгляд социальности, необходимое существенное проявление официально рекламируемого идеологией господствующего класса прогресса, благопристойной нравственности, эстетических ценностей. К. Маркс и Ф. Энгельс убедительно и глубоко обосновали правомерность своей методологии, принудительно заставили любую эпоху узнавать и признать себя в той действительно неприглядной сфере подлинно социальной жизни, которую каждая антагонистическая формация и господствующая идеология под фальшивыми предлогами упрямо не желают воспринять как свою сущностную общественную действительность и как свой общественный «автопортрет».

К. Маркс и Ф. Энгельс коренным образом революционизировали, обогатили, углубили само философское понятие социальной жизни. Со времен рабовладельческой цивилизации над умами мыслителей тяготела устойчивая идеологическая версия, являющаяся продуктом и орудием классового антагонизма: считалось, что социальная жизнь — это только духовно-политическая жизнь и духовно-политэкономический аспект общения людей на производстве и в процессе социального движения материального богатства.

«Двигаясь в рамках отчуждения,— люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и человеческую родовую деятельность только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории, в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д.»⁷¹.

Обширную и сложнейшую сферу предметного бытия человека, содержащую разнообразнейшие социальные подлинно общественные судьбы людей, их подлинную жизнь «...до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека...»⁷²

Правда, мыслители обращались и к изучению трудовой деятельности, и к изучению бытовой жизни, но глубокого философского понимания живого телесного человека как существа подлинно социального в его телесно-чувственной жизни до философии К. Маркса и Ф. Энгельса не было. Сознание человека как социальное начало, имеющееся в чувственно-телесной деятельности людей и «облагораживающее» ее, противопоставлялось телесному началу человека, которое, как ошибочно считалось, является лишь общеприродным, досоциальным феноменом. Это методологически противоестественное выделение сознания домарксистскими философами из цельной социальной жизнедеятельности индивидов всегда неизбежно приводило, даже при высоком уровне мастерства и таланта мыслителя, к извращенно-идеологическому искажению не только материального социального содержания человеческой жизни, но и многих подлинных свойств сознания.

«Что вообще думать о такой науке, которая высокомерно абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты?...»⁷³

К. Маркс и Ф. Энгельс раздвинули границы философ-

ских представлений о социальном и коренным образом преобразовали его теоретический смысл. Они выяснили, что социальность не исчерпывается теми явлениями, которые традиционно философами, политэкономами считались социальными. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что исторически изменяющиеся определенные материальные предметы, органически вошедшие в трудовую жизнь, в производство и в другие формы общественной жизни, выполняют более глубокие социальные функции, чем это казалось идеалистам. Производство и потребление этих социальных вещей создает в общении людей телесно-чувственную жизнь индивидов, которая по своему содержанию в не меньшей мере социальна, чем религия, политика, искусство, а ее роль в жизни людей неизмеримо значительнее: она является моментом социального общественного материального бытия человека.

В свете этого впервые возникшего теоретического простора стала очевидной принципиальная узость, односторонность политэкономических и тем более философских учений, претендовавших на значение общественной науки. К. Маркс обнаружил, что изъяны этих теорий состоят не только в том, что они не отражают адекватно многообразного социального телесного бытия людей, но и в том, что из-за оторванности от глубокого изучения материально-чувственной социальной телесности, деятельности людей эти теории оказывались неизбежно односторонними, ошибочными в тех проблемах, которые ими решались. Так, в «Капитале» К. Маркс показал, что классическим примером подобного творческого бессилия является неспособность буржуазных экономистов познать «корень всех вещей буржуазного общества»: социальную сущность прибавочной стоимости и источник ее возникновения. Ее раскрытие стало возможным лишь тогда, когда К. Маркс расширил и преобразовал смысл и содержание философского учения о социальной жизни, когда К. Маркс средствами теории проанализировал не только духовную, но и телесную жизнь, материальную социальную чувственность рабочего класса.

Общие абстрактные теории буржуазной политэкономии глубоко импонировали имущему классу. В абстрактных рассуждениях политэкономии жестокая эксплуатация рабочих капиталистами приобретает из-за абстрагирования от содержания телесно-чувственной жизни ра-

бочих благопристойный теоретический вид объективного закона обмена товарными эквивалентами между свободным капиталистом и «свободным» рабочим. Общественные порядки, закрепляющие эксплуатацию, выглядят при этом как общее благо. Вопиющие социальные язвы общества, существующие в виде убогой телесно-чувственной жизни людей, насыщенной страданиями, болезнями и тупыми ощущениями, остаются за пределами теории, не раскрываются при изучении социального строя общества как важнейший внутренний момент этого строя, как проявление объективных законов общественного развития. Теоретические рассуждения идеологов об объективных законах общества и даже о противоречиях общества содержат в таких случаях множество надуманных проблем и словопрений, в которых мало подлинной и адекватной информации о действительных социальных отношениях и много бесстыдного красноречия.

К. Маркс и Ф. Энгельс многократно разъясняли необходимость соразмерного и глубокого исследования именно всех материальных моментов общественного бытия человека (включая и телесно-чувственный) в их взаимном единстве и взаимопроникновении. На ошибках буржуазной политэкономической мысли классики марксизма показали, что даже пристальное внимание к производству, обмену и распределению материальных вещей, осуществленное без научного исследования телесно-чувственной жизнедеятельности индивидов, неизбежно искажает реальную жизнь общества.

Реальная жизнь людей, прошедшая процесс идеологической дистилляции в реторте абстрактных рассуждений о материально-вещном проявлении производительных сил и производственных отношений, выглядит чище и благопристойнее, чем она есть в действительности. Под ошибочным предлогом того, что противоречия телесного состояния людей не являются будто бы социальными и, следовательно, их изучением различные науки должны заниматься только тогда, когда исследуется отдельный индивид, а не социальные отношения в обществе,— под этим глубоко пагубным для науки предлогом из социальных теорий изымается изучение социально-конфликтного и социально истерзанного состояния телесной жизни эксплуатируемых трудящихся. При такой редукции социального облика человека в теоре-

тических представлениях о человеке неизбежно возникают грубые искажения не только реальных потребностей и мотивов поведения индивида, но и социального содержания общественных отношений.

Многие люди, воспитанные на основе таких односторонних, хотя внешне нередко весьма правдоподобных идеологических версий, сбитые этими версиями с толку, начинают искренне «полагать», что материальные отношения общества «начертаны» только в движении социальных вещей, всевозможного богатства общества, в имущественных взаимоотношениях классов. Коренной порок немарксистской философии и буржуазной политэкономии состоит в том, что они не смогли телесно-чувственную жизнь индивидов понять и раскрыть как один из фундаментальных конкретно-исторических моментов существования общественных отношений и объективных законов общественного бытия, производный от социально-материального положения человека в обществе. К. Маркс и Ф. Энгельс систематически, настойчиво, в самых резких выражениях разоблачали эту оторванность буржуазной философии и буржуазной политэкономии от подлинно глубоких и жизнеопределяющих основ человеческого бытия. Они показали, что в буржуазной философии и в буржуазной политэкономии неизбежно возникает, как следствие их оторванности от глубокого научного исследования социальной материальной телесно-чувственной жизни индивидов всех классов и групп, теоретическое искажение, извращение общественной и индивидуальной жизни. Имея в виду этот серьезный порок, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь»⁷⁴.

Иронически становясь как бы на точку зрения своих противников, К. Маркс и Ф. Энгельс высмеивали теоретическую близорукость и неизбежное ханжество, лицемерие поверхностных идеологов. «Разве вы не знаете, что помышления плотские — это смерть, а помышления духовные — это жизнь и мир... Дела плоти известны, они суть — прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, нечестивые шайки, ненависть, убийства, пьянство, обжорство и тому подобное»⁷⁵.

Процедура теоретического укладывания материаль-

ного процесса общественной жизни в абстрактные формы, оторванные от анализа социальной телесно-чувственной жизни, открывает перед идеологами безграничные возможности для «впечатляющей» фальсификации классовой борьбы, социальных антагонизмов. Все, что не вмещается в рамки угодных для идеологии абстрактных формул, нагло замалчивается или объявляется случайным, нетипичным, исторически преходящим, словом, не имеющим прямого отношения к сущностной действительности восхваляемого идеологией социального бытия.

К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко вскрыли классовую причину, лежащую сознательно или бессознательно в основе такого исключения «плотской», телесной человеческой жизни из философских представлений о социальном содержании общественных отношений.

«Нелепое суждение философов о том, что действительный человек не есть человек, является только самым универсальным, всеобъемлющим в сфере абстракции выражением фактически существующего универсального противоречия между отношениями и потребностями людей. Нелепая форма абстрактного тезиса вполне соответствует нелепости доведенных до крайности отношений буржуазного общества»⁷⁶.

Таким анализом классики марксизма выявили тот довольно долгий исторический период, в течение которого идеологи неизбежно будут и впредь под тем или иным предлогом замалчивать и фальсифицировать телесно-чувственное состояние общественных индивидов, будут встречать в штыки марксистское требование глубокого анализа телесно-чувственной жизни, требование тщательного сопоставления, сравнения социальных различий в этой жизни у разных социальных групп и классов.

Это замалчивание всегда было и будет в обществе, где различия в содержании телесно-чувственной жизни разных классов, вопреки официальным утверждениям пропаганды, носят антагонистический характер, а значительные усилия идеологии направляются на грубую фальсификацию этих социальных различий.

В действительной жизни источники социального зла коренятся как в системе официальных, так и в молчаливо поощряемых и утверждаемых всевозможных социальных материальных и политических привилегиях для одних групп общества и в системе принуждения к отчужденному труду для широких масс тружеников го-

рода и деревни. Однако, несмотря на очевидность антагонизмов, в абстрактных теориях наблюдается разгул идеологического оптимизма, настойчиво искажающего реальное положение и реальные взаимоотношения социальных классов и групп. Из таких идеологических версий вытекает всегда один и тот же казенный вывод: чем сильнее, могущественнее система официального общественного насильственного порядка, тем якобы справедливее, человечнее условия для жизни каждого человека.

Все ужасы повседневного «биологического» и «физиологического» существования трудового человека апологетической идеологией изымаются из «сущности» социального строя и из содержания общественных отношений и подводятся беглым бормотанием идеологических сикофантов под рубрику многоликой случайности: не относящиеся к сущности строя «пережитки», «дурные выходки» отдельных, плохо воспитанных и больных индивидов, случайно злоупотребляющие социальными возможностями индивиды и т. п.⁷⁷.

Но от апологетических восхвалений идеологов жизненная поступь антагонистической системы никогда не становится лучше. Напротив, чем больше замалчиваются наиболее глубокие противоречия общества, чем больше идеология раболепствует перед распутными верхами, перед социальной пирамидой «порядка», тем ненасытнее, безобразнее, хищнее, бесцеремоннее транжирится живой и овеществленный труд народа и тем больше в обществе расточительного, опасного для судеб общества и человека произвола должностных лиц.

И тогда «бдящие» идеологи снова и снова становятся наемными моралистами и сетуют на случайные плохие обстоятельства, на испорченных людей, которые мешают-де «по-хорошему», «по-человечески» функционировать общественной системе «прогрессивного порядка», на неумение отдельных деятелей «разумно» использовать объективные возможности «хороших», «справедливых» законов общества — законов, существующих лишь в потоках пропагандистских разглагольствований.

Особенно часто морализирующие идеологи рассуждают о «пережитках», о несознательных носителях пережитков. Доказывают, что это, прежде всего, они, пережитки, мешают и портят все, виноваты «родимые пятна» проклятого прошлого.

К. Маркс иронически описывает сетования капиталистов и их идеологов на пережитки: «Земельный собственник, этот праздный и только мешающий делу хлебный ростовщик, удорожает для народа самые необходимые средства к жизни, тем самым вынуждая капиталиста повышать заработную плату без возможности увеличения производительной силы; тем самым земельный собственник препятствует росту годового дохода нации, препятствует накоплению капиталов и, следовательно, сокращает возможность предоставления народу работы, а стране богатства; в конечном счете земельный собственник совершенно уничтожает эту возможность...»⁷⁸

К. Маркс отмечает, что в данном случае нельзя сказать, будто в подобных сетованиях одна только неправда, ибо остатки феодализма действительно продолжают долго существовать в буржуазном обществе. Но классовый характер корыстных рассуждений идеологов состоит в том, что идеологи все сваливают на пережитки прошлого и на временное несовершенство нового общества и поэтому неспособны распознать в недрах нового общества новые мощные источники нового социального зла.

Идеологи не хотят видеть, что закономерно возникающие типичные черты нового хозяина общества — не менее отвратительны, чем пороки пресловутого феодала.

Новый хозяин общества является «...хитрым мошенником, маклером-надувателем, продажным корыстолюбцем; мятежным, бессердечным и бездумным, чуждым общественному духу, запросто торгующим интересами общества, спекулянтом, ростовщиком, сводником, холопом, ловким льстецом, расчетливым денежным плутом, порождающим, вскармливающим, раздувающим конкуренцию и, следовательно, пауперизм и преступления, вызывающим распад всех социальных уз...»⁷⁹

Все эти черты индивидов господствующих верхов есть необходимое массовое проявление сущностного содержания общественных отношений. Они — подлинное существование капитала. К. Маркс, руководствуясь революционно новыми, беспредельно реалистическими принципами своей философии, обнажил узость методологических допущений буржуазной политэкономии и показал, что из-за оторванности ее содержания от адекватного понимания социальной чувственной жизнедея-

тельности людей она неизбежно превращается в апологетическую идеологию. К. Маркс обоснованно оборвал бодряческое бормотание продажных или обманутых своей близорукостью идеологических сикофантов. Он достоверно выяснил, что уродливые стороны антагонистического образа жизни — это существенное, необходимое проявление внутренней природы общества.

Из сказанного видно, что пристальное внимание основоположников марксизма к индивидуальной жизнедеятельности каждого человека является одним из главных проявлений грандиозной творческой работы, которая привела к принципиально новому пониманию содержания общественных отношений и законов их развития.

В соответствии со своей собственной методологией исследования всей индивидуальной жизнедеятельности людей как содержания общественных отношений, в соответствии со своим новым диалектико-материалистическим пониманием сущности социальной жизни К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно и тщательно изучали индивидуальные потребности людей.

Чтобы исследовать общественные отношения капиталистического общества и найти реальные возможности и социальные силы для уничтожения капитализма и построения социализма, К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко изучили закономерности возникновения, развития и революционного разрушения капиталистической формации.

Важной стороной марксистского учения об общественных отношениях при капитализме является исследование потребностей рабочего класса — революционного могильщика капитализма.

§ 3. Исследование Ф. Энгельсом потребностей рабочего класса

К числу величайших и редких достоинств, которые не часто встречаются даже у гениальных мыслителей, относится научная непредвзятость социального исследования. Если даже к ней стремятся честные ученые, то сложная проблема состоит в том, как достичь научной непредвзятости.

В поисках достоверности своего учения обычно мыслители обращаются к изучению неисчерпаемо богатого опыта исторического развития человечества. Но исто-

рия «начинается» с сегодняшнего дня. И этот день не всегда благоприятен для глубокого научного познания прошлого. Нередко деспотизм, террор и идеологическая истерия, насаждаемые в обществе, мешают исследовать развитие общества, мешают глубоко изучить жизнедеятельность человека.

Классовая борьба и партийные интересы вторгаются в исследование социальных процессов в качестве влиятельного методологического «климата». Глубокие социальные противоречия и неизбежная ограниченность индивидуальной, групповой и всей человеческой практики вносят в теоретическое исследование существенный момент узкоклассовой тенденциозности.

Но даже при самых лучших социальных обстоятельствах история далека от того, чтобы всегда быть щедрым источником надежных истин. История допускает разные варианты ее истолкования, в том числе много заведомо фальсификаторских. Мертвые не возражают, и живые могут вкладывать в их поступки любой смысл. И трудно среди всех возможных вариантов понимания исторических фактов найти такую объективную истину, которая единственно имеет право «представительствовать» от имени прошлых поколений перед разумом живущих.

К. Маркс видел, что для многих теоретиков обращение к истории оказывается фактически бесполезным. Из мысленного путешествия по ее лабиринтам возвращаются с тем же, по существу, предвзятым теоретическим багажом, который приобрели до «исторического» исследования. В таком случае обращение к истории носит чисто мистификаторский характер. К. Маркс хорошо подметил подобные мнимо исторические рассуждения и тщательно исследовал их гносеологические истоки.

«Мы не последуем примеру политэконома, который, желая что-либо объяснить, переносится в вымышленное им первобытное состояние. Такое первобытное состояние ничего не объясняет. Ссылаясь на первобытное состояние, политэконом только отодвигает вопрос в серую туманную даль. Он предполагает в форме факта, события то, что он должен дедуцировать... Таким образом теолог объясняет происхождение зла грехопадением, т. е. он предполагает как факт, в форме исторического события, то, что он должен объяснить»⁸⁰.

Чтобы история раскрыла исследователю свои секреты, необходимо погружаться в ее лабиринты с на-

дежным теоретическим компасом. Исследование потребностей личности помогло К. Марксу и Ф. Энгельсу создать нужный запас бесспорно непредвзятых объективных знаний, помогающих раскрыть подлинные закономерности общественной жизни.

Потребности представляют собой благодатный материал для непредвзятых исследований. В общественной жизни есть явления, которые по своей «конечной» сущности просты и примитивны, но они как-то «туго», «тяжело» входят в теорию, если их начинают изучать. И в то же время есть очень сложные явления, которые, несмотря на свою сложность, «анатомируются» и «синтезируются» проще и легче. Их анализ хорошо, эффективно выполняется и средствами простой регистрации непосредственных наблюдений, и средствами здравого рассудка, и специальными средствами диалектической логики. Таковы потребности человека.

Теоретическое отображение потребностей человека осуществлено К. Марксом и Ф. Энгельсом на основе глубокого изучения материально-чувственной жизни индивидов, существующей как классово-типичная жизнедеятельность с ее характерными для класса наслаждениями, страданиями, страстями. В своих сочинениях К. Маркс и Ф. Энгельс проявили редко встречающуюся творческую способность — способность взглянуть на состояние противоречивой, нередко деградированной чувственности индивидов без каких-либо морализующих сентенций и идеологических, в плохом смысле этого слова, спекуляций. В то же время анализ материально-чувственной жизни индивидов осуществлен ими настолько глубоко, что стала очевидной важная философская истина: материально-чувственная жизнь индивидов является социальной, исторически определенной классовой жизнью и поэтому ее необходимо понимать как важнейшую часть подлинного содержания общественных отношений формации.

Теоретические приемы в сочинениях классиков марксизма при исследовании индивидуальных потребностей поистине неисчерпаемы: от создания тончайших абстрактно-логических образов, вскрывающих в потребностях прямое и многообразное присутствие социальных отношений до эмпирической констатации телесно-чувственного самочувствия индивидов, уже на таком уровне исследовательского контакта с объектом изучения, ког-

да «в стороне» остаются сложные теоретические сопоставления и потребность изучается чувственным опытом в предельно-обнаженном чувственно-материальном состоянии.

К. Маркс и Ф. Энгельс тщательно изучили прежде всего потребности людей из рабочего класса. Они выяснили, что формирование и удовлетворение потребностей огромных масс тружеников происходит в условиях напряженной классовой борьбы. Потребности рабочих являются своеобразным воплощением антагонизмов и стихийности буржуазного общества. В буржуазном обществе судьбы людей всех социальных групп определяются функционированием капитала и движением денег. Деньги олицетворяют могущество человека, они выступают, по словам Маркса, узами всех уз. Деньги осуществляют «...братание невозможностей...»⁸¹, констатировал К. Маркс. При капитализме «...деньги являются узами, связывающими меня с человеческой жизнью, обществом, природой и людьми...»⁸². В этих условиях внимание людей властно привлечено к силе денег. Демагогическая пропаганда и обывательский жизненный «успех» многих проходимцев, а главное — условия жизни, формируют у людей фетишистское отношение к богатству как первопричине всего происходящего. Жизнь содержит могучую агрессивную тенденцию воспитывать у людей всех классов потребности, в которых жажда богатства подчинила бы себе все устремления личности. В этих условиях «...частная собственность воплощается в самом человеке...»⁸³.

Отмеченная тенденция больше всего проявляется среди тех, у кого сосредоточено богатство, но и пролетарии жестоко угнетены ею. Разнообразнейшие обстоятельства жизни навязывают пролетарию потребность «в вещах» как главную потребность. Обстановка социальных контрастов, в которой уже с детства оказывается рабочий, демонстративная роскошь буржуа — на одном полюсе и нелегкий физический труд и классовая зависимость — на другом, хорошо и просматривается, и чувствуется из той социальной среды, в которой живет рабочий. Формируется противоречивая социальная природа личности рабочего капиталистического общества. Социальные антагонизмы многообразно проникают в облик его личности и существенно проявляются в состоянии его потребностей.

Буржуазное общество имеет одну характерную для него мистификаторскую особенность. Эта особенность весьма существенна для правильного представления об условиях формирования потребностей классовой личности. Она состоит в том, что «демократическое» классовое расслоение содержит причудливое смещение границ возможного и действительного для отдельной личности. И люди часто становятся жертвой этой мистификации. Когда человек впервые вступает в жизнь и у него формируются потребности, жизнь в далекой перспективе может показаться заманчивой, ибо она бесстыдно щедра на рекламу, на обещания. То, что доступно только эксплуататорам, она издала одинаково энергично предлагает каждому. Человеку легко может показаться, что жизнь предлагает ему обширный и фантастически богатый выбор потребностей, и тогда он роковым образом не замечает того обстоятельства, что его собственные возможности скудно выделены ему через историческую судьбу его класса.

Это обстоятельство важно учитывать для того, чтобы избежать упрощения в трактовке причин появления потребностей классовой личности. Мир, формирующий потребности личности, далеко не полностью совпадает с миром, удовлетворяющим потребности. При формировании потребностей личность поразительно восприимчива к широкой социальной среде. Возникновение потребностей определяется социальной средой прихотливо, капризно, своенравно. По малейшим, с внешней точки зрения, намекам среды во внутреннем мире личности возникают устойчивые потребности, и личность непосредственно привязывается к ним. В то же время рядом с этой едва заметной (с внешней точки зрения) причиной, нередко сосредоточена целая система средств, призванных вызвать у личности к жизни определенную потребность, но потребность не возникает.

Под влиянием далеких «горизонтов» социальной жизни потребности могут возникнуть задолго до их удовлетворения и вопреки давлению непосредственных окружающих обстоятельств, определяющих основное содержание непосредственной социальной среды индивида.

Потребность индивидуума «не находится ни в какой непосредственной связи с удовлетворением потребности...»⁸⁴

Во внутреннем мире личности одинаково реально

или, еще лучше сказать, потенциально, существуют и те потребности, которые в будущей, единственно реальной жизни будут приняты в сферу действительной жизни, и те потребности, которым суждена жизнь лишь в форме внутренних обреченных порывов личности. Теоретическое проникновение в эту сферу внутреннего мира личности, где сосредоточены все ее устремления: и те, которые обречены, и те которые воплощаются в жизнь, позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу раскрыть драматические противоречия внутреннего мира и поведения личности.

Трагические конвульсии обреченных индивидуальных потребностей — важная сторона жизнедеятельности личности. Диалектико-материалистический метод глубокого изучения социальных процессов нацелен и на исследование этих обреченных моментов бытия личности. Изучение реальных, но обреченных на неудовлетворение потребностей личности дает важную информацию о сложной диалектике субъективного мира личности человека. Отвергнутые общественными отношениями индивидуальные потребности личности многое могут рассказать исследователю о том, что из себя представляют в действительности эти отношения. Никто так подлинно не сможет рассказать о зверствах палача, как его жертва. Отвергаемые общественными отношениями потребности личности являются средоточием социальной конфликтности. Многократно и разнообразно порываются они к жизни, но в общественных отношениях преобладает мощная, блокирующая, фальсифицирующая и уничтожающая их сила.

Режим вечного ожидания и подсознательное, а со временем вполне отчетливое осознание обреченности многих потребностей существенно меняет их первоначальную природу и назначение. Многие социальные потребности глубоко деформируются. Человек перестает пробивать им дорогу в жизнь. Потребности заражаются своеобразной робостью. В их природе проявляется нечто противоестественное здоровым, реальным потребностям: казалось бы, они существуют у человека как потребности, следовательно, уже фактом своего существования должны вовлекать человека в активные поиски путей их удовлетворения. Но в решающий миг, когда, наконец, появляются возможности практического удовлетворения, когда бьет их звездный час, эти потребности

нередко отказываются от энергичного воплощения в жизнь «здесь» и «теперь». Они остаются инертными. Они превращаются в призраки, удерживающие человека от поступков, противятся активности личности, не желают терять свою бесплотную, призрачную природу чистой потребности, решительно восстают против необычного или жесткого «вещественного» жизненного материала, из которого «здесь» и «теперь» делается жизнь. Появляется недоверие к действительности, к осуществлению. Такое поведение потребностей свидетельствует об их окончательной смерти. Потребность так долго терпела гнет чуждых ей обстоятельств и так глубоко в нее вошло «ожидание», что «ожидание» стало ее внутренней сутью. Это уже не потребность, а безжизненное мерцание еще не успевшего умереть духовного «двойника» погибшей потребности. Это ноющая душа уже умершей потребности. Потребность, растворяющая свои притязания в неопределенном и зыбком тумане заторможенных социальными обстоятельствами желаний, пытающаяся теперь избежать грубой «материализации», потребность, теперь уже отклоняющая свое конкретизирующее осуществление, в котором она только и могла бы обречь плоть своей полнокровной реальности,— превратилась в назойливый отчужденный призрак разрушаемой социальными обстоятельствами потребности.

Из всего потенциального богатства потребностей пролетария, из всех потребностей, которые могут пройти первую стадию своего формирования — стадию зарождения в субъективной внутренней структуре личности,— в реальную жизнь, к объектам удовлетворения прорываются лишь немногие, обычно грубейшие. Это, прежде всего, самые необходимые материальные и духовные потребности, необходимые капиталу для того, чтобы пролетарий продолжал существовать в качестве рабочей силы.

«Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в человеческую потребность»⁸⁵. Происходит грубое упрощение потребностей.

Подлинно человеческим потребностям пролетария, как правило, не находится места в буржуазных общественных отношениях, которые становятся могилой для лучших устремлений личности. Таким устремлениям чаще всего предопределена участь призрачного субъективного существования в виде тех внутренних порывов,

о которых сказано выше. Эти порывы, отброшенные жизнью, все больше начинают превращаться в свою противоположность: из реальных ростков лучшего — в прямой продукт разрушения личности. От них веет тленом небытия, уходом от реальной жизни. Они становятся источником деградированного поведения личности. Они закрепляют в структуре личности отчуждение.

Нетрудно заметить, что превращение потребностей личности в выброшенные из реальной жизни иллюзорно-внутренние переживания человека — одно из главных проявлений разрушения личности отчуждением. Личность пытается отмежевать себя от своих общественных отношений, враждебных ее индивидуальному миру.

«Разрешение» конфликта между индивидуальными потребностями и широким кругом общественных отношений нередко происходит так, что личность начинает активно третировать не только широкий круг враждебных ей общественных отношений, но и свои собственные, наиболее человеческие (а значит, наиболее трудно реализуемые) индивидуальные потребности. Ради стандартного «успеха» в жизни, ради престижного благополучия человек корыстно подлаживается к социальной несправедливости, добровольно своими поступками перечеркивает все, что в его внутреннем облике существовало в виде ростков гуманизма, истинного бескорыстия, протеста против социального зла. Это предательство собственных истинно человеческих потребностей — типичный массовый и наиболее омерзительный вид социального «обыкновенного» ренегатства. Оно возникает везде, где разрушение личности отчуждением происходит в виде подлаживания к господствующим в обществе социальной рутине и социальному неравенству.

Отчуждение потребностей пролетариев исследовано в выдающейся работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Ф. Энгельс исследовал в ней общественные отношения буржуазного общества не всесторонне, а только со стороны потребностей рабочего класса. Общественные отношения буржуазного общества в потребностях рабочего класса воспроизводят сами себя в наиболее антагонистической, наиболее неприглядной, наиболее отчужденной форме. Поэтому, когда в процессе изучения личных потребностей пролетариев Ф. Энгельс показал, на какую мучительную жизнь обрекают буржуазные общественные отношения рабочего челове-

ка, стал очевиден исторически правильный гуманистический вывод об обреченности буржуазного общества, о необходимости его революционного разрушения. К. Маркс высоко оценил исследования Ф. Энгельсом личных потребностей пролетариев и в «Капитале» неоднократно ссыался на «Положение рабочего класса в Англии». Маркс писал, что в этой работе Ф. Энгельс «глубоко понял... дух капиталистического способа производства...»⁸⁶

Высоко оценивал эту работу В. И. Ленин. Он считал ее «одним из лучших произведений в мировой социалистической литературе»⁸⁷.

«Ни до 1845 года,— писал В. И. Ленин,— ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса»⁸⁸.

Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» выделил следующие группы личных потребностей пролетария: бытовые, производственные, половые, духовные, революционные и состояние здоровья — одну из внутренних сторон любых социальных потребностей.

Уже простое перечисление показывает, что выделение группы потребностей получено не в результате формально-логической классификации, требующей во что бы то ни стало жесткого разграничения исследуемых признаков. Ф. Энгельс стремится не к школьной демонстрации формальных правил классификации, а к правдивому отражению индивидуальной жизни людей рабочего класса. В этом отношении характерен теоретический анализ Ф. Энгельсом состояния здоровья рабочих. Казалось бы, этому аспекту потребностей личности труднее всего «попасть» под перо исследователя. Правила школьно-логической классификации оттесняют на второй план социальное содержание состояния здоровья людей под тем предлогом, что состояние здоровья не является у многих людей самостоятельной потребностью. Если взглянуть формально на перечисление потребностей, то становится заметно, что состояние здоровья не очень гладко «вписывается» в классификацию потребностей и может поэтому возникнуть легкомысленный соблазн — исключить состояние здоровья из «списка» потребностей. Однако Ф. Энгельс, руководствуясь интересами истины, уделил изучению состояния здоровья рабочих, проявляющегося в характере индивидуальных потребностей, большое внимание.

В теоретических исследованиях, осуществляемых в форме изучения глубочайших теорий, созданных гениальными мыслителями, неизбежно и часто приходится демонстрировать тексты подлинника. Делается это не только для подкрепления нашего собственного понимания проблемы, но и потому, что возникает необходимость предоставить возможность крупному мыслителю самому участвовать в обнаружении теоретических достоинств его теории. Именно такая необходимость появляется в данном случае.

Мы приступаем к подробному цитированию произведения Ф. Энгельса. Цель, которую мы при этом преследуем, состоит не в том, чтобы обратить внимание на тяжелое положение рабочих. Тексты из произведения Ф. Энгельса в данном случае приведены, чтобы показать в действии, в практическом применении марксистский философский принцип, непосредственно включающий в социальное содержание общественных отношений материально-чувственную жизнедеятельность индивидов. Ф. Энгельс показывает, что телесно-чувственное начало у человека является существенным материальным способом существования общественных конкретно-исторических отношений, в данном случае — одной из существенных сторон буржуазных отношений. Разумеется, что состояние потребностей людей данного общества — лишь одно из многих существенных проявлений содержания общественных отношений. Общественные отношения не исчерпываются только той их действительностью, которая существует в виде материально-чувственных потребностей людей.

К. Маркс и Ф. Энгельс выделили несколько групп индивидуальных потребностей пролетариев. Поскольку нас интересуют здесь не сами по себе потребности индивида, а исследуемый методологический принцип марксистской философии, раскрывающий социально-классовое содержание и значение материально-чувственной жизни индивидов, мы проследим за исследованиями Ф. Энгельсом прежде всего бытовых потребностей, производственных и революционных потребностей пролетариев.

Итак, посмотрим, в каких проявлениях человеческой жизни Ф. Энгельс раскрывает существенное содержание общественных отношений.

Бытовые потребности

Бытовые потребности пролетариев разделены Ф. Энгельсом на три группы: потребности жилища, потребности одежды, потребности питания.

Потребности жилища. «Каждый большой город имеет свои густо заселенные рабочим классом трущобы, расположенные в одном или нескольких районах. Правда, часто нищета ютится в тесных закоулках в непосредственной близости от дворцов богачей, но ей обычно отведен совершенно отдельный участок, в котором, вдали от глаз более счастливых классов, она должна сама перебиваться, как умеет. Эти трущобы во всех городах Англии в общем одинаковы; это самые отвратительные дома в самой скверной части города, чаще вереницы двухэтажных или одноэтажных кирпичных зданий, почти всегда расположенных в беспорядке, с жилыми подвалами во многих из них. Такие домики, состоящие из трех-четырёх комнат и кухни, называются коттеджами и составляют во всей Англии, за исключением некоторых частей Лондона, обычное жилище рабочего. Улицы здесь обычно немощёные, грязные, с ухабами, покрыты растительными и животными отбросами, без водосточных и сточных канав, но зато со стоячими зловонными лужами. Неправильная, беспорядочная застройка таких частей города мешает вентиляции, а так как множество людей живет здесь на небольшом пространстве, то легко можно представить себе, какой воздух стоит в этих рабочих районах. К тому же улицы в хорошую погоду служат еще для сушки белья: от одного дома к другому через улицы протягиваются веревки, увешенные мокрым тряпьем»⁸⁹.

«Для более полной картины мы последуем еще за некоторыми английскими чиновниками, которым приходится иногда посещать такие жилища.

По случаю осмотра трупа 45-летней Анны Голуэй г-ном Картером, следователем из Суррея, 14 ноября 1843 г., в газетах было описано жилище умершей. Она занимала вместе со своим мужем и 19-летним сыном маленькую комнату в № 3 по Уайт-Лайон-корт, Бермондси-стрит, в Лондоне; там не было ни кровати, ни постельных принадлежностей, ни какой-либо мебели. Мертвая лежала рядом со своим сыном на куче перьев, которые пристали к ее почти голому телу, ибо не было ни

одеяла, ни простыни. Перья так крепко облепили весь труп, что его нельзя было исследовать, пока не очистили его, и тогда врач нашел его крайне истощенным и сплошь искусанным насекомыми. Часть пола в комнате была сорвана, и вся семья пользовалась этим отверстием в качестве отхожего места»⁹⁰.

«Я не хочу утверждать, что все лондонские рабочие живут в такой нищете, как эти... Я прекрасно знаю, что там, где общество совсем затоптало одного, десятерым живется несколько лучше. Но я утверждаю, что тысячи трудолюбивых и честных семей, гораздо более достойных уважения, чем все лондонские богачи, вместе взятые, находятся в этом недостойном человека положении, и что каждого пролетария — каждого без исключения — может постигнуть такая судьба без всякой вины с его стороны и вопреки всем его стараниям ее избежать»⁹¹.

«То, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мерилom того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих. Что в этих грязных дырах может жить лишь оборванное и плохо питающееся население, легко можно предположить. И так оно и есть...»⁹²

Потребности одежды. «Одежда у огромного большинства рабочих находится в самом скверном состоянии. Самый материал, из которого она делается, далеко не подходящий: полотно и шерсть почти совершенно исчезли из гардероба как женщин, так и мужчин, и их место заняли хлопчатобумажные ткани. Рубашки шьют из беленого или пестрого ситца, а шерстяные юбки редко можно увидеть на веревках для сушки белья. Мужчины носят большей частью брюки из плиса или другой тяжелой хлопчатобумажной ткани, такой же сюртук или куртку. Плис (*fustian*) стал даже синонимом для обозначения одежды рабочего, рабочих называют и сами они себя называют *fustian-jackets* в отличие от господ, щеголяющих в сукне (*broad-cloth*), последнее в свою очередь служит для обозначения буржуа. Когда Фергюс О'Коннор, вождь чартистов, прибыл во время восстания 1842 г. в Манчестер, он к бурному восторгу рабочих, явился перед ними в плисовом костюме. — Шляпы являются в Англии обычной принадлежностью костюма и для рабочих; шляпы самых различных форм: круглые, конусообразные или цилиндрические, широкополые, с маленькими полями или совсем без полей, и только молодые люди в фабричных городах

носят кепи. Кто не имеет шляпы, делает себе из бумаги невысокий четырехугольный колпак.— Вся одежда рабочего— даже если допустить, что она в хорошем состоянии,— мало соответствует климату. Сырой климат Англии с его частыми переменами погоды более чем всякий другой вызывает простуды, что заставляет почти весь имущий класс носить фланелевое нижнее белье; фланелевые нагрудники, фуфайки и набрюшники имеют широкое распространение. Рабочему не только недоступны эти меры предосторожности, но он вообще почти никогда не в состоянии сшить себе шерстяное платье. А тяжелые бумажные ткани, хотя они и толще, жестче и тяжелее шерстяных, все же гораздо меньше защищают от холода и сырости, а вследствие своей толщины и свойств самого материала дольше удерживают влагу и вообще по плотности уступают валяному шерстяному сукну»⁹³.

Потребности питания. «С питанием обстоит так же, как с одеждой; рабочим достается то, что слишком плохо для имущего класса. В больших городах Англии можно достать первосортные товары, но за большие деньги, а рабочий, весь бюджет которого исчисляется грошами, не может столько тратить... Картофель, который покупает рабочий, бывает большей частью плохого качества, зелень несвежая, сыр старый и низкого качества, сало прогорклое, мясо без жира, залежавшееся, жесткое, от старых, часто от больных или околевающих животных, нередко уже наполовину испорченное. Снабжают рабочих большей частью мелкие торговцы, которые скупают плохой товар и именно из-за его дурного качества могут сбывать его так дешево. Беднейшие рабочие вынуждены еще прибегать к особому приему, чтобы за свои небольшие деньги приобрести необходимые продукты, даже плохого качества: так как в субботу в 12 часов ночи все магазины должны быть закрыты, а в воскресенье никакой торговли нет, то между десятью и двенадцатью часами идет распродажа за баснословно дешевую цену тех товаров, которые нельзя хранить до понедельника. Но из того, что осталось в десять часов вечера, девять десятых в воскресенье утром уже никуда не годится, и именно эти-то продукты украшают воскресный стол беднейшего класса. Мясо, которое достается рабочим, очень часто несъедобно, но раз уже его купили, его надо съесть»⁹⁴.

«Но они еще и в других отношениях страдают от алчности буржуазии. Торговцы и фабриканты фальсифицируют все съестные продукты самым бессовестным образом, совершенно не считаясь со здоровьем тех, кому придется эти продукты потреблять...»⁹⁵

«Но кто более всего страдает от всех этих надувательств, как не рабочий? Богача не надувают: он может платить высокие цены в больших магазинах, владельцы которых дорожат своим добрым именем и больше всего повредили бы самим себе, если бы стали продавать скверные, фальсифицированные товары, кроме того, богач более разборчив в пище и потому легче обнаруживает обман своим изощренным вкусом. Но бедняк, рабочий, у которого каждый грош на счету, который должен получить за небольшие деньги много товара, который не может слишком присматриваться к качеству, да и не умеет этого делать, так как у него не было случая развить свой вкус, именно он получает все эти фальсифицированные, часто отравленные продукты»⁹⁶.

«Обычно питание каждого рабочего, разумеется, меняется в зависимости от заработной платы. Лучше оплачиваемые рабочие в особенности те из фабричных рабочих, у которых каждый член семьи в состоянии что-нибудь заработать, питаются, пока у всех есть работа, хорошо: на столе ежедневно мясо, а вечером сало и сыр. Там, где заработок меньше, мясо едят только по воскресеньям, или два-три раза в неделю, зато едят больше хлеба и картофеля. Там, где заработок еще меньше, мясная пища сводится к кусочку сала, нарезанному в картофель; дальше исчезает и сало, и остается только сыр, хлеб, овсянка... и картофель и, наконец, у рабочих, заработок которых всего ниже, у ирландцев, картофель является единственной пищей. При этом везде пьют жидкий чай, в который иногда кладут сахар или подливают немного молока или вина; чай считается в Англии и даже в Ирландии питьем, столь же существенным и необходимым, как у нас, в Германии, кофе, и чаю не пьют только там, где царит самая жестокая нужда»⁹⁷.

Высказывания Ф. Энгельса о бытовых потребностях рабочих дают нам достоверное представление о важных методологических принципах марксистской философии.

В тексте Ф. Энгельса ярко видны два оригинальных момента марксистской философии. Первый из них — применение на деле, возведение в роль научного мето-

дологического принципа учения о социальном характере телесно-чувственной жизни индивидов. Ф. Энгельс показывает, что важнейшим содержанием общественных отношений является своеобразная телесно-чувственная жизнь пролетариев, характерная только для них и качественно отличающаяся от антагонистически противоположной, эксплуататорской, характерной для буржуазии.

Индивиды каждого класса имеют свою классовую телесно-чувственную жизнь. Эксплуатация, общественные антагонизмы в том прежде всего и состоят, что нет социального равенства в телесно-чувственной жизни людей разных классов. Буржуазия демагогически делит с пролетариями всевозможные «свободы», украшающие идеологический фасад капиталистического общества. Буржуазное общество лицемерно провозгласило каждого человека гражданином. Но под покровом этих свобод и равноправий в реальной жизни одновременно существует классово противоположная телесно-чувственная жизнь индивидов, одна — обедненная, изъеденная профессиональными болезнями — у рабочих, и другая — паразитическая, привилегированная — у буржуа.

Еще один оригинальный момент марксистской философии проявляется в семантическом богатстве понятия потребности человека. Основоположники научной философии вкладывали в понятие потребности (наряду с выделением других аспектов) и ситуационный смысл. Это означает, что потребности личности являются очень гибкой, резко меняющейся в зависимости от обстановки, программой действий и желаний человека. Например, если человек коченеет в холодном помещении, то у него существует потребность не в абстрактном тепле «вообще», а в конкретном согревании доступными средствами. Если у человека мало денег для хорошей пищи, то он имеет потребность в плохой, доступной ему пище: проходит мимо богатых ресторанов в поисках захудалой харчевни и радуется, когда находит ее. Как отмечает Ф. Энгельс, пролетарии стоят в длинных очередях за плохими дешевыми продуктами и радуются, когда им удастся купить хотя бы испорченное мясо. Срочная распродажа голых костей, полугнилых, но доступных продуктов всегда привлекает толпы нищих пролетариев. Другими словами, человек стремится к удовлетворению тех потребностей, которые он действительно может удовлетворить. К. Маркс подчеркивал: «Если у меня нет денег для

путешествия, то у меня нет и потребности, т. е. действительной и претворяющейся в действительность потребности в путешествии»⁹⁸.

Эту реалистическую черту марксистской философии следует учитывать, особенно когда мы знакомимся с изучением Ф. Энгельсом производственных потребностей рабочих. Труд пролетариев — подневольный, изнурительный. По словам К. Маркса, рабочие от труда бегут, как от чумы, как только прекращается внешнее принуждение. В связи с этим может возникнуть вопрос: не противоречит ли производственная жизнь рабочего самому смыслу понятия «потребности личности»?

Такие сомнения нельзя решить прямолинейными «да» или «нет». Буржуазный труд — подневольный труд. У рабочего нет потребности в подневольном труде, и он насильственно (силой обстоятельств) принуждается к труду. Но надо учитывать, что потребности пролетария не остаются за пределами фабрики или завода. Производственный процесс вовлекает каждого пролетария в специфическую телесно-чувственную жизнь, рождает своеобразные стремления и наслаждения. Если человеку нечем дышать в производственной духоте, он испытывает потребность в глотке чистого воздуха, если рабочий от усталости не может стоять на ногах, то испытывает потребность присесть хотя бы на минуту и т. д. Поэтому подневольный труд совместим с формированием производственных потребностей пролетариев. Где действуют живые люди, там существуют и их потребности. Рабочие отдают производству активное время своей жизни. Производственная жизнь является существенной чертой жизни рабочего класса и прежде всего — одной из форм существования его телесно-чувственной жизни, а значит, индивидуальных потребностей. Изображение Ф. Энгельсом тяжелого труда рабочих является исследованием их производственных потребностей.

Производственные потребности

Производственные потребности пролетариев — это их материально-чувственная жизнь непосредственно на производстве. Производственные потребности пролетариев различаются в зависимости от той отрасли труда, где

работает человек, от особенностей средств производства. Энгельс исследовал производственную материально-чувственную жизнь следующих групп рабочих: фабричных рабочих в узком смысле слова: вязальщиков, забойщиков ситца, стригальщиков бархата, ткачей шелка, машиностроителей, гончарников, швей, горнопромышленного пролетариата; сельскохозяйственного пролетариата; других групп пролетариев. Приведем один фрагмент из сочинения Ф. Энгельса о производственных потребностях фабричных рабочих.

Фабричное производство. «Продолжительное пребывание в стоячем положении в сочетании большей частью с плохим воздухом фабрики вызывает, кроме того, сильное ослабление всего организма, в свою очередь влекущее за собой всевозможные недуги, уже не столько местные, сколько общие заболевания. Воздух на фабриках обычно бывает одновременно влажный и теплый, часто теплее, чем следует; если только вентиляция не очень хорошая, то воздух там очень скверный, душный, содержит недостаточное количество кислорода, насыщен пылью и прогорклыми испарениями машинного масла, которое почти повсюду разлито на полу и впиталось в него. Рабочие уже вследствие жары одеты легко и потому неизбежно простуживаются при неравномерной температуре помещения; в этой жаре они боятся свежего воздуха; постепенное ослабление всех функций организма уменьшает животную теплоту, которая должна поддерживаться извне, и поэтому сам рабочий лучше всего себя чувствует, когда может оставаться в перегретой фабричной атмосфере при наглухо закрытых окнах. К тому же частые и резкие перемены температуры при выходе из жаркой фабричной атмосферы на морозный или промозглый воздух улицы, невозможность для рабочего достаточно предохранить себя от дождя или переодеться в сухое платье — все это вместе взятое постоянно вызывает простуду. Если вспомнить, что при всем этом почти ни одной мышце не приходится действительно напрягаться, выполнять настоящую работу, кроме разве мышц ног, что расслабляющему, оупляющему действию перечисленных причин ничто не противодействует, так как рабочий не имеет случая упражнять свое тело, развивать силу мускулов, упругость и крепость связок и с малолетства был лишен возможности проводить время на свежем воздухе, то никого не удивит

почти единодушное утверждение врачей в фабричном отчете, что они нашли у фабричных рабочих особенно слабую сопротивляемость организма ко всем болезням, вообще пониженную жизнедеятельность и постоянное ослабление всех духовных и физических сил»⁹⁹.

«Во многих помещениях бумаго- и льнопрядильных фабрик в воздухе носится густая волокнистая пыль, вызывающая, в особенности у рабочих чесальных и ворсальных отделений, легочные заболевания. Организм одних людей переносит эту пыль, других — нет. Но у рабочего нет выбора, и он должен поступать в то отделение, где он находит работу, как бы это не влияло на его легкие. Самым обычным следствием вдыхания этой пыли является кровохарканье, затрудненное свистящее дыхание, боли в груди, кашель, бессонница, одним словом, все признаки астмы, кончающейся в наиболее тяжелых случаях чахоткой... Но особенно вредно прядение льна влажным способом, — работа, которой заняты молодые девушки и дети. Вода брызжет на них с веретен, так что их одежда бывает спереди совершенно мокрая, а на полу постоянно стоят лужи. То же самое, но в меньшей степени, наблюдается в тростильных отделениях бумагопрядильных фабрик, и последствием этого тоже являются постоянные простуды и легочные заболевания. Резкий, хриплый голос — отличительная черта всех фабричных рабочих, в особенности же прядильщиков влажным способом и тростильщиков... Другим последствием прядения льна является специфическая деформация плеча, а именно выпячивание правой лопатки, вызываемой самой природой трудового процесса. Прядение льна, также как и прядение хлопка на ватер-машине, часто вызывает заболевание коленной чашечки, так как движение веретена приостанавливают коленом, когда надо присучить оборвавшуюся нитку. Необходимость часто нагибаться при этих работах, а также расположение машины невысоко над полом влекут за собой недостаточное развитие роста. В отделениях для ватер-машин, хлопчатобумажной фабрики в Манчестере, на которой я служил, не было, насколько я припоминаю, ни одной высокой, стройной девушки; все они были малы ростом, плохо развиты, узкогруды, очень некрасивого телосложения. Помимо всех этих заболеваний и уродств рабочим наносятся также увечья другого рода. Работа возле машин сопровождается множеством несчастных случаев,

более или менее серьезных, в результате которых рабочий кроме всего еще делается временно или окончательно нетрудоспособным. Чаще всего у рабочего бывает раздавлен сустав пальца, режет колесо захватывает и размалывает целый палец, кисть руки или всю руку и т. д.»¹⁰⁰.

«Буржуа... разглагольствуют о «преступной неосторожности» (culpable temerity) рабочих. Это, конечно, ничего не меняет. Суть дела такова: раз дети не могут быть осторожными, значит, надо запретить труд детей; раз взрослые не бывают в достаточной степени осторожны, значит, либо они те же дети, т. е. стоят на такой ступени развития, которая не позволяет им понять всей грозящей им опасности,— а кто же виноват в этом, как не буржуазия, которая держит их в таком положении, что они не могут учиться и развиваться? — либо машины плохо устроены и их надо окружить барьерами и загородками, о чем, конечно, тоже должен был позаботиться буржуа,— либо рабочим руководят мотивы более сильные, чем страх перед грозящей ему опасностью,— он должен работать быстро, чтобы заработать побольше денег, и у него нет времени быть осторожным и т. д.,— и в этом случае тоже виноват буржуа. Многие несчастные случаи, например, происходят оттого, что рабочий начинает чистить машину, когда она еще на ходу. Почему же это? Потому, что буржуа заставляет рабочих чистить машины в нерабочее время, когда они стоят без движения, а рабочий, разумеется, вовсе не хочет, чтобы как-то урезывали его свободное время. Каждый свободный час так дорог ему, что он предпочитает дважды в неделю подвергаться смертельной опасности, чем пожертвовать этот час буржуа. Заставьте фабриканта включить время, необходимое для чистки машин, в рабочее время, и ни одному рабочему уже в голову не придет чистить машины на ходу. Одним словом, во всех несчастных случаях вина в конечном счете падает на фабриканта, и самое меньшее, чего от него следовало бы требовать, это пожизненного обеспечения утратившего работоспособность рабочего, а в случае его смерти — обеспечения его семьи. На первых порах промышленного развития несчастные случаи бывали сравнительно гораздо чаще, чем теперь, потому что машины были хуже, меньше, размещались теснее и почти совсем не ограждались. Но, как показывают приведенные данные, число несчастных

случаев все еще достаточно велико, чтобы заставить задуматься серьезно над таким положением вещей, при котором, ради выгоды одного только класса, столько людей становятся калеками или увечными и столько трудолюбивых работников бывают осуждены на нужду и голод из-за несчастного случая, постигшего их на службе буржуазии и по ее вине.

Какую богатую коллекцию болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии. Женщины, неспособные рожать, дети-калеки, слабосильные мужчины, изуродованные члены, целые поколения, обреченные на гибель, изнуренные и хилые,— все это только для того, чтобы набивать карманы буржуазии.»^{100a} (Выделено мной.— А. М.). Таково состояние лишь некоторых потребностей личности пролетария. Нет необходимости и дальше продолжать воспроизводить текст из сочинения Энгельса. В приведенных отрывках, как и в других местах произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, ярко продемонстрировано важнейшее положение философии К. Маркса и Ф. Энгельса.

Материально-чувственная (телесно-чувственная) жизнь индивидов, которую ошибочно в идеалистических теориях оставляли за бортом общественных отношений как внесоциальную, биологическую— в действительности является у человека подлинно социальной жизнью, фундаментальным способом существования общественных отношений. Соответственно этому— в философии сравнительное изучение этой телесно-чувственной жизни разных социальных групп является одной из существенных форм исследования исторически определенных общественных отношений.

Научная правомерность и необходимость этого революционного философского принципа теоретически доказана К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» применил этот принцип для материалистического изучения общественных отношений в буржуазном

обществе. Но особенно глубокое всестороннее теоретическое обоснование и плодотворное практическое применение этот принцип нашел в «Капитале» К. Маркса.

К. Маркс показал всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с материально-чувственным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов. Шаг за шагом К. Маркс распутал сложнейшую зависимость различных сторон жизни в буржуазном обществе и доказал, что любая сторона жизни этого общества уходит корнями в присвоенный капиталом, неоплаченный живой труд (т. е. в особенности телесно-чувственной жизни пролетариев). И там, где буржуазный экономист ограничивался рассуждением о движении вещей в обществе, К. Маркс показал, откуда и как возникает богатство общества. Теоретическое изображение телесно-чувственной социальной жизни всех социальных групп является одним из главных приемов изучения общественных отношений. Велика методологическая роль таких знаний. Научное теоретическое изображение социальной телесно-чувственной материальной жизни всех классов — основа философского анализа всех сторон конкретного общества. К. Маркс камня на камне не оставил от вздорной апологетической попытки буржуазных экономистов снять ответственность за физическое и моральное уродование рабочих с буржуазных общественных отношений и переложить эту ответственность на отдельных «плохих» капиталистов, на «плохих» рабочих («пьют», «развратничают», «хулиганят», «не хотят работать» и т. п.). К. Маркс показал, что всегда конкретные особенности конкретно-исторического общественного строя являются причиной всех социальных бедствий. Плохие люди — это всегда прямое проявление «плохой» стороны существующих в обществе отношений.

«Капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению. На жалобы относительно физического и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)?»¹⁰¹

«Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум

рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня»¹⁰².

Капитал при своем безграничном стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду не знает никаких пределов физическому и моральному уродованию жизни рабочих. Рабочие стали бы деградированными рабами, если бы их жизнь во всех отношениях определялась «жадностью» капитала. И если этого не случается, то только потому, что сам же капитал поднимает против себя классовую силу пролетариев. Пролетарии объединяются. Хищным устремлениям капитала они противопоставляют классовое сопротивление и уже в рамках буржуазного общества добиваются существенных улучшений своего положения.

«...Установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочего класса»¹⁰³.

Обо всех улучшениях в положении рабочего класса, достигнутых за последнее столетие, можно сказать, что они завоеваны скрытой и открытой гражданской войной. Это обстоятельство очень важно учитывать в наше время, когда условия труда намного улучшились и благосостояние имеющих работу пролетариев в развитых капиталистических странах значительно выше, чем оно было 100 или 50 лет назад. Эти улучшения являются результатом классовой солидарности трудящихся и их многолетней борьбы с капиталом. Попытка буржуазных идеологов представить улучшение условий труда и рост благосостояния имеющих работу пролетария как результат «доброй» «человеческой» природы современного капитализма является наглой идеологической фальсификацией. Природа капитала не изменилась. Как и прежде, он несет трудящимся чрезмерную интенсификацию труда, производственные увечья, наступление на профсоюзы, безработицу, тенденцию к милитаризации жизни всего общества и т. д.

В любой капиталистической стране сохраняется глубокое качественное различие между природно-чувственной жизнью рабочих и буржуазии. Благодаря развитию техники и под влиянием классовой борьбы содержание природно-чувственной жизни индивидов всех классов за последние 100 лет во многих странах существенно изменилось. Но социальная пропасть, отделяющая антагонис-

тически разные типы классово-социальной материально-телесной чувственности в наше время несколько не меньше, чем она была при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса.

Одной из примечательных черт марксистского анализа потребностей личности пролетария является внимательное изучение тех моментов пролетарской жизнедеятельности, которые возвышают индивидуальные потребности рабочего.

«Человеческое братство в их устах не фраза, а истина, из их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство»¹⁰⁴.

«В наши дни дело обстоит так, что именно среди них (пролетариев.— А. М.) индивидуальность бывает развита наиболее сильно»¹⁰⁵.

Отвергнутые буржуазным обществом истинно человеческие потребности пролетария бесследно не умирают. Заживо погребенные в глубочайших внутренних слоях человеческой личности, они рожают классовые союзы рабочих и решительно возмущают личность против капитализма. Они таят в себе самую разрушительную и одновременно самую созидательную энергию, известную человечеству — энергию революционных устремлений. Отвергнутые буржуазными общественными отношениями, они отвергают свою отверженность и буржуазное общество.

Развертывая классовую борьбу, формируя свои политические партии, пролетарии уже в недрах капитализма создают свои общественные отношения, в которые входит энергия отверженных капитализмом потребностей пролетариев. Эти отношения являются прообразом социалистических отношений, хотя по сравнению с ними имеют меньше возможностей для развития истинно человеческих потребностей, так как пока неизбежно являются отношениями только политическими, идеологическими, организационными, но не производственными. Производственные отношения остаются буржуазными, хотя под влиянием классовой борьбы их жестокость для пролетария может уменьшаться. Потребности пролетариев выступают как мощная революционная сила, воздействующая на развитие общественных отношений, как сила, созидаящая общественные отношения. Энергия и содержание потребностей пролетария существенно влияют на тенденции развития буржуазных общественных отношений. Потребности пролетариев не только активно

домагаются осуществления, но если не находят готовых для себя социальных форм,— модернизируют имеющиеся и создают принципиально новые, увлекая общество в новые, в конечном счете революционные ситуации.

Социалистическая революция подтвердила правоту Маркса о личных качествах пролетариев. Выступив могильщиком капитализма, пролетариат учится развивать общественные отношения, превращать их в подлинную основу развития личности. На основе социалистического общества формируются качественно новые потребности, новый тип личности.

Анализ К. Марксом и Ф. Энгельсом потребностей человека является проявлением исследовательской мощи диалектики. К. Маркс и Ф. Энгельс всесторонне раскрыли монизм природы и общества, блестяще доказав, с одной стороны, ошибочность, любой биологизации личности и, с другой — несостоятельность философского идеализма. Они показали, что антропологическое начало человека многообразно и глубоко подчинено власти социального процесса и преобразовано, развито условиями жизни. Общество постоянно и глубоко захватывает в свои исторически конкретные обстоятельства биологическое материально-чувственное начало каждого человека и создает из этой антропологической предпосылки социальное телесно-чувственное содержание индивидуальной жизни и общественных отношений.

Телесно-чувственная жизнь людей является одной из фундаментальных форм бытия общественных отношений. Эту одновременно простую и гениальную сторону марксистской философии своеобразно подчеркнул В. И. Ленин в связи с критикой философии Богданова, который пытался «дополнить» «еще раз» марксизм прямолинейными, неадекватными биологическими характеристиками социальной жизни. В. И. Ленин подверг критике взгляды Богданова, подчеркивая, что биологические «дополнения» Богданова искажают марксизм, они ничего нового не дают. Почему? Вне всякого сомнения потому, что биологическое уже диалектически глубоко осмыслено и теоретически адекватно выражено К. Марксом и Ф. Энгельсом в философских материалистических категориях, отображающих социальную телесно-чувственную жизнь людей,— в категории «индивидуальные потребности», в определениях труда, в понятии «человеческая чувственность» и в других.

Марксистское учение о потребностях личности является основой для глубокой и эффективной критики современных антропологических представлений буржуазной философии о природе человека.

Марксистское учение о потребностях человека хорошо раскрывает совместимость исторической абсолютной пластичности и высокой социальной активности человека. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что глубокая внутренняя противоречивость индивидуальных качеств человека объясняется не антропологическими его свойствами, а противоречивостью исторически конкретного общества.

Таким образом, учение о потребностях человека является необходимым теоретическим средством для того, чтобы принудительно заставить буржуазную философию найти объяснение всех социальных свойств человека в социальной среде и, значит, признать глубокие антагонизмы этой среды.

Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о потребностях человека является важнейшим моментом теоретического обоснования революционных целей пролетариата.

К. Маркс глубоким анализом материально-чувственной жизни человека показал, «какие ошибки совершают реформаторы *en détail*, которые либо хотят повысить заработную плату и этим улучшить положение рабочего класса, либо (подобно Прудону) усматривают цель социальной революции в уравнении заработной платы»¹⁰⁶.

Изучение телесно-чувственной социальной жизни индивидов является важнейшим моментом теоретического отражения социальных антагонизмов. Именно через выяснение классового характера телесно-чувственной жизни индивидов К. Маркс во всех работах, начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года», убедительно доказал, почему не правы «реформаторы по мелочам». Попытка разрешить классовые антагонизмы путем только повышения заработной платы мало изменяет остроту социальных конфликтов: материально-чувственная жизнь рабочих и при «повышенной» заработной плате всегда качественно отличается от материально-чувственной жизни индивидов, не занятых материальным трудом. В основе этого антагонистического различия в жизни индивидов разных классов лежит не только количество денег, истраченных на индивидуальное потребление. Го-

раздо важнее денег тот факт, что основным содержанием материально-чувственной жизни пролетариев является ее глубокая зависимость, неотъемлемость от производственной жизни, то, что они вынуждены дышать гарью и пылью, терпеть изматывающий шум и производственное злование, терзать свое зрение «созерцанием» производственных манипуляций, постоянно на себе испытывать жестокое воздействие средств труда, от которого растут не только мозоли, но и появляются профессиональные болезни и профессиональный идиотизм. Индивиды, присваивающие труд рабочего, освобождены от всех этих материально-чувственных истязаний. У них качественно другая телесно-чувственная жизнь. В то время как рабочие «надрываются за работой»¹⁰⁷, индивиды господствующих социальных групп получают всевозможные наслаждения «...плодами чужого кровавого пота...»¹⁰⁸

Поэтому повышение заработной платы рабочему при сохранении антагонистических различий в телесно-чувственной жизни социальных групп и классов не решает главных проблем классового общества. «Насильственное повышение заработной платы (не говоря уже о всех прочих трудностях, о том, что такое повышение как аномалию можно было сохранить тоже только насильственно) было бы, как это вытекает из вышеизложенного, не более чем лучшей оплатой раба и не завоевало бы ни рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства»¹⁰⁹.

Теоретический анализ материально-чувственной жизни человека помог К. Марксу и Ф. Энгельсу доказать необходимость коммунистической революции, призванной в конечном счете создать общество, в котором полнокровная телесно-чувственная жизнь индивидов станет источником и моментом всестороннего гармонического развития, станет источником и моментом подлинной коллективности общественных отношений, «когда действительный, телесный человек, стоящий на прочной, хорошо округленной земле, вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы»¹¹⁰, преодолет отчуждение своих сущностных сил и покончит с существованием явных и неявных социальных притеснений и привилегий.

§ 4. Отчуждение и самоотчуждение человека в классовом обществе

Диалектико-материалистическое исследование потребностей человека, живущего в условиях классового общества, в условиях антагонистической социальной конфликтности, является существенным моментом марксистской концепции отчуждения человека.

Проблема отчуждения человека раскрыта в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса многопланово и глубоко. Советские философы все более активно исследуют учение К. Маркса и Ф. Энгельса об отчуждении человека и плодотворно вовлекают это учение в исследование актуальных проблем современной эпохи¹¹¹.

Проблема отчуждения человека в ее научной, диалектико-материалистической интерпретации позволяет наиболее интегрально выразить в философской теории многочисленные социальные противоречия антагонистического общества в виде основных личностных антиномий индивидуального бытия человека.

Особую научную ценность и актуальное современное значение имеет диалектико-материалистическая методология исследования проблемы отчуждения. Исследование Ф. Энгельсом потребностей рабочего класса показало, какими неотторжимыми от эмпирического материала являются теоретические понятия социальной философии марксизма. Но это не философский эмпиризм, каким он существовал и существует в немарксистской философии. В марксизме эмпирический материал, вошедший в теорию, насыщен глубинными концептуальными логическими связями и приобретает в системе социальной философии марксизма глубокий теоретический смысл: факты, события становятся органической, существенной стороной системно-диалектического мировоззрения. Ошибается тот исследователь, который в изучении Ф. Энгельсом потребностей рабочего класса видит только описание быта, встречающееся и в немарксистской социологии, и в этнографии. Такой исследователь на деле не понимает или не принимает в расчет самого главного — глубокого марксистского теоретического смысла, который обнаруживается у этих фактов лишь в системе теоретических понятий марксистской философии.

Эта же плодотворная диалектико-материалистиче-

ская особенность методологии исследования социальных процессов характерна и для исследования проблемы отчуждения человека в «Философско-экономических рукописях 1844 года» К. Маркса. В этой работе раскрыты следующие три внутренне единых сущностных проявления отчуждения человека.

Во-первых, это отчуждение результатов, продуктов деятельности и прежде всего отчуждение продуктов, результатов деятельности рабочего. Отчуждение проявляется в том, что продукт, произведенный работником в условиях частной собственности, становится материальной силой, орудием эксплуатации, орудием экономического, политического и духовного насилия.

Во-вторых, отчуждаются в непосредственном процессе труда индивидуальные силы рабочего, труд выступает как процесс индивидуального опустошения личностных сил, способностей, влечений, потребностей.

В-третьих, происходит отчуждение человека от человека, predetermined отчуждением продуктов труда и самого процесса труда.

Методология К. Маркса, разработанная для исследования отчуждения так же, как и исследование Ф. Энгельсом потребностей рабочего класса, органически объединяет глубокие теоретические понятия с множеством описаний повседневного социально-психологического состояния человека.

«Категория отчужденный труд выражает самое повседневное, эмпирически осязаемое во всех этих процессах и антиномиях — труд, причем с самой существенной стороны — со стороны его отчужденности...»¹¹² (выделено мной. — А. М.)

В ходе дальнейшего анализа отчуждения человека это единство теоретического анализа процесса отчуждения с «самым повседневным эмпирически осязаемым процессом жизни» существенно будет влиять на стиль исследования: необходимо ввести в абстрактно-логическую концепцию отчуждения момент изменчивой, эмпирически осязаемой повседневности.

Глубокое содержание, вложенное К. Марксом в понятие отчуждения человека, раскрывает сложную многообразную связь социальных качеств человека с его реальным экономическим положением, с состоянием экономических отношений всего общества. Классовая борьба, тип, формы государства, механизм управления

делами общества, степень бюрократизации деятельности государства и жизни общества, уровень и формы милитаризации общественной жизни — все это и многое другое внимательно изучалось К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Общественные отношения классового общества — независимо от того, принимает ли их человек субъективно или же, напротив, отвергает и борется с ними — выступают прежде всего как прокрустово ложе, умертвляющее лучшие свойства человека. Это в одинаковой мере относится ко всем людям антагонистического общества, независимо от их классового положения. И отношения на господствующем полюсе, и отношения на эксплуатируемом полюсе формируют одностороннюю личность, хотя эта односторонность проявляется по-разному у людей противоположных классов. Узость общественных отношений личности, антагонистическая их природа прежде всего проявляются в том, что человек вынужден их поддерживать ради своих узких интересов, ради частичного удовлетворения односторонних своих потребностей. В то же время эти отношения, по сути самого антагонистического общества, глубоко чужды зарождению и удовлетворению многих потребностей, характерных для свободного, творчески живущего человека.

К. Маркс считал человека, ограничивающего свою деятельность рамками антагонистических общественных отношений, «абстрактным человеком».

Люди антагонистического общества, к какому бы классу они ни принадлежали (если говорить о закономерности), сами являются носителями и источником стихийного начала общественных отношений. «Собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней»¹¹³.

Общественные отношения обнаруживают себя как угнетающая личность сила, во многом враждебная лучшим, общечеловеческим устремлениям личности. В этих условиях индивида захватывает под свои могучие жернова многоликий процесс отчуждения личности. Разрушение личности отчуждением имеет много неповторимых оттенков. Но всегда у отчужденной личности возникают две типичные черты, характерные для жизнедеятельности такой личности.

Во-первых, у человека разрушается, а нередко и пол-

ностью обрывается его внутренняя связь с добрыми и подлинно гуманными сторонами социальной жизни.

Во-вторых, увеличивается бессилие человека перед так называемыми объективными обстоятельствами, слабеет и гаснет способность индивида к активному социальному творчеству, к ломке социальной рутины, к развитию своих способностей.

Отчуждение является формой обеднения и разрушения личности. Проанализируем господствующие в антагонистическом обществе формы разрушения личности отчуждением.

В сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса выделены как наиболее типичные следующие две формы разрушения личности отчуждением.

1. Жизнедеятельность личности направлена на самоотмежевание от классовых общественных отношений, противоречиво, конфликтно заполняющих все ее индивидуальные поступки, поведение, общение.

2. Жизнедеятельность личности направлена на потребительскую адаптацию к классовым общественным отношениям.

Отчуждение обрушивает на личность гнет социальных противоречий одновременно через каждую из этих форм, и в поведении человека эти две формы отчуждения взаимосвязаны, накладываются одновременно на судьбу индивида.

Остановимся подробнее на каждой из форм отчуждения личности как проявлении специфического единства личности и общественных отношений в антагонистическом обществе.

1. «Самоотмежевание» личности от общественных отношений.

В классовом обществе, если даже оно, по уверениям господствующего класса и его наемных идеологов, является процветающим, прогрессивно совершенствующимся, идут острые конфликтные столкновения людей, и личность не может не испытывать на себе действие социальных антагонизмов. На каком бы полюсе социальной жизни ни находилась личность, она неизбежно ощущает враждебность тех общественных отношений, которые навязываются человеку как принудительная сторона жизни. В любых классовых общественных отношениях, которые личность поддерживает своей деятельностью, имеется в той или иной мере стихийное начало, подрываю-

щее ее целостные, творческие, гуманные индивидуальные устремления. Причем личность не может уклониться, избежать встречи, объединения с враждебными ей общественными отношениями: в обществе нет и не может быть вакуума, «местечка», свободного от всезаполняющей «материи» конфликтных общественных отношений.

Повседневная противоречивая жизнь активно воздействует на потребности и деятельность человека. Становятся практически ощутимыми ненадежность и неспособность стихийных общественных отношений быть социальной основой истинно человеческих устремлений личности. И тогда у человека возникает фрустрирующая реакция на общественные отношения: обстоятельства вынуждают идти по пути разрушения или ослабления собственной природы; разлад между своими общественными отношениями и своими же субъективными устремлениями личность начинает решать на путях бесплодного «ухода» от враждебных ей общественных отношений. Этот пассивный негативизм существует массово и объективно, он проявляется в характере действий личности, в ее отношениях к делам и судьбам людей своей эпохи.

Своими действиями отчужденная личность разрывает содержание своей жизни на две стороны — на своеобразный оброк в пользу чуждых ей людей, на «барщину», которую личность с самого начала считает чуждой себе, и, с другой стороны, на сферу сугубо личной собственной жизни. «Это,— говорят индивиды, оценивая возникшую ситуацию,— наша дань обществу, наш принудительный оброк государству. И за эту дань обществу, за этот оброк мы имеем право на иную сферу жизни, где мы сами для себя, сами по себе, только себе».

Люди хотят как бы раздвинуть общественные отношения, освободить от них свою микрогруппу, свой дом, свою дачу, свой «пяточок», на котором можно «сплясать свой канкан» личной жизни, где можно быть самим собой, устроить своего рода пир индивидуальной жизни во время чумы общественных отношений. Возникают всевозможные формы индивидуализма — от грубого гедонизма до трагических и эстетически продуманных попыток отмежеваться от мертвеющей социальной жизни средствами эстетических, нравственных и религиозных субъективных переживаний.

Но от общества невозможно отделаться своеобразной

барщиной. «Барщина» не существует как нечто отделенное от собственной жизни человека во времени и пространстве. Свою собственную сущность личность не может спасти иллюзорным изъятием этой сущности из общественных отношений. Как отмечали Маркс и Энгельс, «плохое» и «хорошее» — это лишь две стороны неразрывной органически целостной жизни: невозможно бежать от своих собственных общественных отношений, пытаясь в то же время сохранить «хорошую» сторону их индивидуального бытия.

Однако сила социально-психологического гнета отчужденных общественных отношений такова, что односторонние индивиды упорно пытаются отмежеваться от имманентных им общественных отношений, уйти от них в мир диссидентных переживаний, в мир религиозных, нравственных и эстетических иллюзий.

Отчужденная жизнедеятельность разрушительно расщепляет целостную структуру личности на две противоположности: на «внутреннюю» сущность и «внешнее» существование, каждая из которых глубоко извращает и иррационализирует реальную человеческую личность, возможности ее целостного развития.

Личность пытается «выйти» из общественных отношений в изъятие из широкого круга реальной жизни переживания. Индивид самоотчуждается от множества феноменов действительной социальной жизни, иллюзорно начинает полагать, что ей отдает свое, якобы только незначашее для него, существование. Это уже гибельный акт пассивности, и такой индивид в социальной действительности слишком часто живет как бы не всерьез, сугубо временно, не отдает всех своих сил и способностей созиданию тех социальных условий, которые могли бы быть надежной опорой подлинно человеческих индивидуальных стремлений.

У личности появляется беспринципное примирение с действительностью. Личность терпеливо живет в цепях неравенства и насилия, не добиваясь полнокровной реализации и развития своей сокровенной индивидуальности в борьбе за совершенствование социальной свободы. Это уже измена самому себе; сущность самого себя субъективно «изъята» индивидом из широкого круга социальной деятельности, перемещена куда-то внутрь обедненного субъективного бытия и зажата там гнетом отчужденного мира, ставшего социальными казематами

отчужденной личности. Жизненность и здоровая энергия индивидуальных устремлений вырождаются в оупляющем потоке эмоционально-потребительских и обывательских переживаний.

Это уже антагонистическая саморазорванность личности на сущность и существование. Это и саморазорванность индивидуального сознания. Часть сознания работает, чтобы жить в суете, другая часть, более сокровенная, не принимает в этом участия, а только наблюдает и постигает, не наполняя ценностью то, что делает человек. Иначе вроде бы нельзя: суета насыщена воинствующей жестокостью, насилием, невежеством и если бы жаждущая большего простора личность серьезно с ней связала себя, она неизбежно развеяла бы по ветру свою сущность и утратила бы всякий смысл жизни задолго до возникновения подлинно человеческого содержания своего индивидуального бытия. Индивид льстиво склоняет себя считать, что «внутри себя» он хранит драгоценный клад своей подлинной человечности, а то, что он беспринципно делает в обществе — всего лишь необходимое социальное средство, не угрожающее его субъективной человечности и даже позволяющее ее сохранить для себя и близких. Отчужденный индивид уверяет себя и других, что его «внутренняя» человечность не потеряна.

Но такое, только субъективное, сохранение человечности, добра и потенциальной общественной чуткости к зову добра и справедливости — на деле оказывается банальным, типичным самообманом и почвой для бесплодной обывательской болтовни в кругу таких же субъектов.

Социальная трусость, уклонение от борьбы неизбежно ведут к гибели подлинной человечности и добра. Идеи и настроения вырождаются в пустые слова. И лишь из-за трусости, лицемерия и эгоизма суета считается лишь внешней суетой, а по существу она становится единственной и всеохватывающей стихией личности, хотя, может быть, и в вечной маске временщика.

Потеря личностью своей активной гуманистической сущности в общественных отношениях приучает относиться к собственной социальной деятельности как к чему-то такому, что может быть второстепенным, мало-значашим. Начинает казаться, что главное — то, что «внутри», а общественные отношения могут быть таки-

ми, но могут быть и другими. Личность снижает принципиальную требовательность к качеству общественных отношений и деградирует: ведь теперь ее можно загнать в любые отношения, а ее особая внутренняя сущность становится иррациональным флером, приучающим терпеть любые язвы этих отношений в качестве платы за свою якобы незапятнанную сохранность внутри себя. Субъективная направленность личности превращается в обывательскую «опиумную» черту индивида, подрывающую сущностное свойство личности — ее устремленность к активной и цельной многообразной социальной деятельности. Субъективная направленность отчужденной личности апеллирует к собственной совести личности, пытается убедить и ее, что не общественные отношения, а она, индивидная «самость», важна для личности, и любая расплата общественными поступками за сохранность этой индивидной «самости» якобы приемлема: ведь общественные поступки (с точки зрения такой таящейся индивидной «самости») лишь скользят-де по поверхности подлинных качеств личности, но не вторгаются в ее глубины и не втягивают будто бы «главную», сокровенную сторону личности в превратности общественных отношений. Появляются люди, следующие обывательскому правилу: общественные поступки — это еще не подлинная индивидуальная жизнь, а только средство для «настоящей» жизни. Отсюда уже полшага к принципу: все средства приемлемы для индивидуалистического процветания.

Общественные действия человека, не закрепляющего в своих действиях собственной гуманистической сущности, есть действия, утверждающие отчуждение. Между содержанием этого действия и внутренним устремлением личности стоит стена враждебной взаимоизоляции «внешнего» и «внутреннего» в личности. Сущность личности отступает в форму сугубо единичного и, главным образом, иллюзорного существования.

Об отчужденном человеке К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Раздвоение на «связанное с сущностью» и «не связанное с сущностью» становится у него перманентным жизненным процессом, становится, стало быть, пустой видимостью, т. е. его собственная жизнь существует только в «чистой» рефлексии, не становясь даже действительным бытием», и так как это последнее находится все время вне его и его рефлексии, то он тщетно стара-

ется представить рефлексию как нечто связанное с сущностью»¹¹⁴.

Такова первая форма отчуждения личности в антагонистическом обществе. Анализом этой формы К. Маркс и Ф. Энгельс выяснили, что противоречие между существованием и сущностью индивидуальной жизни не вытекает из каких-либо антропологических особенностей человека и не является вечной трагической судьбой личности, как утверждают в наше время многие сторонники экзистенциализма и антропологической философии. Противоречие между существованием и сущностью личности возникает как одна из форм проявления глубоких исторически преходящих социальных антагонизмов. Вместе с исчезновением общественных антагонизмов открывается реальный путь для преодоления антагонистических противоречий в структуре личности, хотя этот путь сложен и труден.

К. Маркс писал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», что коммунизм «...есть действительное разрешение противоречия ...между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидуумом и родом»¹¹⁵.

Из сказанного видно, что самоотмежевание личности от стихийно действующих общественных отношений — одна из типичных и опасных форм разрушения личности в современном антагонистическом обществе. Теперь охарактеризуем вторую широко распространенную типичную форму разрушения личности отчуждением.

2. Потребительская адаптация личности к общественным отношениям.

Эта форма по своим проявлениям во многом противоположна первой. Если первая форма отчуждения существует как «самоотмежевание» личности от стихийно действующих общественных отношений, то вторая форма отчуждения, напротив, существует как самоотождествление личности со стихийно действующими общественными отношениями.

В форме самоотождествления проявляются те же социальные противоречия, о которых говорилось при анализе первой формы.

Общественные отношения в силу своей стихийности и антагонистичности устремляются навстречу формирующемуся человеку двумя враждующими между собой

тенденциями. Одна тенденция в содержании общественных отношений идет от исторически развивающегося гуманизма, создается людьми, борющимися за лучшую, достойную человека жизнь на земле. Эта тенденция концентрирует в себе добрые начала жизни. С тех пор, как это содержание существует (т. е. с тех пор, как человек стал человеком), солидарность, доброта, бескорыстие полностью из общественных отношений не исчезают.

В отдельные эпохи сила подлинной человечности падает, а сама она становится похожей на брошенную на ветер искру. Драматические периоды исторического процесса нередко уносят в прошлое, казалось бы, незабываемые завоевания гуманизма. Но какой бы скудной ни была возможность проявления человеческой солидарности — гуманные начала человеческой жизни неистребимы. Серьезные мыслители всегда доказывали, что гуманные начала человеческой жизни отнюдь не слабо мерцающий огонек, способный лишь подогревать донкихотское вдохновение мечтателей. Изучение развития общества убеждает, что этот огонек — в действительности лишь малая, доступная эмпирическому наблюдению, частичка непобедимого и столь же вечного, как и человеческий род, важнейшего начала, важнейшей и необходимой основы бытия человека.

Не в каждой личности это подлинно прогрессивное содержание человеческих отношений находит опору. Не каждый человек из тех, кто утешает себя чувством единства с этим началом, — действительный его творец и защитник. Однако сила гуманных начал человеческой жизни настолько велика, а действительная роль в жизни настолько существенна, что, как правило, подавляющее большинство людей — и подлинные носители этого начала, и неисправимые враги его — выдают себя сторонниками тех социальных явлений, в которых представлено это содержание социальных отношений. Но здесь мы говорим не о мнениях, не о сознании личности, где безнадежно смешиваются в одно месиво лицемерные фразы людей и действительные мотивы их поступков. Здесь мы говорим о социально-практической, материальной жизни людей, где значения добра и зла отграничены друг от друга и различаются объективно.

Поскольку общественные отношения в той или иной форме содержат человеческую солидарность, то формирующаяся личность в той или иной форме, как правило,

испытывает их благотворное воздействие. У многих людей под влиянием этого даже появляется наивное и чрезмерное доверие к общественным отношениям в целом.

Человек под влиянием гуманистического момента социальной жизни верит, что общественные отношения действительно являются ареной творческого проявления его индивидуальной жизни. Кажется, что достаточно беспредельно отдаться судьбе общественных отношений и — будет поднято на уровень полнокровной действительности все, что дорого человеку. Кажется, что общественные отношения обязательно станут надежной опорой всех устремлений личности. Под объективным влиянием этих ожиданий у личности формируется противоречивая устремленность к жизнедеятельности в классовом обществе.

Однако по мере развития процесса отчуждения происходит глубокое перерождение потребностей и практических действий классовых личностей. Прогрессивные возможности и тенденции развития отношений начинают приниматься личностью как враждебная социальному порядку и потребительскому процветанию мишура. Индивидуальные действия отчужденной личности во многом приводят к практическому разрушению содержащейся в общественных отношениях солидарности и других истинно человеческих моментов.

Человек начинает принимать жизнь такой, какова она есть по его мнению: снижает инициативность и активность в борьбе за улучшение объективных обстоятельств, нередко перестает верить в жизнеспособность лучших стремлений. Это уже индивид, внутри себя закабаленный антагонистическим обществом, сделавшийся невольным, а нередко и «вольным» слугой худших сторон жизни, ставший активным агентом социальной несправедливости, врагом тех, кто продолжает бороться с несправедливостью и насилием, с уродливыми чертами социальной жизни.

Люди, смиряющиеся с потерей своего человеческого достоинства, отказавшиеся от трудного, но жизнеутверждающего прогрессивного человеческого содержания жизни, начинают испытывать злорадные чувства, когда встречают в жизни торжество насилия, политического деспотизма, предательства. Нередко их душа сочувственно откликается на «социальный порядок»

(так они называют и социальную рутину), на успехи предателей и душителей свободы. Очень широк и разнообразен круг таких людей.

Кто бы ни были такие индивиды — общественные деятели или рабочие, руководители предприятий или офицеры, профессора или студенты, физики или лирики, — они всегда соучастники общественной подлости.

Охарактеризованная выше адаптация личности к стихийным общественным отношениям, как правило, не доходит до такой заметной драматической ситуации, которая здесь отмечена. Очень часто эта адаптация с самого начала не встречает со стороны личности заметного сопротивления. Спокойный, мирный процесс адаптации является, может быть, худшим вариантом отчуждения. В таком случае **личность с самого начала** попадает в обезчеловеченные общественные отношения, где момент человеческой солидарности подавляется в самом зародыше. В этом случае антагонистическая природа общественных отношений настолько преобладает и подчиняет себе личность, что у нее, к сожалению, с самого начала не остается даже сомнений о «подлинной сущности жизни». Такая личность с самого начала не обладает в качестве своей внутренней основы той стороной общественных отношений, которая содержит человеческую солидарность, подлинную коллективность. Отсутствие внутренних конфликтов у такой личности только кажущееся, а нередко возникающие на этой основе самоуверенность, тупая оптимистичность и адаптированная жизнерадостность свидетельствуют о глубоких противоречиях в действительной жизни человека.

Здесь хочется подчеркнуть, что и формы, и содержание отчужденности личности имеют прежде всего объективное социальное содержание. То есть, когда говорится о самоотчуждении личности, речь идет не столько о «бунтарской» или, напротив, адаптизирующей настроенности сознания по отношению к общественным отношениям. Речь идет о практическом, деятельном, объективно-материальном содержании самоотчуждения личности, о личностном содержании тех общественных объективных отношений, которые составляют сущность данной личности.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс разъясняет, что отчуждение личности охватывает всегда и сферу знания, создает у личности духов-

ный мир с массой враждебных иллюзий. Отчуждение личности прежде всего происходит в сфере материальной, действительной жизни. «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере **сознания**, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение **действительной жизни**, — его упразднение поэтому охватывает обе стороны»¹¹⁶.

«В практическом действительном мире самоотчуждение может проявляться только через посредство практического действительного отношения к другим людям. То средство, при помощи которого совершается отчуждение, само есть **практическое средство**»¹¹⁷.

Теперь, когда в общих чертах охарактеризованы обе господствующие формы отчуждения личности — самоотмежевание и потребительская адаптация — мы еще раз кратко отметим характерные моменты, всегда свойственные состоянию отчужденной личности.

В обеих разновидностях отчуждения, которые рассмотрены выше, ярко видны два характерных для отчужденной личности состояния, разрушающих и подрывающих тенденции к дальнейшему развитию личности. Это, во-первых, ослабление или полный разрыв внутренней связи личности с добрым, гуманистическим, истинно человеческим содержанием социальной жизни. При чем разрыв личности с гуманистическим содержанием жизни часто происходит в парадоксальной форме индивидуалистического смакования красоты и добра, в форме «созерцательного» наслаждения красотой и добром. Красота и добро превращаются отчужденной личностью лишь в элемент собственного индивидуалистического уюта, и, таким образом, их истинная подлинно коллективистская природа глубоко извращается. Отчужденная личность в действительности враждебна добру и красоте уже потому, что превращает эти прогрессивные социальные ценности в средство индивидуалистической «наркомании», в их социальную противоположность.

Во-вторых, в обеих разновидностях рассмотренных форм отчуждения проявляется усиление порабощения человека так называемыми объективными обстоятельствами. Порабощение отчетливо видно в обеих разновидностях отчуждения личности: социальная жизнь пытается склонить индивида к ослаблению ценнейшего качества борца за совершенствование своей индивидуальной жизни и за развитие общественных отношений.

Во второй разновидности отчуждения такое давление на личность «обстоятельств» сразу становится очевидным и не требует здесь новых пояснений. В первой разновидности отчуждения это порабощение происходит в виде навязывания человеку откровенно индивидуалистической позиции.

«Каждому бунтовщику противостоит в его «эгоистическом деянии» особая действительность, над которой он стремится подняться, не считаясь с общими отношениями. Он стремится избавиться от существующего лишь постольку, поскольку оно является для него помехой, в остальном же, наоборот, он стремится скорее присвоить его себе»¹¹⁸.

Все попытки личности создать себе «пятачок», свободный от «плохих» общественных отношений, неизбежно вовлекает индивида в широкий круг конфликтных общественных отношений, причем это вовлечение из-за того, что отчужденная личность ориентируется на многие общественные отношения только как на внешние условия, чуждые ей и случайные,— осуществляется таким образом, что подлинным прищипом ее поведения фактически становится социальная всеядность. Поиски индивидуальной свободы внутри общественного рабства выступают как извращенная, рафинированная форма разрыва личности с истинно человеческим содержанием своей социальной жизни.

Одной из существенных черт марксистской идеологии является бескомпромиссное разоблачение серьезнейшей для судеб людей опасности, которая гнездится в отчужденных формах жизни. Даже тогда, когда марксизм был известен лишь горстке интеллигентов и условия для преодоления отчужденного образа жизни были неблагоприятны, основоположники марксизма объявили отчужденному образу жизни беспощадную борьбу.

В поэтической форме драматизм отчужденной жизнедеятельности хорошо передан Новеллой Матвеевой в стихотворении «Терпение»:

И стану я камнем, и стану
я льдом,
И недруг, меня за опору
приняв,
Не ведая, чем обернусь
я потом,

Пройдет и проедет по мне
на конях.
Следы от колес, от сапог,
от подков.
Меня зачеркнувшие, я изучать
внимательно буду...
Во веки веков,
Что б ни было, что б ни
случилось, — молчать.
Во тьме, в неподвижности,
где ни огня,
Ни шороха, ни дуновенья
окрест,
Как выручил — боже! — как
спас бы меня
Стремительный, бурный
отчаянный жест!
Но в том-то и дело, что дело
не в том.
И я заклинаю судьбу: огради
от бурь
Эту тихую рощу и дом;
Пусть буря останется только в груди.

В сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса исследованы существенные черты состояния отчужденной личности, живущей в любых конкретно-исторических условиях, характеризующихся стихийностью общественных отношений, их разноклассовой природой. Анализ диалектического единства жизнедеятельности отчужденной личности и общественных отношений в классово развивающемся обществе является одним из моментов изучения конкретно-исторического содержания жизнедеятельности людей. В отчужденной личности «персонализируются» общественные отношения любого остроконфликтного классового общества.

Проведенный К. Марксом и Ф. Энгельсом анализ отчуждения личности историчен и конкретен и не имеет ничего общего с конструкцией внеисторической «личности вообще». Различия в классовой «материи» отчуждения имманентно входят в структуру отчужденной личности в качестве важного, существенного содержания. Трагедия рабочего иная, чем трагедия генерала. Классовая «материя» отчуждения обуславливает проти-

воположность тенденций развития личности, определяет диаметрально различающиеся исторические судьбы личностей противоположных классов и социальных групп.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования»¹¹⁹.

Глубокое знание общественной жизни позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу выделить те тенденции общественного развития, которые формируют при капитализме общественные отношения, являющиеся основой подлинно содержательного развития личности. Такие тенденции зреют в отношениях, которые рождаются на пролетарском полюсе в ходе классовой борьбы. Эти отношения возникают внутри рабочего класса, захватывают в свою орбиту широкие массы и являются первыми вестниками будущих отношений, типичных для социалистического общества.

Классовая борьба пролетариата под руководством коммунистических партий укрепляет и развивает ту сторону общественных отношений, которая содержит в себе общечеловеческие ценности. Подлинно революционную основу своего прогрессивного развития личность находит в тех общественных отношениях пролетариев, которые возникают в борьбе с капиталистами, в борьбе с собственной разобщенностью и элементами внутриклассовой «конкуренции».

Пролетарская классовая борьба играет огромную роль в жизни буржуазного общества прежде всего как основная социальная сила, способная в рамках буржуазного общества существенно ограничивать разрушительное действие стихийных общественных отношений. Демократические силы буржуазного общества, прежде всего рабочий класс во главе с коммунистическими партиями, всемерно стремятся исключить из общественной жизни наиболее разрушительные формы проявления стихийности общественных отношений, такие, как война, фашизм, безработица. В этих условиях отчуждение лич-

ности хотя и не преодолевается, но формы проявления отчуждения существенно ограничиваются.

Последовательная борьба демократических сил против всех форм отчуждения рождает массовую революционную коллективную солидарность революционных сил и неизбежно приводит в конечном счете к революционному преобразованию общества.

Глава третья

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Диалектическое единство индивидуального и общественного сознания

Диалектико-материалистическая методология исследования проблемы человека, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, стала основой философского изучения не только индивидуальных потребностей человека, но и его сознания. Материалистическое понимание структуры общества позволило конкретно учесть роль материального способа производства, роль общественных отношений в развитии сознания личности. Многочисленные попытки домарксистских философов исследовать содержание сознания личности без изучения глубоких связей сознания с социальной материально-чувственной жизнедеятельностью человека оказались чрезмерно узкими, односторонними.

Многие философы домарксистского периода находились под влиянием той традиции в изучении сознания личности, которая держалась на методологической вере в возможность достоверного анализа закономерностей духовной жизни человека непосредственно через феномены сознания. Кажущаяся доступность сознания глубокому теоретическому анализу непосредственно через феноменологическое изучение его внутренних многообразных свойств и проявлений неизбежно приводила исследователей к ошибочному истолкованию взаимосвязи свойств сознания с социальным бытием человека. Свойства сознания, возникающие как процесс отражения и результат воздействия на индивида социального материального бытия, ошибочно изображались как независимые от материального бытия.

К. Маркс и Ф. Энгельс поднялись выше этого традиционного метода изучения сознания. Результаты их метода исследования духовной жизни человека оказались глубокими и диалектически парадоксальными.

«Мораль, религия, метафизика и прочие виды идео-

логии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности»¹.

К. Марксом и Ф. Энгельсом была глубоко исследована исторически изменчивая материальная объективная основа, формирующая сознание личности. Основа эта — чувственно-предметная деятельность человека, социальная структура общества. Общественные отношения, составляющие структуру предметно-чувственной деятельности человека, отражаются в сознании и определяют способ, характер этого отражения. Поэтому, чтобы раскрыть сущность сознания, необходимо изучать не только непосредственно многочисленные и сложные феномены сознания сами по себе, но необходимо также выяснить многоаспектную противоречивую зависимость сознания личности от всей совокупности общественных отношений и прежде всего от материально-чувственных производственных отношений формаций.

Этот опосредованный путь теоретического постижения всех феноменов сознания через изучение общественных отношений, через изучение потребностей, интересов, индивидуальной социальной материально-чувственной жизнедеятельности человека явился плодотворным научным приемом, позволившим глубоко исследовать индивидуальное сознание личности с диалектико-материалистических позиций.

Этот марксистский методологический подход определяет и оптимальную последовательность в изучении различных граней личности. Для анализа внутренней структуры личности далеко не безразлична последовательность категорий, отражающих эту структуру. Изучение сознания личности после изучения предметно-чувственной жизни индивидов, после анализа индивидуальных телесно-чувственных потребностей позволяет глубже показать многообразие глубоких определяющих «вторжений» материально-чувственного начала в духовную жизнь личности.

Сознание личности объединяет в себе следующие три момента, сливающиеся в один по-своему цельный процесс:

- личностное отражение материального бытия;
- усвоение индивидом готовых понятий и представлений из общественного сознания;
- развитие понятий и представлений во внутреннем духовном мире личности.

Остановимся подробнее на каждом из этих моментов.

Личностное отражение мира. Сознание личности является прежде всего процессом деятельного, творческого отражения материального мира, поступков и индивидуальных качеств других людей, широкого круга социальных событий, конкретно-исторической взаимосвязи людей с природой. Личность многообразно и деятельно включена в социальный мир практически. Сознание личности подчинено успешной материально-практической деятельности индивида в его социальном мире. Здесь мы не касаемся того, что считает личность успешным. Это тоже зависит от конкретного состояния социального мира и личности. Здесь важно полностью учитывать тот факт, что личность стремится к осуществлению себя в социальном мире даже если объективный смысл и формы такого самоутверждения во многом иллюзорны и фактически обрекают и подводят человека к самоуничтожению. Сформировать индивидуальные потребности, найти в окружающем мире возможности для удовлетворения и изменения своих потребностей, оправдать и защитить их, воплотить их в поведение, утвердить их в общении, воплотить их в противоречивую практическую жизнь с другими людьми, отказаться от каких-то особенностей потребностей, формировать другие — вот субстанциальная забота каждого человека. Властно охваченный этой заботой, человек активно всматривается, вслушивается, вдумывается в окружающий мир, стремится создать собственное, **свое** представление об этом мире, о его свойствах, достоинствах, возможностях, об угрозах, от него исходящих.

Вместе с знаниями о мире человек достигает **своего** представления о своей личности путем постоянного рефлексивного погружения в сложнейшие недра собственного деятельного, телесно-чувственного Я. Это самопознание также происходит в процессе практической жизни, в процессе сложного общения с другими людьми, в процессе изучения этих других людей.

Окружающий человека мир — социальная структура, люди, средства производства — постоянно меняются, развиваются. Действительность содержит внутри себя в скрытом от индивида виде такую сторону, которую личность еще не знает, которую индивид представляет себе не такой, какова она в себе. Эта скрытая от индивида, неизвестная сторона всегда лишь частично раскрыва-

ется познанию, являющемуся столь же неполным, относительным, далеким от завершенности процессом. Мир непрерывно порождает новые свойства и новые ситуации, которые отражаются в сознании личности.

Все это поддерживает в сознании человека прочную интенсивную установку на постоянное конкретно-историческое и конкретно-классовое взаимодействие сознания человека со своим социальным бытием. В этой установке на сохранение глубокой и «многослойной» связи с материальным бытием, в этом неисчерпаемом «пересаживании» материального в человеческое сознание и состоит важная фундаментальная сторона индивидуального сознания личности.

Усвоение личностью представлений из общественного сознания. Это — вторая существенная фундаментальная сторона сознания личности. Она состоит в постоянном многоплановом взаимодействии сознания личности с конкретно-историческим, конкретно-классовым общественным сознанием.

Отражение внешнего мира в сознании происходит тогда, когда у человека возникает определенный минимум представлений, понятий, усвоенных из общественного сознания. Каждый человек обладает усвоенными в процессе воспитания понятиями, идеями и идеалами. И когда происходит познание чего-то, оно возможно лишь благодаря уже имеющимся в сознании представлениям.

Сознание личности существует и развивается не в форме замкнутой в себе самодовлеющей системы представлений и эмоций, выросших в голове индивида и меняющихся лишь под влиянием друг друга и под воздействием того содержания, которое попадает в них по каналам ощущений из внешнего мира. Человек свое сознание формирует вместе со своей эпохой, со своим классом. В течение всей жизни человека его сознание включено в общее функционирование общественного сознания. Высказывания, понятия, нормативные требования, оценки и мнения нескончаемым потоком идут к сознанию человека. Одни из них уходят бесследно, отчасти за ненадобностью, отчасти потому, что остаются «неузнанными». Другие по разным причинам оседают в сознании личности.

Едва только у человека появляется потребность разобраться в возникающей в его жизни ситуации, как к

нему устремляются из общественного сознания прилипчивые советы, разъяснения, требования и т. д. Поэтому «размышления» над ситуацией сводятся в значительной мере к усвоению уже имеющихся представлений из общественного сознания. Даже тогда, когда человек, отмежевываясь от того, что ему предлагает среда, пытается размышлять только на основе своего личного сознания, следует иметь в виду, что собственное сознание тоже возникло из общественного сознания. И личность, размышляя «собственными силами», приходит к тем же представлениям, которые ей в качестве готовых образцов могло предложить общественное сознание и до размышления. Поэтому обычно личность непрерывно занимается изобретением тех «велосипедов», которые в изобилии содержатся в общественном сознании ее времени.

К. Маркс и Ф. Энгельс выяснили, что в разных социальных условиях общественное сознание по-разному формирует сознание личности.

Если общество антагонистическое, стихийное, то общественное сознание неизбежно вносит стихийность и антагонизмы в сознание личности.

В стихийном частнособственническом обществе общественное сознание неизбежно содержит одновременно и иллюзорные, и адекватные общественной практике представления. В стихийном обществе индивид в пределах своей деятельности пытается осмыслить приходящее к нему общественное сознание путем подчинения его таким моментам своего сознания, которые адекватно соответствуют его практической деятельности и деятельности тех людей, с которыми он непосредственно связан общественными отношениями. В пределах своей непосредственной общественной практики индивид истолковывает усваиваемое им общественное сознание таким образом, что оно оказывается надежно подчиненным «местным» условиям. Вследствие этого оно осознается личностью не всесторонне. Усвоенное индивидом сознание получает «местное» звучание: те его грани, которые не соответствуют практике индивида, остаются неосознанными и как бы угасают в пределах его жизнедеятельности, в пределах такой социальной группы.

Фантастические иллюзорные понятия, доверчиво принятые в индивидуальное сознание, причудливо наполняются содержанием реального индивидуального жизненного опыта, срastaются с реальным смыслом жизнен-

ных ситуаций индивида и вследствие этого иллюзорная сторона общественного сознания, принятого подобными индивидами, становится для таких индивидов незаметной. Несовместимые, противоречащие представления в пределах личного опыта становятся связанными внутренними живыми эмоциональными и «логическими» связями. Характерными для социальной деятельности индивида «фигурами» логики может в сознании закрепляться любое фантастическое содержание, соответствующее чувственной деятельности человека. Эта важная особенность индивидуального сознания является проявлением рассмотренной в предыдущей главе социальной пластичности и устойчивости индивидуальных потребностей человека.

Индивид принимает усвоенное им синкретичное сознание как вполне надежное и даже единственно возможное, если оно становится имманентно своим для личности, если закреплено «свидетельствами» индивидуальной социальной практики.

В классовом обществе такое сознание личности, стихийно возникшее на основе стихийного общественного сознания, становится источником и способом существования многочисленных идеологических иллюзий и потребительских, расистских, религиозных и других переживаний. И эти иллюзии цепко подчиняют себе индивида. Через общественное сознание в структуру личности проникают и приобретают доминирующее значение фантастические представления, чуждые личности, подрывающие ее действительные социальные возможности, нередко уничтожающие главные пути дальнейшего развития личности. К. Маркс дал следующую оценку этому сознанию классового общества: «В наши дни всеобщее сознание представляет собой абстракцию от действительной жизни и в качестве такой абстракции враждебно противостоит ей»².

Усвоенное индивидом стихийное общественное сознание классового общества наполняется индивидом «от себя» действительным жизненным опытом, и для личности это стихийное сознание превращается в знание. Происходит опасная мимикрия иллюзий под объективные достоверные знания. Оставаясь враждебными к подлинным знаниям, они низводят предпринимателя, рабочего, студента, профессора до уровня националиста, карьериста, расиста, а чаще всего — до уровня послуш-

ного обывателя — приспособленца к «обстоятельствам».

«У такого индивида, когда он испытывает потребность в мысли, мышление неизбежно становится столь же абстрактным, как сам этот индивид и его жизнь, и противостоит ему, лишенному всякой сопротивляемости, в виде косной силы...»³.

Отдельные моменты такого сознания, адекватно отражающие мир, хотя по содержанию и несовместимы с иллюзорным сознанием, придают иллюзорной системе представлений видимость объективной истины, прочность и устойчивость. Знания, интенсивно вовлекаемые в систему репрессивной идеологии, служат своего рода и прочным цементом, скрепляющим фантастическое видение мира, и защитной оболочкой, скрывающей от разума человека лживость основных, навязываемых ему идеологических принципов. Жизненная достоверность личностного опыта человека, подчиненная в таких (типичных) случаях господствующим в сознании иллюзорным версиям, придает устойчивость иллюзорному сознанию, дает этому сознанию массу прагматических свидетельств «истинности» стихийного сознания. Эту особенность стихийного сознания индивида хорошо подметили К. Маркс и Ф. Энгельс: «Призраки его воображения принимают телесную форму. В его представлении образуется мир осязаемых, ощущаемых призраков»⁴.

Чтобы сокрушить такую идеологию, необходимо ее носителей подчинять влиянию подлинно коллективных общественных отношений. Социально свободные общественные отношения качественно меняют функционирование иллюзорной идеологии, обрекают ее на периферийное прозябание во внутреннем мире своей жертвы. Оттесненная из жизни в сугубо внутренний мир процессов личности, эта идеология будет обречена на угасание. Таким путем жизнь человека может очиститься от калечащих ее многочисленных духовных кошмаров.

«Все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой..., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор...»⁵.

История показала правоту К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно таким образом при социализме подрываются и постепенно уничтожаются религиозные и многие другие утопические представления.

Человек в антагонистическом обществе был бы за-

травлен «духовной пищей», если бы описанная выше ситуация разгула идеологических версий в общественном и индивидуальном сознании была единственной. К счастью, в развитии общественного сознания и сознания личности существует и другая тенденция — тенденция обезвреживания и уничтожения всех форм иллюзорного сознания. Эта тенденция вдохновляется классовой борьбой трудящихся и вбирает в себя адекватные прогрессу и свободе достижения культуры. Эта тенденция благотворно влияет, прежде всего, на сознание личности труженика и оказывает глубокое воздействие на сознание любого антагонистического общества. Эта здоровая тенденция концентрирует в себе настроения и идеи прогресса, демократии, социализма, свободы. Она усиливается в ходе классовой борьбы и в конечном счете побеждает. Разные классы в разной степени подвержены влиянию этих двух противоположных тенденций.

При социализме, когда преодолевается антагонистическая стихийность в общественном развитии, общественное и индивидуальное сознание необходимо активно освобождать от любых иллюзорных идеологических, особенно от потребительских, религиозных и антидемократических тенденций. В социалистическом обществе индивидуальная деятельность, опыт индивидуального бытия становятся общественной основой для развития социалистического коллективизма и свободы личности. Однако на индивидуальную жизнедеятельность людей длительное время давит тяжелое бремя острых социальных проблем. Здесь и расточительный, затратный механизм хозяйствования, и укоренелость бюрократических деформаций во всей жизнедеятельности общества, и нерешенность жилищной и продовольственной проблем, и распространенность нетрудовых доходов, и опасно широкое распространение пьянства, и многое другое. Острые проблемы глубоко негативно вторгаются в индивидуальную жизнедеятельность очень многих людей и вовлекают человека в такие ситуации, которые серьезно мешают усвоению социалистической культуры и формированию твердых марксистских убеждений.

Поэтому в современных условиях нельзя уповать на превращение индивидуального опыта каждого человека в крупницу социалистического коллективизма. Напротив, коллективные явления существуют не сами по себе, не беслично, они воплощены в оборотистую индивидуаль-

ную жизнедеятельность многих реальных людей, активно вживляющих в реальное общественное социалистическое сознание множество потребительских, карьеристских, паразитических, антидемократических и религиозных настроений, которые часто усиленно маскируются их сторонниками в обличье марксистской социалистической терминологии. В таких случаях марксистская терминология низводится до маскировочного жаргона.

Справедливость сказанного можно пояснить следующим примером: в социалистическом обществе всегда было немало призывов к борьбе с пьянством. Однако в индивидуальной жизнедеятельности все сильнее укоренялось употребление алкоголя и постепенно сформировалась массовая привычка людей не только к употреблению, но и к злоупотреблению алкоголем. Даже среди рабочих-мужчин на рубеже 80-х годов алкогольным злоупотреблением было охвачено 37 %. (Коммунист, 1986 г., № 12, с. 63.)

XXVII съезд определил стратегию сильной социальной политики, в основе которой — борьба за утверждение и развитие социалистической справедливости. И уже ясно, что борьба складывается нелегко. За косностью, стяжательством, равнодушием — реальные люди с таким индивидуальным сознанием, которое не стало и не может стать духовной основой социалистического коллективизма, перестройки и ускорения. Его необходимо кардинально изменять.

До XXVII съезда застойность и инертность, бюрократизм и бумаготворчество, проявления социальной несправедливости толкали многих людей нашего общества к разочарованию, а нередко и в трясину аморализма и преступности.

Подлинные интересы дальнейшего прогрессивного развития социалистического общества требуют серьезно и глубоко интенсифицировать и обогащать духовную жизнь общества, расширяя и усиливая борьбу за перестройку и ускорение. Необходимо усиливать наступление на подкупность, на многоликое взяточничество и вымогательство, на попытку обюрократившейся части кадров по-прежнему создавать для себя привилегии в условиях быта, питания, медицинского и курортного обслуживания и, что особенно опасно, — в управлении делами общества.

В настоящее время численность работников государ-

ственного управления в Советском Союзе составляют более 18 миллионов человек (см.: Коммунист, 1986, № 9, с. 95). Следовательно, если хотя бы один из 18 работников продолжает цепляться за старые методы, привилегии, то в результате этого в управлении делами общества активно участвует серьезный тормозящий фактор численностью более чем в один миллион человек. При этом, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС в речи на встрече с партийным активом Краснодарского края, такие люди есть не только среди работников аппарата, но и среди рабочих, крестьян, интеллигенции.

Многие индивиды научились умело и изворотливо использовать революционную и социалистическую терминологию марксизма для надежного прикрытия этой терминологией своих узко-эгоистических индивидуальных, групповых интересов, для уклонения от острых нерешенных проблем, для снятия из числа гласно обсуждаемых — острых практических проблем, являющихся, по убеждению К. Маркса и Ф. Энгельса, сквозными, существенными для всего исторического периода, на котором существует социалистическое общество. В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс (при активном непосредственном участии К. Маркса) в числе таких проблем называл следующие: возможность глубоко отрицательного, разлагающего воздействия товарно-денежных отношений на все общественные отношения при социализме, на индивидуальную жизнедеятельность и тех, у кого оказывается сравнительно мало денег, и тех, у кого их накапливается сравнительно много. Происходит значительное накопление имущественного и денежного богатства в преуспевающих семьях и передача его по наследству, что неизбежно усиливает в обществе социальное неравенство и ослабляет действие принципа: «каждому по труду».

Как может общество бороться с такими негативными социально-экономическими сдвигами в современном социалистическом обществе и как достичь здорового функционирования и активного использования товарно-денежных отношений для укрепления социализма, для перестройки и ускорения?

XXVII съезд подчеркнул, что эти острые проблемы социализма необходимо открыто обсуждать и глубоко изучать в интересах революционной перестройки и кардинального ускорения социально-экономического развития общества. В жизни они реально существуют, о них

знают все, они оказывают огромное влияние на индивидуальное сознание, и если эти проблемы не обсуждаются, не исследуются серьезно и всесторонне — они неизбежно формируют у **многих** людей такое индивидуальное сознание, в котором планы и ожидания — потребительские и антидемократические, а фразы, которыми все это лицемерно прикрито в официальном общении, — нередко социалистические и даже коммунистические.

Таким образом, общественное сознание социалистического общества глубоко противоречиво. Его научное, социалистическое и демократическое содержание становится все более определяющим. Кроме того, постепенно в социалистическое сознание все в большей мере входит в качестве одного из необходимых моментов прогрессивное идейное наследие мировой культуры. Все это может стать, но отнюдь не автоматически, а лишь в системе уважительного, активного и умелого воспитания, основой прогрессивного духовного развития личности при социализме.

Социализм обеспечивает господство в общественном сознании научного мировоззрения, основой которого является марксизм-ленинизм как целостное стройное учение, объединяющее философские, экономические и социально-политические взгляды, направленные на формирование у каждого советского человека потребности в многообразной активной созидательной деятельности.

Общественное сознание решает множество острых проблем, чтобы воспитать такую мораль, при которой человек главным критерием социального престижа избирает труд, заботу о повышении авторитета честного, высокопроизводительного труда, утверждающего в обществе социальную справедливость, гуманизм, патриотизм, умение с четких классовых позиций оценивать поступки людей и события в обществе, отстаивать духовные ценности социализма и бороться за коммунистические идеалы.

Огромное воздействие на общественное и индивидуальное сознание оказали решения и установки XXVII съезда КПСС. Развернутая в Материалах XXVII съезда КПСС концепция ускорения явилась наиболее полным теоретическим выражением объективных требований современного этапа развития советского общества и воплощением коренных интересов и духовных

устремлений социалистических классов и социальных групп советского общества.

Партия сумела «предложить на основе глубокого, серьезного, ответственного анализа реальностей нашего общества такую политику, которую народ принял как свою»⁶.

«Никто больше не хочет жить по-старому, мириться с тем, что устарело, что тормозит наше движение и омрачает нашу действительность, нашу жизнь, наш социалистический строй»⁷.

XXVII съезд КПСС поднял на новый уровень активную нацеленность социалистического сознания на борьбу со всеми негативными явлениями, запаздыванием в решении назревших проблем, на искоренение хищений и взяточничества, спекуляции и тунеядства, пьянства, стяжательства, угодничества и подхалимства.

Развернувшаяся активная борьба за интенсификацию идейной жизни в настоящее время наталкивается на воинствующий догматизм обюрократившейся части идеологов, теоретиков и других кадров нашего общества.

«У нас еще есть люди, которые слово «перестройка» воспринимают с трудом, да и выговаривают его иногда даже с трудом. Они видят в этом процессе обновления зачастую не то, что в нем на самом деле заключено, а чуть ли не потрясение устоев, чуть ли не отказ от наших принципов»⁸.

Это та часть догматизировавшихся кадров, которая в недалеком прошлом утверждала в обществе полуправду, благодушие, духовную казенщину, мешала созданию в духовной жизни общества атмосферы творчества, товарищеских дискуссий, глушила открытые сопоставления и соревнование идей на направлениях, имеющих поисковый характер.

Особенно благотворную роль в развитии современной личности играет марксизм. Возможности марксизма как духовной основы свободного и гармонического развития личности поистине неисчерпаемы. Марксизм создан на основе творческого изучения лучших духовных устремлений всех времен. Глубокое, гибкое, предельно честное мировоззрение марксизма является творческой программой, раскрывшей реальную возможность свободы общества на основе подлинной личной свободы каждого человека. Революционное учение К. Маркса и Ф. Энгельса придает огромное незаменимое значение духовным цен-

ностям, накопленным в многовековой духовной мудрости человечества.

Только при активном вовлечении в духовную жизнь социалистического общества вековых достижений, сосредоточенных в произведениях самых различных мыслителей, станет реальной возможность осуществления великого идеала К. Маркса и Ф. Энгельса. «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁹.

Для марксистского понимания остро назревших проблем дальнейшего развития общественного и индивидуального сознания первостепенное значение имеют важные методологические требования, подчеркнутые в Материалах XXVII съезда КПСС, нацеленные на преодоление элементов отрыва марксистской теории от реальности, на объективное, правдивое исследование той противоречивой реальности, которая характерна для современного этапа развития социализма. Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся. Особенно необходимо углубленное изучение путей развития производственных отношений и человеческого фактора¹⁰.

Эти важнейшие методологические и остро актуальные требования абсолютно необходимы для совершенствования социалистического общества. Они с особой силой прозвучали в Материалах XXVII съезда КПСС, показавшего необходимость крутого поворота в жизни страны, и их необходимо превращать в основу для изучения всех закономерностей развития социалистического общества. Особенно актуальна поставленная в Материалах XXVII съезда КПСС задача преодоления упрощенного представления о методологических проблемах изучения социалистического общества.

Необходимо добиться безусловного воплощения этих требований на практике — во имя укрепления и ускоренного развития социализма и свободного развития каждого человека, во имя совершенствования демократии на всех уровнях социалистического общества.

Марксистское мировоззрение является духовной основой подлинного развития личности в силу двух его основных качеств. Во-первых, марксизм, если он действительно становится достоянием личного сознания человека, уничтожает в сознании личности все остатки иллюзорного сознания. Марксизм позволяет глубоко и

ясно почувствовать, понять и аргументированно изучить ход человеческой жизни в ее неисчерпаемо сложных формах исторического процесса и индивидуальной жизнедеятельности человека. Марксизм обладает огромной силой воздействия на индивидуальное поведение человека и способен последовательно воспитывать глубокое отвращение к идеологической лжи, к общественному лицемерию, к личному и классовому эгоизму. Марксизм несовместим с фанатизмом и противоположен ему: он содержит в себе и передает личности развивающуюся систему глубоких мировоззренческих понятий, таких понятий, которые вовлекают человека в освобождающий и благотворный процесс вечного поиска истины.

При социализме с произведениями классиков марксизма начинают знакомиться широчайшие массы. Это знакомство с марксистско-ленинским учением усиливает социальную значимость личности и ее творческие возможности. Но марксизм — далеко не простое учение и поэтому часто усваивается его сторонниками поверхностно, формально. Усвоение духовных богатств марксизма — процесс длительный и в решающей степени зависит не только от гносеологических особенностей научного мировоззрения: главное условие творческого усвоения марксизма — укрепление и развитие в социалистическом обществе обстановки духовной свободы, изживание идеологического менторства, оторванного от всестороннего изучения всех глубоких идей и аргументов, имеющих в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса.

Чем более развитым становится социалистическое общество, тем больший объем духовных сокровищ, сосредоточенных в марксизме, становится частицей реального общества и человека. Однако, как отмечается в Материалах XXVII съезда, советские обществоведы привнесли в марксистскую теорию совершенно не свойственные К. Марксу и Ф. Энгельсу полуправду и снижение смелости в постановке и решении назревших теоретических и практических проблем. Это горькая, но заслуженная критика, и необходимо понимать, что одним признанием справедливости этой критики нельзя устранить отмеченных XXVII съездом крупных недостатков современного марксистского общественнознания. Для преодоления отмеченных съездом недостатков необходимы плодотворные дискуссии, актуализирующие все эзотерическое и экзотерическое богатство марксистско-ленин-

ского мировоззрения и особенно необходимо глубокое критическое изучение всех проблем и противоречий реального социализма, поиски новых реальных возможностей совершенствования социалистического общества.

Развитие понятий и представлений в индивидуальном сознании. Это третья фундаментальная черта индивидуального сознания личности. Она проявляется в личностном развитии понятий и представлений, составляющих индивидуальное сознание. Воздействующие на человека природный и социальный мир так же, как и усваиваемые «готовые» представления из общественного сознания, закрепляются не в воображаемом «свободном месте» индивидуального сознания, якобы существующем «наряду» или «за» уже имеющимися понятиями и представлениями человека,— такого «вакуумного» места в духовной структуре личности не бывает. Мир своими неизвестными свойствами, как уже отмечалось, «стучится» в уже имеющиеся понятия, представления. Человек воспринимает и осмысливает жизнь своими готовыми понятиями, включает вновь возникающий в сознании смысл в свои «старые» понятия и представления, уточняет и развивает старые понятия, развертывает их новыми гранями. Включение нового содержания в старые понятия выступает как процесс развития уже имеющегося ранее содержания сознания (понятий, идей, идеалов). Это развитие, независимо от того, ведет ли оно к угасанию значимости старого содержания или к усилению его, всегда изменяет значение старых понятий в структуре сознания.

Из сказанного видно, что отражение окружающего мира в сознании личности и усвоение представлений из общественного сознания не следует представлять себе как арифметическую добавку новой информации к старому содержанию, как появление нового агрегатного кусочка в духовном калейдоскопе личности. Отражение окружающего мира и усвоение готовых идей и представлений из общественного сознания происходит в форме изменения внутреннего содержания уже имеющихся у личности понятий. Новые понятия в сознании личности возникают не как непосредственный ответ на воздействие материального и духовного содержания внешнего мира, а как результат дифференциации содержания уже имеющихся понятий. И по форме, и по содержанию это воздействие воплощается во внутреннее развитие тех

понятий, которые составляют духовный мир индивидуального человека.

Это означает, что индивид в ходе своей жизнедеятельности, отражая окружающий мир, усваивая сознание общества, изменяет **и свои «старые» понятия**. Духовная структура личности устойчива. В сказанном здесь как раз подчеркивается важная черта индивидуального сознания — динамическая устойчивость: окружающему миру, воздействующему на сознание личности, не удастся «ломать» и отбрасывать уже существующие у личности категориальные представления. Окружающий мир и общественное сознание могут лишь развивать то, что уже есть в сознании. И лишь путем развития имеющихся у человека понятий, представлений, путем слияния с «работающими» понятиями и представлениями окружающему миру удастся «войти» в сознание личности. Только таким путем окружающий мир, систематически воздействуя на личность, может оттеснить отдельные элементы его духовной структуры до уровня несущественности, а со временем и вовсе загасить их силой вновь возникающих представлений и понятий.

Понятия и взгляды не равноценны в структуре сознания личности. Одни из них более периферийны, другие связаны с глубокими устоями самосознания. В процессе осмысления поступающего в сознание материала понятия и эмоции личности могут быть вовлечены в процесс отражения полностью или только периферийными своими элементами. Значительность сдвига во внутреннем развитии ранее усвоенных понятий, сложившихся настроений и привычек во многом зависит от того, какое звено сознания, какое понятие будет обновлено или «расщеплено» вторжением нового содержания. От этого зависит, произойдет ли вследствие процесса отражения цепная реакция в сознании человека и если произойдет, то насколько она будет для сознания глобальной, к каким изменениям она приведет: застрянет ли смысл отражаемой ситуации во второстепенных понятиях индивида или возникнет существенный сдвиг в глубине его духовной структуры.

Понятия и представления, которые «предшествуют» отдельному акту познания, попадают в сознание личности в процессе индивидуального развития человека из социальной среды. Поэтому качество этих представлений главным образом определяется характером социальной

среды. Классовое общество воздействием через систему воспитания и через влияние обстоятельств заблаговременно готовит в сознании человека множество «преданных» ему представлений, чтобы человек через них не заметил убожества своей жизни, чтобы смотрел на свое примитивное — угнетенное или, напротив, паразитическое, существование как на подлинно человеческую жизнь. Одним из многих средств такой «обработки» сознания личности является многоликая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс обнажили подлинную суть утешительного «гуманизма» классового теоретического общественного сознания. Они метко писали об отчуждающей профессии идеолога:

«Индивида, изуродованного развившимся за счет его способностей разделением труда и подчиненного какому-либо одностороннему призванию, он берет под свою защиту от его собственной потребности стать иным...»¹¹.

«Физическое, интеллектуальное и социальное уродование и порабощение, на которое обречен индивид существующими отношениями, Санчо (т. е. идеолог антагонистического общества.— А. М.) признает за индивидуальностью и особенностью этого индивида...»¹².

Конечно, всю истину скрыть от человека невозможно (да и не нужно). Слишком обнажены социальные язвы. Но усыпить бессильную совесть отчужденной личности полупризнаниями, подсунуть ей «мысли раба» или мысли «господина» — посильная задача для антагонистического общества. И этого уже достаточно, чтобы, обещая пряник и пуская в ход кнут, добиться социальной покорности индивидов и ослабить столкновение классов до безопасной для господствующего класса нормы.

Казалось бы, что сознание человека является послушным слугой телесного, земного социального человека и должно бы бескорыстно отражать мир таким, каков он есть. Однако это далеко не так. Понятия и эмоции, которые предшествуют познавательному акту, участвуют в отражении не «бескорыстно». Они отражают мир с идеологическим пристрастием, замечая прежде всего лишь то, что в объекте созвучно их собственному содержанию, и остаются поразительно глухими и беспомощными, когда необходима их качественная перестройка для познания новых, более сложных свойств социального процесса и природы. Нередко в таких случаях (а они характерны и массовы) не человек мыслит

понятиями, а понятия стихийно «самоуправствуют» в голове человека, грубо искажая то, что, казалось бы, они могли отражать адекватно. Если бы понятия и эмоции были живыми существами, то их «нежелание» и неспособность информировать человека о свойствах мира, чужеродных собственной их природе, можно было бы объяснить своеобразным гносеологическим эгоизмом. Можно было бы отметить, что узкие, иллюзорные представления отстаивают себя, не хотят умирать и поэтому стихийно фальшивят, ибо узаконить в сознании несовместимые с собственным узким и иллюзорным значением новые смыслы — для них означало бы смерть. Казалось бы, что «дух» бескомпромиссен и не должен бояться такой смерти. Казалось бы, можно предположить, что «духу» всегда свойственно стремление к истине.

Однако, наблюдая за поведением стихийно возникшего сознания личности в буржуазном обществе, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечали как существенную его черту — упорное сопротивление истине. Правда, эта сопротивляемость не определяет полностью всего содержания сознания. Отражательный (адекватный) момент сохраняется в сознании, вследствие чего сознание содержит в той или иной степени объективную истину. Стихийно возникшее сознание личности одновременно дает крупицу объективных знаний и противопоставляет эту крупицу неисчерпаемому богатству объекта и возможностям дальнейшего развития истины. Такой индивид обрывает творческую связь познания с миром своими претенциозными иллюзиями, тупыми предрассудками, невежественными оценками. В сфере сознания фальсифицируется не только окружающий мир. Особенно изувеченной добычей иллюзорных представлений становятся собственные потребности индивида. Причем от индивидуальных фальсификаций окружающий мир постоянно терпит бедствия, ведь личность обрушивает на него свои стихийные поступки, в которых всегда воплощена «работа» иллюзорного сознания. С другой стороны, и потребности личности всегда непосредственно и имманентно испытывают на себе калечащий груз иллюзий и фетишей. Необходимость освобождения индивидуального облика личности от иллюзорного сознания очень остра для нашей эпохи, когда широко распространены многообразные идеологические приемы вживления в сознание личности иллюзорных понятий,

мешающих полнокровному развитию содержательных потребностей, которые были бы моментом гармонического всестороннего развития человека. Одним из важных условий обезвреживания иллюзорных представлений является изучение имманентной многоплановой взаимосвязи сознания и потребностей личности. Общеизвестно марксистское положение о том, что потребности, побуждающие человека к деятельности, «проходят» через его голову. Что значит это положение? Большинство потребностей личности не могут быть представлены в сознании человека в «натуральном виде». Они «первичны» и поэтому могут быть представлены в сознании только «вторичными» средствами — средствами самого же сознания, где создается образ потребности, ее своеобразный духовный двойник. Это, если можно так сказать, «представитель» потребности в сфере индивидуального сознания. Образ потребности, созданный в сознании, глубоко влияет на личностное отношение человека к собственной потребности. У личности имеется тенденция к оценке потребности не по ее реально-предметному жизненному содержанию, а по тому гносеологическому (неизбежно неполному, часто — иллюзорному) образу, который создан в сознании средствами сознания. Социальную сущность потребности личность начинает отождествлять не с подлинным содержанием потребности, а с оценкой потребности в сознании. Вследствие этого индивидуальные потребности неизбежно выступают в сознании или как необходимые и престижные для личности, или же, напротив, как позорящие личность. В соответствии с этим сознание по отношению к одним потребностям выступает в качестве верного стража и бескорыстного соратника, а по отношению к другим оно ведет себя как беспощадный каратель. Для одних потребностей в сознании возникает почетная галерея из их образов, для других — жандармское досье.

В стихийно развивающемся антагонистическом обществе сознание личности всех социальных групп, в том числе и сознание рабочего, наряду с объективным содержанием содержит немало различного рода иллюзий, идеологических фетишей, предрассудков, сомнительных оценок. Весь этот духовный хлам активно участвует в формировании индивидуальных потребностей. В этом случае деспотизм иллюзорного сознания часто направлен против таких потребностей личности, которые в со-

циальном смысле наиболее прогрессивны и содержательны. Идеологической фальсификации подвергаются особенно те наиболее ценные потребности, которые действительно противоречат коренным устоям любой частной жизнедеятельности, а значит, противоречат сознанию адаптированного обывателя. Под предлогом защиты особой индивидуальной сферы жизни, воплощенной якобы в функционировании «традиционной» семьи, в «неотъемлемых» правах семейного наследования имущества, общественные антагонистические формации разрушают силой стихийного сознания и поведения ростки подлинной коллективной жизнедеятельности в облике человека.

Но сознание не всемерно над судьбой потребностей. Сила преследуемых сознанием потребностей в том, что своей онтологической устремленностью они активно раскалывают сознание и создают в нем противоречия, а за пределами его их питает реальная материально-чувственная жизнь индивида. В этом случае потребности хотя и надламываются, но, как правило, так или иначе обходят идеологический барьер внутри сознания. Потребности неотторжимы от реального процесса жизни, и поэтому индивид, нередко отрицая их иллюзорным сознанием, в то же время удовлетворяет эти потребности своей реальной действительной материально-чувственной жизнью.

В таких случаях идеологический «запрет» потребности низводится до уровня идеологической мистификации. Фактическое поражение идеологии проявляется в форме «переименования» потребности. Сознание личности создает в своей собственной сфере еще один образ реальной потребности и «строго» следит, чтобы потребность «проходила» через голову только в образе должного двойника. Этой невольной хитростью идеологическое сознание лицемерно скрывает от себя свою отброшенность могучей силой реальных потребностей личности.

В результате столкновения иллюзорного сознания с реальными потребностями падает его повелительная сила. Та часть сознания личности, которая раньше ввязывалась в борьбу с реальными потребностями и пыталась «запретить» эти потребности, перестает быть существенным элементом духовной структуры личности. Эта «смятая» потребностями часть сознания становится лишь лицемерной оболочкой, фактически потерявшей власть

над ориентацией личности. Ее назначение теперь в том, чтобы быть маскировочными словами, отвлекающими на себя взгляд поверхностного наблюдателя и «рефлексию» собственной совести. Взамен подорванной идеологии в сознании личности зреет новая идеология, по-новому созвучная одним потребностям, по-новому не принимающая других. Потребности «спешат» укрепить свою власть над личностью и создают новую идеологию — своего союзника и адвоката. От материальных и духовных обстоятельств, от особенностей индивидуального облика зависит, как часто это случается и насколько драматично проходит.

Личному сознанию рабочих свойственна тенденция к разрушению иллюзорной идеологии, к развитию таких потребностей, которые несовместимы с буржуазным сознанием. Эти потребности ведут пролетариев к поискам нового сознания, которое стало бы подлинной духовной основой истинно человеческих потребностей. Такую духовную основу своего личного развития пролетарии находят в марксистском мировоззрении, если они практически проявляют способность преодолеть социальную антиномию своего классового бытия.

Иную эволюцию претерпевают понятия, засевшие в сознании индивидов господствующих или просто паразитирующих социальных групп. В мировоззрение их детей, молодежи паразитизм и стремление к социальному насилию и привилегиям (в рамках «порядка») внедряется глубоко и изобретательно. Преуспевающие дельцы и их приспешники с помощью квалифицированных профессионалов основательно «промывают» мозги своему потомству, чтобы «яблоко не укатилось от яблони». Молодой выкормыш господствующих групп вступает в жизнь с более прочными предрассудками, чем дети рабочих. Но главное не в степени прочности предрассудков. Главное в том, что индивидуальная жизнь рабочего объективно расшатывает навязанные ему иллюзорные представления, а «верхние слои», напротив, нуждаются в иллюзиях и предрассудках как в необходимом элементе их успешной социальной жизнедеятельности.

Социальная структура капиталистического общества, стихийно складывающаяся и несущая в себе антагонистические связи, как правило, обрекает личность капиталиста отражать социальные противоречия в иллюзорных понятиях и развивать дальше иллюзорные формы осмыс-

ления действительности. Для капиталиста связь различных сторон общественной жизни, как она выступает на поверхности его социальной практики, является определяющей при формировании его сознания. Капиталист поэтому склонен не замечать, что его собственная практика заслоняет глубокие и существенно противоположные связи в социальной структуре. И поскольку «сущность» социальной структуры остается во многом «за спиной» отдельного капиталиста, то в его сознании возникают представления, складывающиеся главным образом на основе отражения социальной видимости, одной части явлений социальной структуры, воплощенных в собственной индивидуальной деятельности капиталиста. Отчужденные формы, в виде которых значительно обособленные и оторванные друг от друга элементы буржуазных общественных отношений выступают в капиталистическом обществе, образуют ту жизненную среду, из которой исходят стимулы, побуждающие к индивидуальной деятельности капиталиста. Те непосредственные стимулы, которые «проходят» через голову капиталистов и побуждают их к деятельности уже в виде сознательных мотивов, идут именно от таких социальных форм, в которых реальные общественные отношения проявляются в деятельности господствующего класса. «Агенты капиталистического производства живут в каком-то заколдованном мире...»¹³

Приведем пример, показывающий справедливость и глубину высказывания К. Маркса.

В хозяйственной деятельности капиталиста как личности в нерасчлененном виде присутствуют два принципиально разных процесса: зависимость прибыли капиталиста от произведенной наемными рабочими прибавочной стоимости и зависимость прибыли от экономических взаимоотношений внутри класса капиталистов, от участия капиталиста в дележе прибавочной стоимости внутри класса эксплуататоров. Вторая зависимость затушевывает первую в сознании капиталиста, потому что именно от нее зависит конечная судьба его деятельности. Поэтому в конкретной мотивации его деятельности вторая зависимость выступает как формирующая его сознание. И если в действительности вторая зависимость лишь иррационально воспроизводит и модифицирует первую, то в сознании капиталиста вторая зависимость «перевортыкает» первую, превращает в следствие, как буд-

то вытекающее из предпринимательской деятельности капиталиста. Возникает и развивается устойчивое иллюзорное сознание, фетишизирующее деятельность предпринимателя и побуждающее его энергично действовать в качестве агента капиталистического общества. Такое иллюзорное сознание даже с моральной точки зрения является необходимым для капиталистов, поскольку оно позволяет не только не краснеть, но, как правило, искренне гордиться своей социальной ролью.

«Пока человек остается буржуа, он не может не видеть... в ...антагонистических отношениях отношений, основанных на гармонии и вечной справедливости...»¹⁴

Чем ближе мы знакомимся с внутренним развитием понятий и представлений личности, тем достовернее замечаем, что это развитие является производным от состояния потребностей индивида, от характера материальных условий жизни. Поэтому после того, как мы выделили три момента индивидуального сознания и с разных сторон охарактеризовали формирование сознания личности в единстве с общественным сознанием, следует более конкретно показать тесную диалектическую связь сознания с общественными отношениями.

§ 2. Два материальных способа существования индивидуального и общественного сознания

Почему человек из доступного ему обширного круга представлений и настроений общественного сознания выбирает для себя лишь некоторые? Почему именно данный конкретный фрагмент общественного сознания, а не какой-либо другой, также доступный личности, стал для нее внутренне близким, необходимым и самым влиятельным? Или, говоря словами К. Маркса и Ф. Энгельса, «... как случилось, что люди «вбили себе в голову» именно ЭТИ иллюзии?»¹⁵

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что поставленная в вопросе проблема имеет глубокий смысл. «Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир...»¹⁶

Вопрос — «как случилось, что люди вбили себе в голову именно эти иллюзии»? — ставили не только К. Маркс и Ф. Энгельс. Эта «вечный» вопрос, мучивший и удивлявший мыслителей во все эпохи исторического развития человечества. До К. Маркса и Ф. Энгельса мыслители ответ на этот вопрос так или иначе искали в социальных свойствах индивидов, в особенностях исторических эпох. Много глубоких и поучительных размышлений содержится в трудах философов, общественных деятелей, авторов художественных произведений. Это были, скорее, сетования и призыв к борьбе с невежеством, чем научное объяснение духовной жизни человека. Вновь и вновь мыслители подчеркивали важный и правильный вывод: если люди поработаны иллюзиями, значит, во-первых, надо просвещать каждого человека, чтобы он с помощью знаний мог отличить истину от заблуждения, и, во-вторых, необходимо хорошие, истинные идеи сделать еще более отчетливыми и очевидными, умело разъяснять и обогащать их. Таким путем надеялись подорвать, ослабить, а быть может, и уничтожить невежество и социальное зло как проявление невежества.

Однако приходится констатировать, что и теперь, в современную эпоху, невежество продолжает демонстрировать удивительную жизнеспособность и смогло много раз пережить все сроки предсказанной ему просветителями гибели. Оно полнокровно процветает, нередко приобретая рафинированно ученую маску, оттесняя благороднейшие и полезнейшие социальные теории из сферы жизни в библиотечные хранилища.

Сила и устойчивость иллюзорного сознания оставались в домарксистской философии необъяснимо прочными по сравнению с состоянием добра и справедливости. Нередко эта «противоестественная» живучесть невежества приводила к трагическим сетованиям просветителей. Так, например, духовная драма А. И. Герцена — гениальнейшего и честнейшего из просветителей — была обусловлена тупиком в поисках источников этой фантастической (объяснимой только теорией исторического материализма) живучести иллюзорного сознания. Как демократ и гуманист, Герцен не мог позволить себе объяснить приверженность народа к суевериям и духовному убожеству «истинными» качествами самого же народа. Но, с другой стороны, как просветитель, он не мог не верить во всепобеждающую преобразующую силу разумных

идей. Драма Герцена была драмой домарксистского просвещения и гуманизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что для оценки повелительной силы общественных идей недостаточно проверки на истинность этих идей. Гносеологическая доброкачественность понятий ничего не говорит нам о тех реальных силах, которые ведут в обществе борьбу за и против идей. А это как раз главное. Поэтому, чтобы определить действительную власть над сознанием личности общественных идей и настроений, необходимо выяснить, подкреплён ли престиж той или иной идеи общественной борьбой, живыми заступниками. Необходимо выяснить, остаются ли гуманистические учения, теории на правах юродивого просителя, которого не принимают всерьёз, на правах подневольно работающего пленника, которого продажные идеологи господствующего класса нагло используют для классового насилия, цинично извращая при этом подлинный смысл большой культуры, извращая гуманистическое и гносеологическое содержание произведений великих мыслителей,— или же прогрессивные, гуманистические идеи стали глубоко созвучны ходу классовой борьбы и будут воплощены в объективную логику социального развития, в реальные отношения общества, в индивидуальные действия человека?

К. Маркс и Ф. Энгельс проанализировали под этим углом зрения общественные идеи и настроения антагонистического общества и пришли к таким выводам, которых не знали просветители, не знала вся домарксистская философия.

К. Маркс и Ф. Энгельс открыли и материалистически изучили не исследованный ранее материальный способ функционирования общественного и индивидуального сознания — реальную систему общественных отношений.

Раньше, до К. Маркса и Ф. Энгельса, философы изучали прежде всего такой материальный способ существования общественного сознания, как язык. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили языковой способ бытия общественного и индивидуального сознания, но вместе с тем доказали, что есть ещё один материальный способ существования сознания — общественные отношения.

Отношения людей являются отношениями сознательных существ и поэтому в них сосредоточена часть сознания живых людей. Материальные объективные отношения людей органически включают в свои «недра»

часть тех идей и настроений, которые существуют в языковой форме. Общественные отношения как материальная форма сознания принципиально отличаются от языка. Это различие состоит в следующем.

Язык можно назвать социально индифферентной формой сознания. Он безразличен к борьбе общественных классов и одинаково хорошо служит невежеству и разуму, религии и науке. Язык является формой всех понятий — истинных и ложных, выработанных человеческой культурой в течение всех формаций. Язык не дает идеям, рожденным современной эпохой, никакого преимущества, никаких «льгот» на выживание в борьбе с идеями умерших цивилизаций, например, с идеями Платона, христианских евангелистов и т. п. Изучение общественных взглядов лишь в языковой форме мало говорит нам о жизненной значимости идей — участвуют ли они в реальном жизненном процессе общества или созерцательно хранятся в «библиотечных хранилищах» сознания людей.

Иначе «ведет» себя другой материальный способ функционирования сознания — общественные отношения. Элементы общественного сознания, вошедшие в общественные отношения, получают качественно новую активность и качественно новую логику развития по сравнению с языковой формой сознания. Эта активность и иная логика развития объясняются тем, что элементы общественного сознания «работают» в диалектическом единстве с определенными реальными потребностями людей, с реальными интересами классов, и развитие такого сознания подчинено логике классовой борьбы, движению противоречий эпохи.

Попытка подорвать идеи, нашедшие себе форму в виде общественных отношений, или не принять их, не считаться с ними, естественно, воспринимается как посягательство на эти общественные отношения и, следовательно, как посягательство на интересы тех индивидов, из чьих действий сотканы общественные отношения. Каждый индивид класса, социальной группы, утверждающий в жизни вполне определенные отношения, вольно или невольно выступает как сила, утверждающая в жизни определенные идеи и настроения, которые внутренне связаны с такими общественными отношениями.

Какие же фрагменты общественного сознания оседают и закрепляются в духовном облике человека? Как пра-

вило, это те фрагменты общественного сознания, которые содержатся в производственных, политических, идеологических отношениях, входящих в жизнедеятельность данного индивида. Они навязываются индивиду не силой своего гносеологического веса, не потому, что оказались глубже и содержательнее, а потому, что индивид — существо практически действующее, он живет вместе со всеми людьми материально-практической деятельностью. Жизнь вынуждает и приучает индивида иметь одни взгляды и отказываться от других, независимо от их гносеологической ценности и в зависимости от степени и характера их связи с реальными общественными отношениями.

«Человек утверждает свою реальную общественную жизнь и только повторяет в мышлении свое реальное бытие...»¹⁷

«Мое всеобщее сознание есть лишь теоретическая форма того, живой формой чего является реальная коллективность...»¹⁸

Источник сознания личности — в социально-классовом своеобразии коллектива, в котором живет человек. Именно реальное бытие коллектива «снабжает» личность наиболее «поведение образующими» идеями и достаточно полно контролирует то, что приходит через систему языка в сознание личности помимо коллектива, со стороны.

Окружающие люди своей реальной жизнедеятельностью, своими авторитетами, убеждением и принуждением «внедряют», приучают и навязывают человеку свои взгляды и настроения. Если личность, несмотря на эти воздействия, все же почему-либо не принимает сразу предлагаемого ей сознания, то она вынуждена принимать для себя то поведение, которое соответствует потребностям, общественным отношениям окружающих людей, следовательно, то поведение, которое соответствует сознанию окружающих. А это уже, как правило, решающий шаг к принятию и сознания окружающих.

Нередко бывает, что личность, побуждаемая противоречиями своей жизни, «вообще говоря» отдает предпочтение одним взглядам, а руководствуется в практических действиях другими. В таком случае можно считать, что те, другие взгляды, которые личности кажутся лучшими, но нереальными, и она практически от них отказывается, не являются реальным содержанием сознания

личности, присутствуют в сознании как абстрактная возможность иного сознания, но не как элементы действительного сознания.

Исследуемое нами «раздвоение» сознания человека на объективированное, реализуемое в действиях, подтвержденное делом, и, с другой стороны,— на «необеспеченное поступками», «субъективные представления» привлекает серьезное и пристальное внимание исследователей. Так, Н. Б. Биккенин, анализируя эту проблему, выявляет в необъективированном сознании существенно различные его пласты в зависимости от целостного социального облика человека. В одном случае это сознание следует считать неподлинным, в другом — фальшивым. «То, что не подтвердилось в поступках, в реальных жизненных ситуациях, можно «вычестить» из наличного сознания, как заблуждение человека о самом себе, как неподлинное сознание. Это в том случае, если речь идет о добросовестном заблуждении относительно обладания теми или иными качествами, которых на сегодняшний день, однако, нет в наличии и их надо еще вырабатывать, или, напротив, о том, от чего нужно отказаться, преодолевать в характере. Если же речь идет об умышленном лицемерии перед самим собой и окружающими, то это уже типичное «фальшивое сознание»¹⁹.

Отмеченные здесь существенные различия между функциональным содержанием «словесного» сознания разных людей имеют большое значение для конкретизации уровня духовного развития и практических социальных позиций различных индивидов и социальных групп в современном социалистическом обществе.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечается, что процесс перестройки наталкивается на действие тормозящих факторов, которые чаще всего идут от инерции, от застарелых привычек, застывшей психологии существенно разных по своему сознанию групп людей: «Немало и таких товарищей, которые политически понимают необходимость работать по-новому, но просто не знают, как это осуществить практически. Им надо всемерно помогать. Мы не можем не замечать и тех, кто еще не понял сути идущих перемен, кто выжидает и не верит в успех задуманного партией экономического и политического поворота»²⁰. «Приходится сталкиваться с фактами, когда словами подменяются дела, когда за крити-

кой не следуют практические выводы... Некоторые руководители щедры на декларации о гласности, правильно говорят о роли коллектива, о развитии демократических начал в жизни, но беда в том, что на этом все и кончается. Так и создается иллюзия перестройки: на словах все ладно, а реальных изменений нет. Из-за этого перестройка сбивается на холостые обороты»²¹.

Намеченная XXVII съездом коренная перестройка кардинально меняет развитие всех общественных отношений и поэтому серьезно затрагивает интересы, нередко болезненно воздействует на положение, позиции, поведение социальных групп и прослоек.

«Время показало, что немало и таких, кто хорошо понимает, что такое перестройка. Но, понимая, какие будут ее последствия, эти люди не принимают ее...

Такие люди есть и среди рабочих, крестьян, и среди руководящих работников, работников аппарата. Они есть и среди нашей интеллигенции...

Мы видим, как они сейчас со всех трибун и громче всех кричат о перестройке, хотя на деле тормозят ее проведение под всякими, в том числе и самыми благовидными предлогами»²².

«Главная задача у них — сохранить старые, отжившие порядки, сохранить свои привилегии»²³.

Философские работы современных марксистов, посвященные проблемам общественного и индивидуального сознания, как правило, теряют ту глубину и конкретность в изучении сознания личности, которые характерны для работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Качественно разные способы существования общественного и индивидуального сознания не раскрываются, и исследования ограничиваются преимущественно гносеологической и оценочно-идеологической характеристикой тех или иных учений и представлений, имеющих в общественном и индивидуальном сознании. Особенно заметны неиспользованные теоретические резервы, созданные К. Марксом и Ф. Энгельсом, в тех местах рассуждений современных марксистов, где речь идет о степени жизненности имеющих в обществе учений, идей и механизмах взаимного влияния общественного и индивидуального сознания. Авторы современных марксистских работ мало обращают внимания на важное положение теории К. Маркса и Ф. Энгельса о существенных различиях между разными частями общественного и индивидуального сознания,

вытекающими не из их гносеологического содержания, а из специфики того материального способа, в котором они функционируют — языка или же конкретных общественных отношений.

Материалистическое, классовое исследование сознания, осуществленное К. Марксом и Ф. Энгельсом, доведено основоположниками марксизма до диалектико-материалистического конкретного объяснения: **почему именно это** звено общественного сознания, а не какое-либо другое стало объектом интенсивного усвоения и присвоения личностью, хотя, казалось бы, рядом существовали и другие настроения, идеи, нередко более ценные и тоже доступные человеку. И личности, казалось бы, хорошо объяснено было, что рядом — более ценные, более содержательные понятия и духовные устремления, и тем не менее личность потянулась к худшему, может быть, губительному для нее. Почему? «Испорченная» природа личности? Это — не объяснение. Все дело в самостоятельном, сложном, специфическом воздействии на личность тех социальных способов, в которых «упаковано» содержание общественного и индивидуального сознания. Эту «упаковку», т. е. социальный способ функционирования общественного и индивидуального сознания, **невозможно** адекватно исследовать, если ограничиться только гносеологическими и идеологическими аспектами анализа, потому что эти различные материальные способы функционирования сознания находятся «за спиной» сознания: они действительно — не сознание и вне сознания.

В исследовании советских философов обычно общественное сознание рассматривается, чтобы доказать, что и общественное, и индивидуальное сознание являются отражением общественного бытия, вторичны по отношению к бытию; разъясняется, что сознание является активным, относительно самостоятельным и существует в виде морали, искусства, религии, философии, науки, политических и правовых учений и настроений. Это, безусловно, важнейшие моменты марксистской теории общественного сознания. Но такой подход, если он ограничивается лишь отмеченными моментами, недостаточен. Он не дает возможности анализировать сознание во всей его противоречивой связи с бытием, в динамичных переходах идей из одного способа их материального бытия — в другой, а такой переход часто изменяет социальное значение идей и теорий в про-

тивоположный по своему объективному значению компонент реальной жизнедеятельности.

Необходимо всегда доводить анализ общественного и индивидуального сознания до выяснения социально-материального способа, характерного для реального функционирования общественного и индивидуального сознания. Следуя методу К. Маркса и Ф. Энгельса, общественное и индивидуальное сознание необходимо изучать не «валом» и не только в виде констатации содержания и роли морали, религии, искусства, философии и других форм. Необходимо выяснить, какие конкретно из его идей, ценностей, настроений функционируют в качестве практических, жизненных компонентов действительных материальных и иных, индивидуализируемых человеком общественных отношений. Это позволяет обнажить оторванность от реальной жизни множества других идей и представлений, которые остаются в сознании индивидов только в языковой форме, а в обществе — в виде газетных пожеланий, псевдодирективных деклараций государства, политических партий и религиозных организаций.

Преодоление просветительского гносеологического подхода к общественному сознанию, открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом качественно различных материальных способов функционирования индивидуального и общественного сознания как **необходимых** атрибутов самого сознания позволило глубоко материалистически проанализировать сознание отдельного человека.

В самом деле, если общественное сознание существует в двух материальных формах и существует не помимо, но в самой личности, то и при изучении духовной жизни человека следует выяснить, какие фрагменты сознания личности существуют только в форме языка, а какие — в форме имманентных личности материальных, политических, идеологических общественных отношений. «Именно потому, что мышление, например, есть мышление данного определенного индивида, оно остается его мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет...»²⁴

Логика предмета исследования привела нас к необходимости проанализировать сознание личности не только с гносеологической стороны — что человек знает и чего он не знает. Для понимания личности существенное и другое — какую роль, какую ценность придают этим

знаниям имеющиеся в обществе социальные группы, органы управления и сама личность. За какие идеи и настроения классы, социальные группы и личность будут «стоять», не жалея своей жизни, а какие понятия существуют в их сознании на правах случайного попутчика, занятого в лучшем случае подсобными делами, или даже выступают в роли демагогических лозунгов?

Сознание личности — важнейшая, но всего лишь отдельная, не самодовлеющая черта в структуре личности. Какую ценность придает личность идеям и настроениям, привязана ли она к своим представлениям кровно или же многие из ее представлений — лишь то, что ветер носит, что личность вынуждена повторять «на словах» — все это существенно зависит прежде всего от материально-чувственной многообразной совместной социальной деятельности, от возникающих в этой деятельности потребностей личности. Они определяют, какие из идей и настроений личности являются более внутренними, какие — поверхностными и случайными. Эта оценка далеко не всегда совпадает, согласуется с гносеологической ценностью идей и настроений. Значимость представлений и понятий определяется не столько тем, с какой глубиной они отражают окружающий мир. Их значение прежде всего определяется тем, помогают ли эти представления и понятия осуществить личности свою жизнедеятельность, формировать, удовлетворять потребности, интересы.

Назначение сознания в облике личности состоит прежде всего в том, чтобы быть надежным проводником потребностей к общественным отношениям, поднимать потребности до уровня их реального удовлетворения, преобразовывать общественные отношения в имманентную черту личности, в социальное тело личности. Это назначение сознания обуславливает широту и многогранность сознания, наличие в нем тончайших интимных порывов, непрерывно рождающихся, мало живущих и тяжело ранимых не только небрежным посторонним взглядом, но даже не выдерживающих грубого прикосновения к ним собственных логических «толстокожих» понятий — от этой тончайшей и почти неуловимой психической ткани до изворотливых, поднаторевших в гибкости, бессовестных, как сатана, вечно наступающих понятий, призванных вытащить человека из любой грязи, обелить его перед собой, высмотреть для человека в социальном мире оптимальные возможности и подтолкнуть его в жизнь,

к борьбе за потребности, за их реализацию — все это необходимо сознанию и обусловлено онтологически.

Велика жизненная роль «чернорабочих» представлений сознания. Именно они составляют своеобразный духовный таран личности, преобразующий общественные отношения в индивидуальную форму личности. От их состояния зависит все: будут ли использованы все возможности для удовлетворения потребностей, насколько эффективно личность преобразует общественные отношения в собственное социальное тело. Общественные отношения в их «безличном» виде для данной личности — это всегда имманентные отношения других людей. Индивид своим воздействием на них должен вторгнуться, преобразовать для себя общественные отношения других людей, должен пересоздать и раздвинуть их, чтобы отныне в этих общественных отношениях нашли себе место и его собственные потребности, чтобы через эти отношения в личность еще раз вошла социальность, на этот раз не как творец потребностей, а преимущественно как объект их удовлетворения.

Не все идеи и настроения, содержащиеся в сознании личности, являются активными проводниками потребностей к их действительной реализации. Лишь часть сознания безраздельно отдает себя судьбе потребностей. Эта часть сознания становится внутренней частицей потребностей личности и во всем разделяет судьбу потребностей. Личность не отделяет от себя этих слоев сознания. Напротив, именно из этих элементов сознания вырастает «внутренний трибунал» личности — ее совесть. Из этих элементов сознания складываются, кроме совести, и другие глубочайшие духовные основы личности.

Если жизнь личности такова, что ее потребности удовлетворяются успешно, то и единая с потребностями часть сознания крепко «засела» в облике личности. Если же жизнь личности такова, что ранее сформированные потребности (или их ростки) уродуются, изгоняются из жизни, то такую же участь потребностей полностью разделяет и «работающее» сознание личности. Та часть сознания, которая была наиболее непосредственно вовлечена в неудачное, катастрофическое осуществление потребностей, теряет свою власть над личностью и уступает свое первородное место случайному сознанию. Крушением потребностей жизнь личности потрясена, и наиболее глубокие слои ее сознания дезориентированы.

После этого на уровень существенных понятий индивидуального сознания выдвигаются те представления, которые прежде оставались наблюдающим сознанием и выступали пассивно. Пассивные слои выдвигаются на первый план лишь потому, что активные слои дискредитированы овеществлением и отчуждением потребностей. «Обсуждающее» сознание становится действующим, нередко опираясь на мнимые «преимущества» своей невольной печальной судьбы внутриличностного мародера.

Таким образом, потребности, общественные отношения личности выступают как активная внутриличностная основа возникновения и изменения сознания. Не законы логики, а свойства социального бытия определяют, какие из идей и настроений личности являются более сокровенными и внутренними, какие — поверхностными и случайными. Потребности личности отдают свою власть над личностью тому сознанию, которым они, в свою очередь, признаны как действительные потребности, нуждающиеся в удовлетворении, а не как случайные химеры и личностные капризы. Отношение этих потребностей к сознанию является отношением человека к своему сознанию. Потребности личности склоняют человека к признанию близкого им содержания сознания самым незаменимым, истинным и важным, без которого немислим «настоящий человек». И, напротив, противоречащие потребностям моменты индивидуального сознания низводятся до случайной частности, за дискредитацию которой выступают и потребности, и преуспевающее сознание. Влияние онтологического личностного начала на гносеологическое оказывается настолько глубоким, что противоречия в сознании, неизбежно имеющаяся внутренняя несовместимость различных его элементов не воспринимаются личностью как дефект сознания и даже не замечаются, если сознание не приходит в столкновение с потребностями. Ибо изучение свойств сознания всегда по необходимости производится самим же сознанием личности. И если есть слабости в сознании, то они скрыты под маскировочным покровом системности, которая в союзе с потребностями, как правило, может надежно скрывать от человека даже вопиющую нелогичность. Самоанализ обычно является формой самоапологии, иногда трудной и мучительной, как у героев Достоевского.

Совершенно иное отношение потребностей к другой

части сознания, к той, которая не включена непосредственно в жизнь потребностей. Потребности «держат» эту часть сознания лишь на правах поставщика информации. Социальные ценности, содержащиеся в этой, не слитой с потребностями части сознания, не становятся ценностями личности, хотя она бывает прекрасно осведомлена о них. Весь объем этой части сознания личности существует для личности только в материальной форме языка. Личность учитывает роль этого сознания для определения внешних подробностей своего существования.

Анализ сознания личности показывает, что как все общественное сознание данной формации существует в двух материальных способах — в форме языка и в форме общественных отношений, — так и сознание личности существует в двух материальных способах — в форме языка и в форме имманентных личности общественных отношений.

Характерной чертой многих людей, особенно живущих в условиях острой конфликтности в антагонистическом обществе, в условиях социального деспотизма, является своеобразная неприкаянность, саморазорванность и «языкового», и «бытийного» сознания, непосредственно входящего в материально-чувственную деятельность личности. Такое сознание характерно, например, для интеллигентов, оторванных от прогрессивных форм социального классового творчества, для людей, не способных порвать свои связи с реакционным классом, для лучших представителей господствующих классов, которым вся культура доступна вследствие их достаточного образования, досуга и средств жизни. (И в то же время большая, серьезная культура противоречит их образу жизни как несовместимая с паразитизмом, социальным насилием, индивидуальным эгоизмом). Люди такого склада широко известны в истории России и других стран. От просвещенных обломовых с массой полузабытых сочинений, лежащих ненужным мертвым грузом в их сознании, до удивительно утонченных, начитанных, чутких русских интеллигентов конца XIX — начала XX вв., остро переживающих драматический конфликт между своей глубокой творческой индивидуальной культурой и пошлостью, тупостью, тяжестью российских общественных отношений.

Яркую документальную характеристику этим интел-

лигентам дала ныне широко известная Е. Ю. Кузьмина-Караваева: «Непередаваем тот воздух 1910 года. В этот период смешалось все: апатия, уныние, упадничество — и чаяние новых катастроф. Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоты, — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура — цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами Вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны... Глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции... смелые мосты бросались в будущее. И вместе с тем эта глубина и смелость сочетались с неизбывным тлением, с духом умирания, с призрачностью, эфемерностью, мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции. За нами простиралась всероссийская снежная пустыня, скованная страна, не знающая ни наших восторгов, ни наших мук, не заражающая нас своими восторгами и муками. Была только черная петербургская ночь удушья. Тоска не в ожидании рассвета, а тоска от убеждения, что никакого рассвета никогда больше не будет»²⁵.

Это выразительное свидетельство растерянности части русской интеллигенции перед богатством, многообразием и величием духовной культуры, которая была ими хорошо изучена; это свидетельство о трагическом незнании, для чего им нужна такая культура; это факт раздвоения сознания интеллигенции. Оторвавшись от народа, т. е. не имея тех общественных отношений, потребностей, которые закрепляют связь с народом, эта интеллигенция оказалась один на один с всемирно историческими и национальными ценностями культуры.

Собрав эти ценности в своем сознании, интеллигенция не могла передать их тому, кто в них всегда кровно нуждается — народу: надо было очень многое в России революционно взламывать и переделывать, чтобы передать их обновленному народу. Надо было, чтобы интеллигенция не страшилась ломать прежде всего свои общественные отношения, потребности — узкие, «касто-

вые». Мировая народная культура, величественная и неисчерпаемая, не могла быть увязана с реальными общественными отношениями и потребностями оторвавшейся от народа интеллигенции и поэтому существовала в духовном облике интеллигентов как бы рядом с подлинно живой, действительно воплощающейся в реальную жизнь частью сознания. Существовала лишь в обостренной языковой форме, замурованная под гнетом реально-практических, нередко самых заурядных и даже бытовых потребностей и общественных отношений антагонистического общества.

Если личное сознание «оторванных» от народа интеллигентов проанализировать средствами марксистской философии, то неизбежно обнажается его сущностная глубокая дисгармоничность. (Острая внутриличностная конфликтность убедительно показывает, какой могучий заряд гуманизма и способностей к духовному творчеству дает подлинная мировая и национальная духовная культура, если она становится внутренней частью индивидуального сознания личности). В эпоху, казалось бы, безнадежного социального загнивания, разгула всевозможного социального мошенничества, в эпоху продажи и низкопробного карьеризма такая интеллигенция выступает надежной социальной силой, помогающей народу на будущие времена сохранять необходимые для свободы и прогресса глубокие связи с незыблемыми гуманистическими ценностями всего человечества и с наиболее важными национальными достоинствами страны.

Историческая миссия подлинной интеллигенции бесконечно сложна и тяжела: неизбежны непонимание, враждебность многоликого правого и левого деспотизма и узкого практицизма, о котором выразительно сказал в стихотворном отклике на смерть А. Блока Федор Сологуб:

Элой тоскует о кончине Блока.

За стеной таится, слушает морлок.

Думает: — Жалеют, что издохла клока.

Курицы им жалко, — думает морлок.

Что морлоку скажут наши все мечтанья,

Наших вдохновений пламенный полет?

Все, что выше выгод — выше пониманья,

Курица полезна — яйца несет.

Объяснять морлоку,— это, мол, не клока,
Это наш любимый стихотворец Блок?
Не трудите мозг темного морлока,
Что стихи морлоку? Что морлоку Блок?

(Элой и морлок — существа, описанные в романе Г. Уэллса «Машина времени»; элой — утонченные индивиды, морлоки — грубые потребители. Клока — диалектное название курицы. Это слово подчеркивает тупость морлока: морлок уверенно судит обо всем, но при этом не способен правильно назвать даже курицу).

Применяя терминологию Г. Уэллса, столь значительно и метко метафоризированную Ф. Сологубом, можно сказать, что у морлоков никогда не бывает конфликтов и разладов между той частью их сознания, которая воплощена в их общественных отношениях, и той, которая существует в их языковой форме. Однако для современных морлоков характерно глубокое, постоянное лицемерие: их потребительские и карьеристские вожделения и амбиции всегда «взвешенно», «трезво», «реалистически» заграммированы в словесную риторику о прогрессе, общем благе, равенстве и т. д. Эта словесная риторика, лицемерие морлоков показывают, что их реальное личностное сознание всегда «таится» за стеной их фальшивых фраз, рассчитанных на обман легковых людей.

Одним из важнейших условий ускоренного прогрессивного развития современного социалистического общества является неуклонное усиление, обогащение духовного потенциала общества для совершенствования всех уровней его социальной структуры. Не все духовные ценности социализма должны непременно «соответствовать» уже сложившимся общественным отношениям и воплощаться в них. Необходим и значительный перспективный «задел», готовящий социальный климат для более высокой ступени развития общества. Поэтому необходимо насыщать духовную жизнь социалистического общества вариативными духовными исканиями, которые немыслимы без честного широкого демократического «подключения» к этому процессу всего противоречивого опыта современной духовной культуры всего человечества.

Одно из неизбежных и пагубных усилий в деятельности «морлоков» направлено на обеднение, оказыва-

ние и бюрократизацию духовной жизни людей. Поэтому следует всегда учитывать, что обогащение социалистической духовной культуры неизбежно вовлекает рабочий класс, крестьянство и социалистическую интеллигенцию в постоянную борьбу с влиятельными «морлоками». XXVII съезд КПСС подчеркнул необходимость качественного улучшения уровня духовной жизни социалистического общества, необходимость усиления в исследованиях социальных процессов социализма присущей марксизму революционной смелости и правдивости²⁶.

Из всего сказанного видно, что существование сознания людей в двух материальных формах — в форме языка и в форме реальных общественных отношений — является общей закономерностью социального процесса, и изучение сложных, динамических связей между этими способами существования сознания дает глубокие, научные знания о специфике социального функционирования идей, теорий, настроений, о **социальном** использовании идей и представлений в жизни классов и индивидов.

Проникновение в свойства, в «раздвоение», структуру сознания личности явилось гениальным проявлением силы диалектико-материалистического метода К. Маркса и Ф. Энгельса.

«В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»²⁷.

Научное исследование двух материальных способов существования сознания в обществе и в структуре отдельной личности позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу подвергнуть сокрушительной революционной критике буржуазное сознание и буржуазную философию. «Весь этот отрыв сознания от образующих его основу индивидов и их действительных отношений... — все это лишь старая философская придурь»²⁸.

Буржуазная идеология никогда не испытывала потребности в глубоком научном исследовании и разграничении двух качественно разных материальных способов функционирования сознания. Социальные антагонизмы подсказывают буржуазным идеологам, что очень опасно глубоко исследовать жгучий вопрос о степени жизненности тех высоких гуманистических идей, которые украшают идеологический фасад буржуазного мира.

«Когда, таким образом, совершенно оставляют в стороне основу этих мыслей — индивидов и историческую обстановку, — то можно, например, сказать, что в период господства аристократии господствовали понятия честь, верность и т. д., а в период господства буржуазии — понятия: свобода, равенство и т. д. В общем, сам господствующий класс создает себе подобные иллюзии»²⁹.

К. Маркс и Ф. Энгельс установили, что господствующее сознание любого антагонистического общества глубоко и навсегда поражено отвратительнейшим лицемерием. Действительные мотивы поступков господствующего класса спрятаны за шелухой бесконечных разглагольствований о свободе, равенстве, всеобщем благе, великом будущем и т. п. Жертвой этой идеологической фальсификации становятся прежде всего люди, владеющие более «авторитетной» собственностью, чем рабочая сила труженика. Но поскольку в антагонистическом обществе лицемерные мысли правящего класса навязываются всем, то круг людей, которые предаются своим мелким делишкам и великим иллюзиям, гораздо шире, чем правящий класс.

К. Маркс и Ф. Энгельс тщательно изучили содержание и социальное назначение буржуазной идеологии и показали, что эта идеология существенно отличается от той части сознания, которая функционирует внутри материальных общественных отношений.

Изучение иллюзорно-идеологического общественного сознания дало К. Марксу и Ф. Энгельсу возможность «выяснить, «что люди воображают...»³⁰ Изучение материально-чувственной деятельности индивидов и материальных условий их жизни позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу научно установить, «что они есть в действительности»³¹. Сравнение и научный анализ этих двух результатов в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса

вылились в сокрушительную критику буржуазного общества и буржуазного сознания.

В живом сознании общества, которое функционирует в общественных отношениях, «для людей ни бог, ни его предикаты никогда не были главными...»³² В идеологии же, напротив, чаще всего объявлялось и принималось за истину, что «субстанция» существующего мира «есть не что иное, как предикаты бога, соединенные под одним именем...»³³ В жизни «нам удастся довести до совершенства практический эгоизм именно тем, что мы отрекаемся от фразеологии эгоизма...»³⁴, а «немецкая философия вследствие того, что единственной исходной точкой она считала сознание, неизбежно должна была завершиться моральной философией, где различные герои ломают копья из-за истинной морали»³⁵. В жизни «исходной точкой для индивидов всегда служили они сами...»³⁶ Идеология оторвала мысли людей от них самих и поэтому «стало возможным объявить людей простыми сосудами этих мыслей, и таким образом, например, из буржуа был создан святой либерал»³⁷.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что буржуазная идеология замалчивает подлинно реальное живое сознание буржуазного общества как слишком грязное, слишком обезображенное антагонизмами. Оно в значительной мере является непосредственным воплощением антагонизмов и устремлено на сохранение угнетения, эксплуатации, классового притеснения. Поэтому его глубокие, жизненные слои одни идеологи не хотят показать, другие не способны это сделать. О нем стараются «забыть» даже те индивиды, которые руководствуются им. Тем более непозволительно его официально демонстрировать перед угнетенными классами. Значит, антагонистическому обществу нужна идеология — «прикрашивание существующих отношений, капля целительного бальзама для бедной, бессильной души, погруженной в убожество окружающего»³⁸.

Вместо того чтобы просвещать стихийно возникающее сознание людей, буржуазная идеология его фальсифицирует, подхватывает иллюзорный момент стихийно возникающего сознания, рекламирует его и, напротив, замалчивает те моменты стихийного сознания, которые сталкиваются с классовыми иллюзиями, накапливают в себе объективную истину и стремление тружеников к свободе и классовой солидарности.

Буржуазная идеология «принимает лицемерные фразы людей, равно как и их иллюзии, за действительные мотивы их поступков»³⁹.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что буржуазная идеология фальсифицирует общественную жизнь не только потому, что приемы мышления содержат в себе методологические изъяны. Напротив, изъяны не исправляются, так как у идеологов есть на это практические основания.

«Предикаты бога... представляют собой опять-таки не что иное, как заоблачные названия представлений людей о своих определенных эмпирических отношениях,— представлений, за которые они лицемерно впоследствии цепляются в силу практических оснований»⁴⁰.

К. Маркс и Ф. Энгельс выяснили, где находят прямое социальное применение буржуазные идеи. «Против индивидов угнетенного класса господствующий класс выдвигает их в качестве жизненной нормы, отчасти как прикрашивание или осознание своего господства, отчасти же как моральное средство этого господства»⁴¹.

Резкая критика К. Марксом и Ф. Энгельсом буржуазной идеологии не имеет ничего общего с нигилистическим отношением к рациональному содержанию духовной культуры антагонистического общества. К. Маркс и Ф. Энгельс бережно учитывали все рациональное, что было достигнуто до них в области философской, экономической, исторической, художественной мысли. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс высоко оценил «Феноменологию духа» Гегеля и в то же время отметил ее односторонность и ограниченность⁴².

Высокая и в то же время критическая оценка творчества Гегеля основоположниками марксизма является характерной для их отношения ко всей предшествующей общественной мысли. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что, несмотря на идеологические устремления господствующего класса, пытающегося подчинить своей власти всю духовную жизнь общества, в общественном сознании крепнет такое содержание, в котором адекватно отражается борьба классов. Лучшее свидетельство этого прогрессивного процесса — возникновение, развитие и практическое применение научного мировоззрения, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Глава четвертая

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Учение о человеке К. Маркса и Ф. Энгельса включает широкий круг сложных теоретических проблем, объединенных в единую, цельную концепцию, для которой характерны жизненная реалистичность, глубина, оригинальность и высокая философская культура исследования.

Для правильного понимания учения о человеке К. Маркса и Ф. Энгельса необходимо постоянно учитывать следующую его особенность: это учение не сконцентрировано в «чистом виде» в отдельном философском произведении. Основоположники марксизма не создавали произведений, которые раскрывали бы и исследовали только одну проблему — проблему человека. Изучение человека осуществлено К. Марксом и Ф. Энгельсом одновременно с исследованием огромного множества других крупных социальных проблем общественной жизни.

Аналогично известному высказыванию В. И. Ленина о своеобразии диалектики в «Капитале» К. Маркса, мы вполне можем сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс, глубоко исследуя проблему человека, не оставили нам, к сожалению, особого «Трактата о человеке». Но они разработали глубочайшее философское учение, где в единстве с другими проблемами по-новому раскрывается сложнейшая социальная природа человека и одновременно демонстрируется исследовательское искусство применения знаний о человеке для диалектико-материалистического изучения самых различных социальных проблем.

Это не только текстуальная, но и важная концептуальная особенность учения о человеке К. Маркса и Ф. Энгельса. В этой особенности ярко проявилось понимание человека как своеобразной совокупности всех общественных отношений. Однако следует иметь в виду,

что органическое слияние концепции человека со всеми другими проблемами социальной жизни, будучи достоинством, источником человековедческого реализма, проявлением подлинно всестороннего понимания проблемы человека, в то же время требует от исследователя огромных высококвалифицированных усилий, направленных на действительно обоснованное, корректное теоретическое сведение в единую цельную концепцию всех идей, штрихов и интонаций, которые содержатся в многочисленных отдельных высказываниях в разных контекстах и в разных сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса.

В течение полувека основоположники марксизма развивали, конкретизировали и активно привлекали учение о человеке для материалистического исследования социальных процессов, для защиты революционных устремлений рабочего класса.

После короткого интенсивного периода творческого становления К. Маркс и Ф. Энгельс решительно и энергично развивают зрелое диалектико-материалистическое учение о человеке. Уже в работах «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса обоснованы глубокие и оригинальные идеи, которые навсегда останутся основой марксистской концепции человека. На разных этапах своей творческой деятельности К. Маркс и Ф. Энгельс акцентировали то одни, то другие стороны многогранной проблемы человека. Поэтому при изучении марксовской концепции человека явственно намечается, по меньшей мере, четыре периода заметного творческого обогащения этой концепции. Прежде всего ярко выделяется период 40-х гг., начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса. Это был период первоначального обоснования фундаментальных зрелых идей марксистской концепции человека.

Все работы этого периода внутренне связаны единым творческим устремлением, особенностями теоретических конструкций, стилем, специфическим кругом философских идей, характером взаимосвязи выявляемых в этих работах концептуальных представлений о человеке.

Заметим в связи с этим, что попытка Л. Сэва в работе «Марксизм и теория личности» противопоставить

учение о человеке, содержащееся в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, учению о человеке, разрабатываемому К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», явно не соответствует высокой теоретической и политической зрелости идей и аргументов «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Л. Сэв необоснованно принижает эту диалектико-материалистическую работу К. Маркса. Попытка Л. Сэва поставить учение о человеке, содержащееся в этой замечательной работе, за пределы зрелого марксизма может только обеднить марксистскую философию, существенно снизить ее исследовательский потенциал и отнять у марксистов актуальную возможность обрушить на буржуазную философию и буржуазную идеологию содержащиеся в «Рукописях...» могучие аргументы К. Маркса, обнажающие глубокие язвы капиталистического общества, ограниченность и консерватизм буржуазной философии и политэкономии.

Выдающееся значение «Экономическо-философских рукописей 1844 года» состоит в том, что в них четко намечены и в общих чертах обоснованы те главные марксистские принципы изучения человека и та философская теория личности, которые в дальнейших работах К. Маркса и Ф. Энгельса конкретизированы, раскрыты, доказаны, более всесторонне и блестяще применены при диалектико-материалистическом анализе социальных процессов.

С особой силой и особым пафосом на этом этапе развития теории человека К. Маркс и Ф. Энгельс стремились воспроизвести, отразить в теории, не растерять в понятийных образах реальную глубочайшую полноту, реальную живую противоречивость и реальную теснейшую взаимосвязь всех сторон социального процесса и всех свойств человека. Каждая из глубочайших объективных истин, раскрывающая общественную сущность человека, обоснована не только смыслом раскрытого собственного содержания, но и выявлением ее достоверных связей со всеми существенными чертами противоречивого социального процесса.

Диалектико-материалистический монизм в понимании человека, его сущности и связей в обществе К. Маркс и Ф. Энгельс воплотили в 40-х гг. XIX в. в плодотворный многоаспектный методологический принцип исследования человека — принцип диалектического

единства общественных отношений и человека. Важно учитывать, что теоретические представления о человеке как существе социальном, которое формируется в обществе, в общении, в социальной деятельности,— эти мысли с древнейших времен являются очевидной аксиомой, и их никто из мыслителей никогда не оспаривал, напротив, многие из них глубоко и тонко раскрывали различные аспекты этой социальности, особенно в сфере духовной жизни человека. Однако в домарксистской философии были недостаточными конкретная глубина и всесторонность теоретического постижения действительной социальной природы человека, глубина изучения реальных закономерностей развития человека, его основных индивидуальных свойств.

Прокладывая новые, диалектико-материалистические пути в философском исследовании проблемы человека, К. Маркс и Ф. Энгельс придавали огромное значение характеру метода исследования. Воплощением их новаторства стал разработанный ими принцип диалектического единства общественных отношений и человека. Как уже отмечалось, этот принцип имеет множество аспектов, из которых в нашей книге охарактеризованы наиболее важные: о содержании общественных отношений. Исследуя эту сложную проблему, К. Маркс и Ф. Энгельс решительно выступили против отрыва общественных отношений от индивидуальной жизнедеятельности людей, характерного для учений многих мыслителей при философском и особенно политэкономическом изучении человека и общественных отношений. К. Маркс и Ф. Энгельс решительно выступили против любой формы гипостазирования общественных отношений в самостоятельную реальность, существующую частично или целиком наряду, «вне» или «над» индивидуальной жизнедеятельностью людей. Смелость и оригинальность философии К. Маркса и Ф. Энгельса проявились в решительном обосновании необходимости и обязательности, при подлинно научном исследовании общественных отношений, понимать всю многообразную индивидуальную жизнедеятельность каждого человека и всех людей как собственное фундаментальное содержание общественных отношений, входящее в общественные отношения полностью, со всеми индивидуальными оттенками и своеобразием. Эта чрезвычайно важная и продуктивная идея К. Маркса и Ф. Энгельса не полностью освоена

современным марксизмом: мы еще и в 80-х гг. XX в. не полностью научились в наших теоретических исследованиях применять марксово исследовательское искусство понимания индивидуальной жизни всех людей данного общества в качестве фундаментального содержания общественных отношений.

Включение всего содержания индивидуальной жизнедеятельности всех людей в общественные отношения надежно ориентировало К. Маркса и Ф. Энгельса на внимательное и всестороннее изучение поведения живых людей как реального способа бытия общественных отношений. К. Маркс и Ф. Энгельс анализировали возникающие во всех сферах индивидуальной жизни большие и малые проблемы, сопоставляя поведение людей и их намерения, ожидания и результаты поступков и т. п. И вся эта информация, добытая тщательным исследованием, в полной мере использовалась для реалистического, научного анализа общественных отношений.

Методологический принцип единства общественных отношений и человека содержит обширный круг проблем, исследование которых подчинено выяснению глубины проникновения общественных отношений во все индивидуальные свойства человека, выяснению степени существенности многообразных социальных воздействий на индивидуальные качества человека. К. Маркс и Ф. Энгельс пошли новыми творческими путями, которые качественно отличают марксистское учение о человеке и от гегелевской, и от фейербаховской, и от любой иной концепции человека.

Следует отметить, что этот аспект учения о человеке имеет огромное методологическое и идеологическое значение. Гуманистические устремления К. Маркса и Ф. Энгельса к революционному разрушению буржуазного строя и к построению социализма и коммунизма наталкиваются на устойчивые и широко распространенные во всех социальных слоях буржуазного общества натуралистические представления о некой природе человека. То, что в действительности выступает пестрым клубком «кажимостей», воспринимается многими мыслителями в качестве важной, очевидной истины, освященной к тому же просветительскими авторитетами: человек обладает-де некими основными, вечными социальными свойствами. Вера в эти предполагаемые вечные свойства удобна для буржуазной идеологии: ссылками

на одни ее качества можно обосновывать и защищать буржуазное общество, а ссылаясь на другие — снимать с этого общества ответственность за индивидуальные трагедии людей, возлагая прямую вину общества только на особенности самих людей.

А с другой стороны, натуралистические представления о природе отдельного человека широко используются для идеологической дискредитации социалистических и коммунистических учений. Противники коммунизма всегда активно выдвигали возражения, апеллирующие к «естественным», «вечным» свойствам отдельного человека. Буржуазная идеология пытается доказать, что любая теория социализма и коммунизма, в том числе и марксистская, является утопической, потому что якобы несовместима с коренными вечными свойствами человека.

Чтобы обоснованно отклонить претензии буржуазной идеологии на роль научно аргументированной критики коммунизма, а главное для того чтобы сделать глубже, богаче, крепче собственное представление о реальных социальных процессах, К. Маркс и Ф. Энгельс внимательно изучали проблему: являются ли общественные отношения для индивидуального мира человека чем-то внешним, хотя и необходимым, или же они органически имманентно входят во внутреннюю структуру его индивидуальности, образуя и формируя внутренний мир реального, живого индивида.

На первый взгляд, может действительно показаться, что человек в общественных отношениях лишь проявляет свою особую индивидуальную «самость», якобы возникающую и существующую как нечто параллельное с общественными отношениями. Может показаться, что человек лишь находит общественные отношения в качестве необходимых внешних условий для реализации «противоположного» этим условиям индивидуального мира человека.

Однако, вопреки этой широко распространенной видимости, К. Маркс и Ф. Энгельс, преодолев иллюзорные впечатления обыденного сознания и узкий кругозор предшествовавших идеалистических и натуралистических учений, пришли к крупнейшему и поистине гениальному открытию: общественные отношения органически и многообразно входят в состав всех качественно своеобразных свойств внутренней структуры индивиду-

ального облика человека, формируют все своеобразие и противоречивое содержание индивидуального облика на основе антропологических сил и влечений.

Эта новаторская мысль К. Маркса и Ф. Энгельса, возможно, воспринимается трудно: нелегко избежать своеобразного упрощения при усвоении идеи о том, что общественные отношения безгранично глубоко имманентны отдельному человеку. При изучении философских представлений К. Маркса и Ф. Энгельса об индивидуальных потребностях человека и социальной природе индивидуального сознания это важное теоретическое положение необходимо было конкретизировать и доказательно разъяснить. В справедливости этой стороны методологического принципа К. Маркса и Ф. Энгельса убеждает внимательное изучение жизненного положения любого из индивидов. Человек включен в определенную социальную структуру, в объективные общественные отношения. Эти отношения существуют как отношения многих людей данного общества, и поэтому отдельный человек, заботящийся об удовлетворении своих потребностей, индивидуально видоизменяет общественные отношения, формируя и объединяя с ними свои потребности. Для отдельного человека необходимость объединять общественные отношения со своей собственной развивающейся индивидуальностью является повседневной практической заботой, вытекающей из самого существа человеческой жизни.

Как уже было показано ранее, человек в процессе своей жизнедеятельности постоянно овладевает общественными отношениями, наполняет определенный участок общественных отношений своим индивидуальным содержанием. Это наполнение общественных отношений потребностями, устремлениями человека и есть деятельное включение общественных отношений во внутреннюю структуру индивидуального бытия человека. Человек своей деятельностью превращает «близлежащие» социальные отношения в форму своего индивидуального развития, активно придает этим отношениям неповторимое своеобразие. Таким образом, все индивидуальные свойства человека, от обычных и повседневных до утонченных и интимнейших, постоянно пребывают в многообразной совокупности общественных отношений.

«Условия, при которых происходит общение индиви-

дов... представляют собой условия, относящиеся к их индивидуальности, и не являются чем-то внешним для них...»¹

Органическое слияние общественных отношений со всеми возникающими у человека потребностями — это важный момент глубокого единства общественных отношений и индивидуальных свойств человека. И очень важно уметь действительно полновесно учитывать эту сторону марксовой идеи: все устремления, все потребности человека, какими бы «спрятанными» в интимный мир, какими бы удаленными от публичной стороны общественных отношений они ни были,— все они представляют собой своеобразную, причем подлинно фундаментальную форму существования общественных отношений (подробнее это было показано во всех главах работы).

«Мое собственное бытие есть общественная деятельность...»²

Следует отметить, что современная марксистская философия еще не вобрала в себя в полной мере обсуждаемую здесь глубокую, плодотворную и последовательную идею К. Маркса о всей индивидуальной жизни как способе бытия общественных отношений. Одна из причин нашего «отставания» от методологии К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в том, что при последовательно проведенном осмыслении всей индивидуальной жизнедеятельности как одного из фундаментальных и очень своеобразных способов бытия общественных отношений возникает сложная и крупная проблема, которая, несмотря на то, что она является важнейшей частью марксистского учения о человеке и решена К. Марксом и Ф. Энгельсом гениально, новаторски,— еще недостаточно обсуждена и выявлена. Речь идет о социальной телесно-чувственной жизни человека, о необходимости признания ее, в полном соответствии с учением К. Маркса и Ф. Энгельса о человеке, частью, важнейшим аспектом общественных отношений.

К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что телесно-чувственная жизнь человека сформирована совокупностью общественных отношений и глубоко, имманентно объединилась с определенными общественными отношениями, поэтому при теоретическом анализе проблемы человека необходимо осознать и раскрыть телесно-чувственную жизнь как часть социального содержания общественных

отношений. При изучении К. Марксом и Ф. Энгельсом потребностей человека эта важная идея была доказана и разъяснена особенно убедительно. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диалектическом единстве общественных отношений и индивидуальной жизни человека становится особенно эффективным для получения глубоких философских знаний о человеке и обществе, когда все его аспекты рассматриваются в широком социально-экономическом контексте и ставится задача, с одной стороны, определить меру обусловленности всех видов индивидуальной жизни уровнем развития средств производства, а с другой — выяснить прямую и глубокую зависимость всех видов индивидуальной жизни от особенностей политического строя, от функционирования различных идеологических версий и от методов и форм управления социальными процессами в обществе. Сопоставление силы воздействия и своеобразия этих двух моментов, формирующих индивидуальную жизнь людей, является основой обнаружения и глубокого анализа назревших социальных проблем в обществе. Такой анализ обнажает устаревшие экономические, политические и идеологические отношения в обществе, позволяет осознать объективные и субъективные реальные возможности социального прогресса.

Исследовательские и идеологические возможности марксистских методологических принципов огромны. Марксизм может превосходить любое из современных буржуазных философских учений, ставящих себе в заслугу внимательное отношение к индивидуальному бытию человека. Марксистская концепция человека содержит мощные теоретические средства бережного и всестороннего изучения индивидуальной жизни человека и смело включает это индивидуальное содержание в объективные, масштабные процессы и закономерности, придающие индивидуальной жизни подлинно исторический смысл, широкое общественное звучание.

Человек предстает в концепции К. Маркса и Ф. Энгельса как подлинный созидатель всех социальных феноменов, субстанциальных исторических атрибутов, а история представляется как самосозидание человека в процессе социального общения, деятельности. Благодаря этому все отношения в обществе предстали как объективно обусловленная уровнем развития и характером производительных сил и производственных отно-

шений сложная, напряженная, противоречивая, неисчерпаемо глубокая индивидуальная жизнь реальных людей. Заслуга К. Маркса в том, что он смог поднять на такую гуманистическую высоту ценность индивидуальной жизни.

Правда, необходимо признать, что, хотя современная марксистская философия достигла значительных успехов в использовании теоретического наследия классиков марксизма, в изучении современной эпохи и в критике буржуазной философии, она еще очень далека от марковского умения полностью и органически включать в содержание общественных отношений все богатство разнообразной индивидуальной жизни реальных людей.

Почему так получается? Главные причины, мешающие в настоящее время использовать огромные методологические возможности теории человека для изучения общественных отношений, кроются в смысловом расхождении богатых плодотворных методологических возможностей теории человека К. Маркса и Ф. Энгельса с теми методологическими допущениями, которые стихийно возникли и укоренились в настоящее время в современной марксистской литературе.

Поясним это. Среди важных методологических допущений, которые распространены в современной марксистской философии, имеются два, правомерность и полезность которых весьма сомнительна. Это, во-первых, по преимуществу, безличная и надличная трактовка общественных отношений, доходящая нередко до такого их мистифицированного истолкования, при котором общественные отношения предстают как некая субстанция, существующая вне многообразной личностной индивидуальной жизни людей.

И второе методологическое допущение, являющееся ослабленным вариантом первого, — это укоренившаяся теоретическая привычка разделять отношения реальных людей в обществе на два вида — на общественные и на какие-то еще, якобы не общественные, которые называют то личными, то индивидуальными.

Возникли эти методологические допущения на уровне предельно упрощенного, предельно популярного изложения марксистской теории, на элементарном дидактическом, а не на исследовательском уровне, но из этого популяризаторского уровня они проникли в монографическую литературу, потеснив и заслонив те мощные и

глубокие диалектические идеи о единстве человека и общественных отношений, которые концентрируют в себе глубочайшую суть социологической диалектики К. Маркса и Ф. Энгельса.

Названные упрощенческие методологические допущения кажутся, может быть, терпимыми в пропагандистской литературе, но они создают много серьезных помех при подлинно научном, глубоком изучении общественной жизни, и, как показывает опыт, ведут, во-первых, к отрыву теории от практики, во-вторых, к отрыву современной марксистской теории от тех актуальных глубоких философских идей классиков марксизма, которые исследованы в этой книге.

Упрощенческими методологическими допущениями деформируется подлинная марксистская теория человека, редуцируются ее методологические возможности, заметно обедняется диалектический метод анализа общественных отношений, а информативная ценность исследований становится нередко настолько низкой, что с результатами «солидного» современного исследования, облаченного в философскую, и притом диалектическую, форму, успешно конкурирует социальная информация так называемого «здорового смысла».

Очень многие явления, особенно из реальной жизни социалистического общества, которые, вне всякого сомнения, К. Маркс внимательно учел бы и исследовал как существенную сторону реальных общественных отношений, современные исследования, разросшиеся на основе отмеченных двух поверхностных методологических допущений, не отражают и не способны отразить, потому что слишком много ценной необходимой информации о человеке и обществе они теряют в процессе идеологических обобщений, расточительно отбрасывая за пределы теории ту огромную часть индивидуальной жизни, которая с позиции этих двух допущений неизбежно представляется не характерной, не типичной и т. д.

Вопреки методологическим выводам К. Маркса и Ф. Энгельса, ратовавших за включение всего многообразия индивидуальной жизни всех людей в содержание общественных отношений (вспомним, например, знаменитую методологическую критику К. Марксом и Ф. Энгельсом гегелевского принципа «выборочного» включения лишь некоторых сторон индивидуальной жизни в общественные отношения), в настоящее время наша теория

не научилась включать все стороны индивидуальной жизни в общественные отношения. И это несмотря на то, что перед нами всегда драгоценный практический опыт — пример К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, наглядно показавших в своих работах, как это можно и нужно делать.

Ослабление диалектико-материалистического монизма при изучении общественных отношений и индивидуальной жизни людей нередко приводит к исследовательскому произволу: из сложного и противоречивого реального содержания общественных отношений идеологически отбирается (при их теоретическом изображении) только то, что приемлемо для сложившихся идеологических штампов. Ясно, что такой произвол ведет к отрыву от подлинного философского и подлинно научного изучения реальных общественных отношений. При этом значительно снижается научный престиж и мировоззренческое воздействие марксистской философии на сознание людей, ослабляются ее творческие, революционные функции.

Марксистская теория, особенно на современном этапе острой идеологической борьбы с буржуазной идеологией, в условиях совершенствования реального социализма должна при изучении общественных отношений показать реальное бытие реальных людей в реальных общественных отношениях с такой силой, чтобы даже личность, которая на первый взгляд казалась малозначащей, предстала бы как крупнейшая философская проблема современности.

Сочинения классиков марксизма содержат ценнейший материал и поистине животворные идеи, позволяющие качественно улучшить современную марксистскую концепцию общественных отношений. И прежде всего необходимо научиться включать в общественные отношения всю индивидуальную жизнь всех людей данного общества и глубоко, всесторонне философски осмыслить ее.

Марксистско-ленинская философия при таком исследовании обогащается не просто новой информацией, она обогащается целым рядом новых крупных проблем, укрепляющих ее теоретическую мощь и кровную связь с жизнью. Здесь опять можно назвать как одну из многих проблем, содержащихся в теоретических глубинах произведений классиков, проблему формирования и развития социальной телесно-чувственной индивидуальной

жизни людей. Эта проблема является важнейшей частью марксистского учения о социальной природе человека. Она перерастает в исследование важнейшего аспекта общественных отношений.

Несмотря на методологическую важность этой проблемы, она пока не получила должной исследовательской нагрузки и в настоящее время еще нуждается в дифинитивных пояснениях. Кратко можно так передать смысл этой глубокой философской категории, разработанной К. Марксом. Телесно-чувственная жизнь — это очень сложное многогранное социальное явление, фундаментальная сторона и индивидуальной жизни, и всех общественных отношений. Она существует прежде всего как процесс и результат воздействия на людей производственных отношений, является социально-материальным воплощением в их живом телесно-чувственном индивидуальном бытии условий и содержания их труда, потребления, быта, общения. При изучении производственных отношений необходимо в них учитывать и внимательно раскрывать в соответствующих теоретических понятиях не один, как это делается сейчас, а два существенных аспекта: экономический и телесно-чувственный. Как в самой жизни телесно-чувственная жизнедеятельность внутренне связана со всеми сторонами жизни человека и качественно меняется в зависимости от условий жизни, так и в философии К. Маркса она в многообразных видах и «ликах» включена в теорию (или намечено ее включение) при трактовке всех крупных проблем.

У К. Маркса есть целая группа сложных и емких категорий для анализа телесно-чувственной жизни: социальные телесно-чувственные потребности, характер их развития и удовлетворения, характер их разрушения, характер их участия в развитии личности, телесно-чувственная жизнь, являющаяся средством (в отличие от потребностей), и т. д.

При этом важно иметь в виду, что телесно-чувственную жизнедеятельность людей нужно трактовать не как особый вид отношений, существующий будто бы наряду с другими общественными отношениями, — такая трактовка грешила бы недооценкой подлинно социального характера телесно-чувственной жизни. Телесно-чувственная жизнь — это существенный внутренний аспект, момент всех общественных, и особенно производственных отношений.

Проблема телесно-чувственной жизни здесь названа в качестве примера как одна из крупных проблем. Она вырастает на основе методологической продуктивности марксовой теории человека, на диалектическом стыке двух ключевых явлений: «человек» и «общественные отношения». В действительности же таких проблем много, и все они усиливают и приумножают теоретическую мощь и идеологическую актуальность современной марксистско-ленинской философии.

В настоящее время для многих специалистов уже ясны и очевидны выдающиеся методологические достоинства диалектико-материалистического принципа — единства общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности человека.

Методологические ресурсы этого принципа значительны даже при изучении, казалось бы, давно доказанных хрестоматийных положений исторического материализма, таких, например, как закон об определяющей роли способа производства в общественной жизни. Через раскрытие всей индивидуальной жизни людей, в том числе через раскрытие социальной телесно-чувственной жизни как содержания общественных отношений, как важнейшего социального момента процессов производства, распределения, потребления, появляется возможность глубже, разностороннее выявить и подчеркнуть ведущую основополагающую роль способа производства, доказать, что воздействие способа производства на человека так глубоко и тотально, что вся его жизнедеятельность, в том числе его телесно-чувственная жизнь — производна в конечном счете от способа производства. Вместе с тем этот диалектико-материалистический принцип помогает осознать глубокое качественное отличие научной марксистской концепции социальной телесной чувственности человека от любой натуралистической антропологической концепции телесной чувственности человека.

Диалектико-материалистический подход к проблеме человека позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу включить в философскую концепцию все моменты социального бытия человека. Общество как сложный, насыщенный самой разнообразной, и прежде всего трудовой деятельностью, социальный мир человека предстало в теории К. Маркса и Ф. Энгельса как субстанциальное проявление и как сфера активного развития всех свойств человека. К. Маркс и Ф. Энгельс в социальных отношениях чело-

века выделили и глубоко проанализировали три вида своеобразных, глубоко связанных между собой отношений человека: практические, познавательные и духовно-практические (идеологические) отношения. В этих отношениях ярко проявляется деятельная творческая сущность человека. Практическое преобразование в общественной практике всех социальных отношений и индивидуального облика человека характеризует человека как деятельного творца, изменяющего природный и социальный мир в соответствии с любыми, в том числе и универсальными целями, как создателя сложнейших разнообразных материальных и духовных ценностей и ситуаций.

В то же время К. Маркс и Ф. Энгельс энергично и всесторонне подчеркнули глубокую объективно обусловленную противоречивость социального мира и общественных отношений. И в практических, и в познавательных, и в ценностных отношениях, вследствие их ограниченности, социальной неоднородности, антагонистичности, закрепляются социальное зверство, догматизм, фанатизм и т. п.

Классовая борьба пронизывает все стороны жизни и принимает самые зловещие формы. Человек активно проявляет себя как изобретательный и неистощимый творец самых чудовищных форм социального зла.

Следует отметить, что исследование отмеченных субстанциальных проявлений общественной сущности человека лишь тогда становится важнейшим аспектом проблемы человека, когда теоретически закрепляется в нерасторжимом единстве с философскими представлениями о реальном, живом, единичном общественном человеке.

К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили глубокий и оригинальный анализ свойств и социального своеобразия индивидуального человека, и этот анализ превратил социальное предметное бытие в раскрытую книгу человеческих сущностных сил.

Изучение реального живого человека охватывает большой круг сложных проблем и, прежде всего, изучение социальных закономерностей индивидуальных потребностей человека. Не случайно именно индивидуальные потребности человека привлекли самое пристальное внимание К. Маркса и Ф. Энгельса: в потребностях реального человека и прямо, и опосредованно сходится в сложном социальном феномене все фундаментальное: и

материально-предметная деятельность человека, и богатейшая объективная связь личного, индивидуального с общественным, и глубочайшее противоречивое взаимопроникновение биологического и социального, и конкретно-историческая взаимосвязь общечеловеческого и классового, и т. д.

Творческое исследование индивидуальных потребностей живого, телесного, социально сформированного человека — яркая, оригинальная, очень глубокая сторона учения о человеке К. Маркса и Ф. Энгельса. Следует отметить, что это важнейшее звено проблемы человека не получило в современных работах того могучего методологического звучания, которое оно имеет в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Изучение индивидуальных потребностей показало, что они являются социальным ядром человека. В них интегрируются все основные индивидуальные свойства человека. В них воплощено, с одной стороны, своеобразие его социальной телесно-чувственной жизни, а с другой — в индивидуальных потребностях, их содержании, характере и способе их удовлетворения достоверно проявляются основные закономерности, противоречия эпохи и данного общественного строя.

Многие важные идеи материалистического понимания общества были бы необоснованными и обедненными без изучения индивидуальных потребностей.

Изучение потребностей К. Марксом и Ф. Энгельсом, как известно, происходило в обстановке идейной борьбы, с одной стороны, против гегельянских (как правило, в их эпигонской форме) взглядов на индивидуальность человека, а с другой — 40-е гг. были периодом плодотворного критического изучения антропологической философии Л. Фейербаха. К. Маркс и Ф. Энгельс, как это видно из работ 40-х гг., убежденно считали, что все индивидуальные потребности следует понимать как продукт социальной истории, как продукт обработки людей людьми в процессе воспитания, труда, распределения, потребления. Эта мысль не только сформулирована четко и многогранно К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», но и, как это видно из контекста, она радует, воодушевляет К. Маркса как опровержение натуралистических взглядов на человека.

По нашему убеждению, нельзя согласиться с мнением, считающим, что в «Экономическо-философских ру-

копиях 1844 года» «понимание человека Марксом еще не порывает окончательно с антропологизмом и традициями просветительского учения о человеческой сущности как изначально данной во всей своей определенности, но деформируемой неистинным устройством общественной жизни. Лишь отказ от универсализации категории отчуждения (что не означает отказа от нее вообще) положит конец этой «эссенциалистской» тенденции и позволит понять сущность человека не как нечто уже заданное, предшествующее истории, а как совокупность исторически изменяющихся общечеловеческих отношений. Это и совершил впоследствии зрелый Маркс»³.

Заметим, что весьма произвольно звучит здесь трактовка антропологизма и просветительства. Под такую трактовку нельзя подвести без грубого искажения ни учение Фейербаха, ни учение просветителей. Остро назрела необходимость глубже и точнее изучать немарксистскую философию.

Утверждение о том, что пониманию К. Марксом человека как совокупности общественных отношений мешала «универсализация» категории отчуждения, не соответствует сути дела: известно, что К. Маркс как раз не универсализирует в «Рукописях...» отчуждение, а исходит из того, что отчуждение исторично, характерно для общества частной собственности и исчезает при коммунизме.

Во-вторых, именно с помощью этого понятия (но не только этого) К. Маркс в «Рукописях...» материалистически раскрывает реальные противоречия конкретно-исторической совокупности общественных отношений, формирующих индивидуальные качества человека.

Нельзя согласиться с утверждением, что Маркс будто бы «впоследствии» положит конец «эссенциалистской тенденции». Эссенциалистская тенденция «Рукописей...» является ценнейшей стороной глубокого теоретического произведения, и в дальнейшем К. Маркс не только не отказался от нее, но стал блестящим мастером исследовательского воплощения этой тенденции. Весь «Капитал» насыщен «эссенциалистской тенденцией», и это только усиливает его аргументацию и значение. К. Маркс включает в преобразованном виде в диалектико-материалистическую концепцию человека «эссенциалистскую тенденцию» как один из моментов, существующий в единстве с конкретно-историческим своеобра-

нием человека. Современная марксистская философия только выиграет, только повысит свою научную и идеологическую силу, если в полной мере научится той свободе и разнообразию теоретической формы и слова, которыми так хорошо владел К. Маркс во всех своих произведениях. Эссенциалистская тенденция «Рукописей...» является ценной для борьбы с современными буржуазными философскими течениями, особенно позитивистскими и феноменологическими.

Характерное для «Рукописей...» К. Маркса понимание человека выражено в следующем положении: «Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни»⁴.

Спрашивается, чем эта мысль «Рукописей...» — одна из очень многих почти таких же — отличается от аналогичных высказываний в «Тезисах о Фейербахе», в «Немецкой идеологии»? Мы имеем здесь полное смысловое совпадение. И не случайно некоторые разделы «Манифеста Коммунистической партии», написанного после «Немецкой идеологии», почти буквально совпадают с текстом «Рукописей...».

При исследовании индивидуальной структуры человеческого бытия К. Маркс очень внимательно и с огромным уважением изучал телесность человека, телесные возможности его развития. Иногда эта важная, характерная (и постоянная) черта концепции человека К. Маркса и создает ошибочное мнение о чрезмерной близости к антропологизму. Изучение природного своеобразия и возможностей человеческого тела, возможностей физического развития, возможностей наслаждения человеческой чувственностью, чувственные страдания и телесное отупление рабочих — все это было в центре внимания К. Маркса и Ф. Энгельса в течение всей их творческой деятельности. Это ценная гуманистическая черта марксистского учения.

Характерная особенность учения о человеке в «Рукописях...» К. Маркса как раз противоположна тому, что в них обычно видят: К. Маркс так настойчиво и катего-

рично многократно подчеркивает силу и глубину социального воздействия на телесно-чувственную «природную» стихию индивидуального человека, так энергично подчеркивает изменчивость, податливость, пластичность человеческого тела и в хорошую, и в дурную сторону, что могут показаться преувеличенными изображаемые им масштабы вмешательства социального начала в природно-телесную жизнь человека. Важнейшее теоретическое представление о полном отсутствии у человека врожденной (природной) социальной избирательности — представление, логично вытекающее из марксовского учения о глубоком тотальном вторжении социальности во все биологические проявления жизни, и особенно во все телесные переживания — такое представление, пожалуй, не все современные марксисты готовы принять безоговорочно.

Важнейшим моментом, доказывающим и раскрывающим глубину социального очеловечения природных сил индивидуального человека, является разработанное К. Марксом учение о социальных чувственных потребностях. К. Маркс подчеркивает недопустимость смешения чувственных знаний и чувственно-телесного бытия. Качественное различие между ними: чувственная потребность — это чувственное предметное целенаправленное взаимодействие человеческой телесности с материальными явлениями, с другими людьми. Чувственная потребность — это «господство предметной сущности во мне, чувственная вспышка моей сущностной деятельности»⁵. Эти спонтанно-предметные **«вспышки»** сущностной деятельности охватывают широкий круг индивидуальной жизни и социальной деятельности человека. Они, будучи вспышками чувственности, способом бытия онтологической чувственности, образуют важнейшее социальное содержание целенаправленной деятельности каждого человека и телесно-чувственную основу всей индивидуальной жизни человека.

Существенным моментом теоретических представлений К. Маркса об индивидуальном мире человека является исследованное им раздвоение единой социальной телесной чувственности человека на две взаимосвязанных стороны: на «чувственные потребности»⁶ и на разнообразную чувственность, которая «только средство для удовлетворения всяких других потребностей»⁷. Глубокое исследование каждой из этих сторон человеческой чувст-

венности и их внутренней взаимосвязи позволило К. Марксу вскрыть глубочайшую конфликтность биологического и социального в индивидуальном облике человека классового общества, конфликтность индивидуальной чувственности и беспредельную глубину воздействия социальных обстоятельств на формирование телесно-чувственной жизни.

Частная собственность, классовая борьба глубоко извращают чувственность человека, демонстрируя абсолютную власть социального начала над биологическим в человеческой индивидуальности. Беспредельные масштабы воздействия социальных обстоятельств на индивидуальную чувственность человека К. Маркс характеризует, выявляя такой парадокс человеческой чувственности. В качестве природного существа человек «...наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений...»⁸

Казалось бы, логично ожидать, что социальные человеческие чувственные потребности возникают как социальное **продолжение** развития этих деятельных природных задатков, способностей, влечений. Однако парадокс в том, что в действительности все обстоит иначе. Об этом свидетельствует состояние чувственности основных классов капиталистического общества. Так, у рабочих под воздействием классовых антагонизмов социальные чувственные потребности губительно отрываются от природных задатков и влечений. Эти природные задатки превращены социальными обстоятельствами жизни в разрушаемый элемент индивидуальных средств для осуществления таких чувственных потребностей, которые не имеют ничего общего с природными влечениями и враждебны природным влечениям.

Алкоголь, табак, плохая неполноценная пища, трущобное жилище, тяжелый изнурительный труд становятся жизненными материально-чувственными элементами общения рабочих, входят в их чувственные потребности. От природных задатков и влечений остается их жалкое, до неузнаваемости «преобразованное» подобие. Труд рабочих производит «слабоумие, кретинизм как удел рабочих»⁹.

А на другом, паразитическом полюсе классового антагонизма, скажем об этом словами К. Маркса, «даю-

щий волю своим страстям индивид» рассматривает чужой рабочий труд, человеческий кровавый пот как добычу своих вожделений... осуществление человеческих сущностных сил мыслится только как осуществление чудовищных прихотей и странных, фантастических причуд»¹⁰.

И здесь целеполагающая социальная доминанта чувственных потребностей сформирована только силой классовых социальных обстоятельств и осуществление чудовищных прихотей, вожделение чужого рабского труда и человеческого «кровавого пота» является зловещим своеобразным вариантом слабоумия и кретинизма, что характерно для господствующих классов.

Осуществленное К. Марксом исследование человеческой чувственности очень значительно методологически: было выяснено, что социальные чувственные потребности властно вовлекают в любую социальную жизнь природные жизненные силы человека, глубоко преобразуя эти антропологические предпосылки в качественно новый социальный жизненный элемент любых чувственных потребностей. К. Маркс отметил даже такую разновидность человеческой чувственности: «Ирландец знает только одну потребность — потребность в еде, притом состоящей только из картофеля люмпен-пролетариев, картофеля самого плохого»¹¹. При определенных социальных условиях «свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже животным чистоплотность перестают быть потребностью человека»¹².

Слияние социальных и природных биологических «жизненных сил» в чувственных потребностях индивида достигает глубочайшего синтеза, ибо даже в том случае, когда потребности губительны для природных задатков и влечений человека, когда они возникли вследствие «искусственно вызванной грубости» и представляют собой «самоодурманивание, это кажущееся удовлетворение потребности», и в этом случае удовлетворение таких потребностей является «истинным наслаждением»¹³ и переживается человеком как подлинная вспышка его сущностной деятельности. Такое последовательно социальное объяснение телесно-чувственных потребностей позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу доказать, что все проявления индивидуальной жизни человека — от самых массовых и публичных до интимнейших моментов индивидуального бытия — являются продуктом, своеобраз-

ным проявлением и частью содержания общественных отношений. Именно диалектико-материалистическое осмысление всех аспектов этого обстоятельства и выяснение той огромной власти чувственных потребностей над социальным поведением индивидуального человека, власти, обусловленной тем, что любые чувственные потребности всегда принимаются и переживаются человеком как подлинная «вспышка его сущностной деятельности» и в любом случае доставляют человеку при их удовлетворении «истинное наслаждение»,— все это позволило К. Марксу доказательно обосновать методологический принцип единства общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности человека, принцип, о котором говорилось раньше.

Глубокое и всестороннее включение в социологическую теорию живой, индивидуализированной и классово-поляризованной человеческой жизни позволило К. Марксу избежать крайностей и правильно, объективно определить меру участия материальных средств производства, распределения и потребления в формировании общественных отношений. Философская концепция человека К. Маркса послужила основой для критики буржуазных политэкономических теорий и подготовила почву для «Капитала», а в дальнейшем была в нем блестяще воплощена.

К. Маркс во всех своих работах обращает внимание на то, что буржуазные политэкономы хорошо понимали огромную, определяющую власть вещественного богатства над людьми, над поведением классов.

Однако эти теории давали искаженную и одностороннюю трактовку общественных отношений, и все искажения и односторонность были обусловлены в основном отсутствием объективной научной философской концепции человека.

Неизбежным проявлением отмеченного К. Марксом отрыва политэкономических теорий от реальной индивидуальной жизни человека явились и гипостазирование общественных отношений, и фетишизация вещественных компонентов общественных отношений, и апологетическая тенденция теорий.

Общие абстрактные рассуждения теоретической мысли о социальных судьбах и определяющем значении вещественного богатства импонируют имущему классу. В таких отвлеченных теориях жестокая эксплуатация

рабочих приобретает благоприятный вид объективного закона оплаты по труду свободного рабочего свободным работодателем. Вопиющие социальные язвы, выступающие в виде убогой телесно-чувственной жизни людей, насыщенной страданиями, болезнями, тупыми ощущениями, вызванными плохой пищей, тяжелыми условиями труда, сознательно насаждаемым алкоголизмом, табачной отравой, трущобными жилищами, проституцией, войнами, преступлениями,— все это остается в лучшем случае лишь бегло упомянутым в теоретических трактатах и серьезно не учитывается при изучении общественных отношений и объективных законов развития общества. Более того, своими теоретическими рассуждениями об объективных законах общества наемные идеологи удобно (в угоду господствующему классу и властвующей бюрократии) прикрывают телесно-чувственное истязание народа, в котором правдиво запечатлено подлинное содержание общественных отношений.

Реальная, подлинная социальная жизнь, прошедшая процесс идеологической дистилляции в реторте односторонних теорий, неизбежно апологетизируется и грубо фальсифицируется. Под предлогом того, что телесно-чувственные переживания человека будто бы не являются содержанием общественных отношений и якобы относятся только к области медицины, физиологии, из теории изымается изучение телесно-чувственных переживаний людей, и внимание теоретиков односторонне сосредоточивается за пределами телесно-чувственной жизнедеятельности людей, всего лишь на изучении вещественного богатства общества и духовно-политических процессов, взятых опять же в отрыве от телесно-чувственной жизни. Односторонняя «вещизация» и фетишизация общественных отношений — явление чрезвычайно стойкое, и, несмотря на убедительное разоблачение К. Марксом научной несостоятельности этой идеологической спекуляции, она распространена в современных всякого рода «системных» подходах к изучению общественной жизни и требует от подлинных марксистов неустанного разъяснения того чрезвычайно важного факта, что хотя движение социальных вещей является важнейшим объективным моментом общественных отношений, но существует это движение вещей в борьбе и единстве со всей многообразной индивидуальной жизнедеятельностью людей, формирующих и удовлетворяющих свои прежде все-

го телесно-чувственные социальные потребности. И вся индивидуальная жизнь, пронизанная, спрессованная борьбой и единством материальных и духовных потребностей живых людей, составляет вместе с движением вещей социальное содержание общественных отношений.

Изучение телесно-чувственной социальной жизни людей разных классов как одного из фундаментальных моментов бытия общественных отношений помогло К. Марксу раскрыть драматизм и многогранность социальных антагонизмов и выявить грандиозные масштабы грядущих революционных преобразований и мизерность реформистских прожектов, уповавших, подобно Прудону, только на уравнивание заработной платы без глубокой перестройки всех сторон формаций.

Как уже говорилось в книге, хотя зарплата важна, однако гораздо важнее зарплаты то, что телесно-чувственная жизнь рабочих антагонистически связана с качественно противоположной телесно-чувственной жизнью нерабочих, т. е. других классов и социальных групп. Основным содержанием телесно-чувственной жизни рабочего является воздействие на него производственных процессов: каждый день рабочий вынужден отдавать свою жизнь производству, дышать гарью и пылью, терпеть измывающий шум и производственное зловоние, терзать свое зрение «созерцанием» производственных манипуляций, постоянно на себе испытывать воздействия средств труда, от которых не только растут мозоли, но и появляются профессиональные болезни и профессиональный идиотизм. Индивиды, управляющие обществом, и их клевреты освобождены от всех этих телесно-чувственных истязаний. Рабочий надрывается за работой, «изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы»¹⁴ и своим трудом «производит чудесные вещи» для паразитически наслаждающейся чувственностью верхних слоев общества.

Изучение социальной телесно-чувственной жизни и выделение в ее составе телесно-чувственных социальных потребностей, глубокая трактовка этой жизни как момента материально-определенной деятельности человека позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу по-новому подойти к изучению многогранного социального свойства человека — его сознания.

Учение К. Маркса о сознании человека анализировать непросто. Цельная, глубокая теория К. Маркса,

раскрывающая сущность сознания человека, полна парадоксов, подчеркивающих сложность и противоречивость духовной жизни человека. Некоторые из этих парадоксов К. Маркс воспроизвел впоследствии в Предисловии «К критике политической экономии».

Марксистскую концепцию сознания человека активно изучают многие специалисты¹⁵. В исследованиях показаны диалектико-материалистические достоинства марксистской концепции сознания, ее многогранность и жизненность. И все же, когда сопоставляешь подлинные мысли К. Маркса о сознании человека с марксоведческими экскурсами в проблему, замечаешь слишком значительную разницу между ними в уровне революционной правды, в устремленности к истине, в характере постановки проблемы.

Творческая, энергично выраженная устремленность К. Маркса и Ф. Энгельса к созданию революционной правды является их ценнейшим достоинством, которое в концепцию сознания человека вносит гневное осуждение духовного филистерства, пошлости, примитивизма, потребительства, характерных для индивидуального сознания многих людей не только в буржуазном обществе, но и в социалистическом. Особенно настойчиво К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали такие характерные свойства классового сознания, как примирение с эксплуатацией и со связанным с ней социальным насилием.

Характерное в постановке проблемы сознания человека состоит в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс сознание человека исследуют в неразрывной связи с его социальными телесно-чувственными потребностями, телесно-чувственной социальной предметной деятельностью человека, осуществляющего потребности. Вследствие этого в концепции К. Маркса сознание человека предстает как живое, наслаждающееся, «сросшееся» с социальной телесной человеческой чувственностью, подчиненное закономерностям развития этой онтологической чувственности.

В современных исследованиях этот момент сознания человека исследован очень слабо, а та часть марксовой концепции сознания человека, в которой он исследуется, представлена в современной литературе недостаточно адекватно. Об этом справедливо говорилось, например, в докладе Л. П. Буевой на совещании по проблеме человека в Институте философии АН СССР: «В исследова-

нии процессов развития сознания, духовного мира человека важно преодолеть... метафизический отрыв сознания от человека, субъекта практического действия, в результате которого сознание становится объектом исследования, существующим само по себе на манер гегелевского духа: чрезмерную «гносеологизацию» сознания»¹⁶.

Об огромном значении, которое именно этому моменту придавали К. Маркс и Ф. Энгельс, говорит, в частности, такой очень многозначительный факт: даже при оценке и изучении результатов теоретических исследований, которые, казалось бы, можно брать сами по себе и рассматривать безотносительно к личности автора — даже для понимания общезначимых теоретических произведений, по мнению Ф. Энгельса, необходимо выяснить, что побудило человека создавать теоретический продукт: «великий интерес к теории», «дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования» или же «боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма»,¹⁷ т. е. необходимо любую теоретическую деятельность рассматривать как имманентный процесс индивидуальной жизнедеятельности соответствующих людей в их реальных общественных отношениях.

Для философского анализа сознания человека, осуществленного К. Марксом, характерна, прежде всего, глубина и многогранность смысла понятия «сознание человека». Высокая культура исследования и эрудиция, возникшие в процессе изучения гениальных творений Гегеля и талантливых произведений Фейербаха, позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу вложить в понятие «сознание человека» процесс возникновения, функционирования многочисленных величайших духовных сокровищ человечества и живое содержание индивидуального сознания каждого реального человека, сколь бы незначительным оно ни было.

Столь же глубокий и разноплановый смысл характерен для марковского понимания «реального процесса жизни», «реального бытия», которое формирует сознание. Здесь имеется в виду вся практическая деятельность, вся богатейшая, исторически изменяющаяся предметно-материальная «раскрытая книга человеческих сущностных сил».

Практика изучения работ К. Маркса и Ф. Энгельса

показывает, что нередко эта глубина и многогранность марксистских понятий воспроизводится лишь частично, что, в свою очередь, мешает усвоению духовного богатства марксистской теории.

К. Маркс и Ф. Энгельс изучали сознание реального человека, исследуя все многообразие его предметно-материального, познавательного и ценностного целенаправленного поведения и избирательное, индивидуальное отношение человека к общественному сознанию. Именно эти характерные моменты подчеркнуты в нашей книге.

* * *

Для К. Маркса и Ф. Энгельса всегда было характерным пристальное внимание к живой истории дня, к смыслу событий в тот момент, когда они происходили. После создания в 1840-х гг. диалектико-материалистической концепции человека их интерес к живой истории дня стал еще более глубоким и многоплановым. Предстояло проверить правильность открытых ими закономерностей, значительность поставленных проблем, созданных ими концепций.

Изучение работ К. Маркса и Ф. Энгельса, созданных в конце 1840-х — в первой половине 1850-х гг., имеет большое значение для понимания их методологии исследования социальных процессов.

Среди работ этого периода прежде всего выделяется выдающееся философское исследование К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В этой работе с особой силой проявились методологические достоинства учения о человеке К. Маркса. Об огромном значении этой работы для понимания марксистской концепции человека хорошо сказано в интересной и оригинальной статье Э. Ю. Соловьева¹⁸. Однако в этой статье имеются утверждения, которые мешают глубокому выявлению достоинств работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и осмыслению некоторых важных аспектов марксовской концепции человека.

Так, в статье утверждается, что Луи Наполеон в работе является лишь объектом юридического (?) обличения, а не объектом социологической и социально-психологической оценки. Э. Ю. Соловьев считает, что в работе К. Маркса Луи Наполеон выступает не в качестве объекта морального суда и не «в качестве объекта для суда истории, а в качестве объекта для уголовного суда»¹⁹.

Нам кажется принципиально неверным следующее мнение Э. Ю. Соловьева: «Строго говоря, в работе Маркса президент Второй французской республики, узурпатор и кандидат в императоры, вообще не принимается в качестве личности, если иметь в виду не обыденное, а требовательное, философское употребление этого понятия»²⁰.

Такое понимание работы К. Маркса неизбежно обедняет ее реальную глубину, многосторонность анализа, гибкость, реалистичность и исследовательскую всеобщность марксистского учения о личности. К. Марксу глубоко чужд доктринерский ригоризм морализирующего идеолога. В книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он мастерски применяет разнообразные философские средства для анализа социально-политических ситуаций и поведения всех социальных групп и индивидуальных типов, в том числе и Луи Бонапарта — личности хотя и ничтожной, но для научного исследования социальных процессов весьма интересной и значительной.

Если бы Э. Ю. Соловьев был прав в своем толковании текста произведения К. Маркса, т. е. если бы, как он пишет, «строго говоря, в работе Маркса президент Второй французской республики, узурпатор и кандидат в императоры, вообще не принимается в качестве личности...», то такое «отлучение» от личности Луи Наполеона, а значит, и других ему подобных миллионов людей, было бы, видимо, крупным научным недостатком теории К. Маркса, ибо свидетельствовало бы о ее морализаторской односторонности. И еще одно соображение. Э. Ю. Соловьев считает, что объектом морального суда в работе К. Маркса выступают только «парламентские партии, политико-идеологический корпус Второй республики»²¹. Но если глава исполнительной власти этого корпуса из-за своей ничтожности не заслуживает морального суда, то как же судить моральным судом корпус, который за редким исключением состоял из таких же, как Луи Бонапарт, политических деятелей?

В действительности теория личности К. Маркса такова, что Луи Наполеон и все ему подобные предстали под пером К. Маркса как интереснейшие для исследователя, реальные, живые подлинные личности, которые содержат немало загадок, достойных внимания философа. Среди этих загадок в работе К. Маркса центральное место занимает следующая.

Действительно ли существует кричащее несоответствие между индивидуальными возможностями Луи Бонапарта и теми действиями, которые ему удалось совершить?

Глубоким и изобретательным анализом (в котором, следует отметить это особо, важнейшую роль играет философское эссе) К. Маркс блестяще устраняет видимость этого кричащего противоречия, нивелируя смысл происшедших событий до их подлинного значения.

«Если какая-либо страница истории написана сплошь серыми красками, то именно эта»²².

Мелкие государственные деятели творили мелкую и подлую историю, лицемерно скрывая за напыщенными псевдореволюционными фразами фактическую бездарность, неуверенность и беспомощность. Для эпохи стали характерными «претенциозно выставляемые напоказ усилия и мещанский страх перед надвигающимся светопреобразованием в то время, как спасители мира предаются самым мелочным интригам и придворному комедиантству...»²³

Поэтому «полная противоречий миссия этого человека»²⁴ — Луи Наполеона — в сочинении К. Маркса раскрыта тонко и разнопланово: и в качестве объекта для суда истории, и в качестве значительного объекта для философской концепции личности. Ничтожные, но претенциозные индивидуальные действия и возможности Луи Наполеона оказались поразительно соответствующими спонтанным тенденциям классовой борьбы во Франции, глубинной эволюции политических и юридических реальностей французского общества. Луи Наполеон — типичная и поучительная политическая личность развитого классового общества, и его человеческие качества содержат ценнейшую информацию о широком круге проблем социального характера такого общества. Здесь и лицедейство фальшивых «лидеров» революции, и горькие судьбы народа, и пагубность идеологического шантажа, и злобредность демагогических обещаний, щедро раздаваемых народу политическими лицедеями, и многое другое, типичное для развитого классового общества.

Маркс показал, что Луи Бонапарт, как и вся гнилая, погрязшая в разврате и коррупции партийная и государственная бюрократия, как и весь лживый политико-идеологический корпус, воплощает в собственной деятельности и жизни характерные черты своего общества.

«Прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости»²⁵.

Когда Луи Бонапарт «принял всерьез свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном,— лишь тогда он становится жертвой собственного мировоззрения, превращается в серьезного шута, теперь уже не всемирную историю считающего комедией, а свою комедию — всемирной историей»²⁶ (выделено мной.—А. М.)

Мы с уверенностью можем сказать, что в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» осуществлено исследовательское испытание всех аспектов марксистского принципа единства общественных отношений и индивидуальной жизни человека. Это испытание дало блестящие результаты. «Превосходное понимание живой истории дня» (так назвал Ф. Энгельс работу К. Маркса спустя 33 года) показало, что реальный исторический процесс является глубоко противоречивым взаимодействием объективно обусловленных устремлений живых реальных людей, действующих исходя из своих желаний, страстей, иллюзий, возможностей, выборов, решений. Общество вовлечено в многообразные и, к сожалению, слишком часто — в регрессивные противоречивые социальные процессы, существующие в виде индивидуальной жизнедеятельности всех людей.

С особой силой К. Маркс подчеркивает характерную для послереволюционных псевдореволюционных периодов своеобразную мнимую возвышенность всего происходящего в деятельности социальных групп, в жизнедеятельности каждого человека. Мертвые лозунги, идеи попорченной революции повсеместно насильственно выпячиваются идеологией политических лавочников и настойчиво выдаются за духовный смысл происходящих бюрократических, милитаристских и стяжательских социальных реальностей.

Особенность «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» состоит в том, что эта работа посвящена анализу закономерностей удушения прогресса и революции в обществе — удушения под флагом развития революции и прогресса.

Поведение, облик, отношения людей в процессе гибели революции в центре внимания К. Маркса.

Следует отметить, что исторический процесс в XX в. оказался не менее «бонапартистским», чем французская действительность XIX в., и в связи с этим становится особенно актуальным изучение «бонапартизма» не только как специфически современного типа политической реальности, но и современного социального процесса, формирующего человека (это характерно для самых различных стран: Картера и Рейгана в США, Мао-Цзедун в Китае, Пиночета в Чили, Садата в Египте, Амина в Афганистане и др.).

К. Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» показал, что смертельная опасность бонапартизма для развития человека, революции и прогресса заключена в социальной дезориентации всех социальных групп и классов средствами изощренных псевдореволюционных, псевдопрогрессивных идеологических и политических репрессий, средствами наглой демагогии, беззастенчиво использующих язык, страсти, иллюзии революционной эпохи прошлых времен для того, чтобы увильнуть от разрешения назревших жизненных проблем современности и прикрыть мертвыми лозунгами развратное деячество и политико-уголовные преступления верхов.

К. Маркс отметил три зловещих источника бонапартизации всего социального процесса, делающих индивидуальную жизнь человека извращенной, оторванной от истоков социального творчества и противопоставленной прогрессу и революции. Во-первых, фантастическое раздувание государственного бюрократического аппарата с повышенными чиновничьими окладами, с многочисленными синекурами.

«Бонапарт вынужден был создать рядом с подлинными классами общества искусственную касту, для которой сохранение его режима вопрос о хлебе насущном»²⁷ (выделено мной.— А. М.).

Попустительство и тайное поощрение подкупности приводят к тому, что «средством подкупа делается всякое место в армии и в правительственной машине»²⁸.

«В министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодчиков, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился,— шумная, пользующаяся дурной славой, хищническая

богема, которая напяливает на себя обшитые галунами мундиры с такой же смешной важностью, как сановники Сулука»²⁹.

Для этого «авангарда» «дело заключается прежде всего в том, чтобы жить в свое удовольствие, вытягивать калифорнийские выигрыши из казенного сундука»³⁰.

Огромное количество государственных должностей, исчисляющееся миллионом («многочисленная, расшитая галунами и упитанная бюрократия». — К. Маркс), обеспечивает «всестороннее вмешательство государственных органов» в жизнь людей.

Вторым зловещим источником бонапартизации социального процесса является армия и бесконтрольный, фантастически разбухший репрессивный аппарат — «преобладающее значение армии», которая исполняет жандармские обязанности и образует вместе с всесильной бюрократией и корпусом стукачей, провокаторов и жандармов военно-бюрократическую машину.

Третьим источником бонапартизации социального процесса и индивидуальной жизни человека является жестокий разгул идеологии господствующих бюрократов, военщины и жандармерии, нагнетание в обществе идеологической истерии, искусное психологически и политически взвешенное, «реалистическое», «трезвое» манипулирование предрассудками, невежеством, страхами и надеждами обывателя, взвинчивание эмоций, вожделений и импульсов, отвечающих интересам протиснувшихся на вершину администрации и армии распутных казнокрадов.

Об огромном растлевающем влиянии дурного образа жизни и образа деятельности верхов К. Маркс писал: «Если вы на вершине государства играете на скрипке, то можете ли вы удивляться, что стоящие внизу пляшут?»³¹

* * *

Выдающийся вклад в разработку методологии внес К. Маркс «Экономическими рукописями 1857—1859 гг.», рукописями 1860 г. и созданным на их основе «Капиталом». В этих работах заново воспроизведены и конкретизированы все основные идеи, развитые К. Марксом в 1840-х гг., начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Сравнительное изучение «Капитала», рукописей 1850—1860-х гг. и работ К. Маркса и

Ф. Энгельса 1840-х гг. с особой силой показывает постоянство основных методологических идей, характерное для теории человека К. Маркса. Различие состоит лишь в нарастающей глубине теоретического исследования.

Яркий и глубокий анализ исторических судеб человека, осуществленный К. Марксом в рукописях 1850—1860-х гг. и в «Капитале», явился не просто важнейшим аспектом этих сочинений, а главным содержанием и методологическим фундаментом всех размышлений и всех выводов К. Маркса. В «Капитале» и в рукописях 1850—1860-х гг. всесторонне раскрыт диалектико-материалистический принцип единства общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности человека. Все индивидуальные моменты бытия человека предстали как имманентное содержание общественных отношений. С новой силой К. Маркс обнажил несостоятельность фетишизаторской тенденции буржуазных концепций общественных отношений и иллюзорность идеалистического подхода к исследованию социальных процессов.

Внимательное и глубокое изучение всей индивидуальной жизнедеятельности пролетариев как момента общественных отношений привело К. Маркса к выдающемуся открытию уникального свойства рабочей силы — способности к самовозрастанию ее стоимости в процессе производственного потребления. Благодаря этому был научно объяснен источник и исследован механизм производства капитализированной прибавочной стоимости.

В «Капитале» и в рукописях 1850—1860-х гг. в полной мере раскрылись огромные методологические возможности марксистской концепции человека. Вникая в противоречивые судьбы человека, особенно в судьбы рабочего человека, К. Маркс осуществил глубокое исследование, потрясающее остротой вскрытых антагонизмов капиталистического общества.

К. Маркс показал всю капиталистическую общественно-экономическую формацию как живую, с телесно-чувственным проявлением антагонизмов производственных отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Шаг за шагом К. Маркс раскрыл и объяснил сложнейшую зависимость различных сторон человеческой жизни этого общества, доказал, что она уходит корнями в бесплатное узаконенное высасывание капиталом живого труда рабочих, являющегося специ-

фически пролетарской телесно-чувственной жизнью человека.

«При своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал... узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства»³². «После меня хоть потоп!» — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению. На жалобы относительно физического и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)?»³³

Неискушенному читателю может показаться, что К. Маркс в «Капитале» все это говорит о некоем безличном капитале, о волчьей жадности некоей «сверхличной» социальной силы. В действительности же, зная разработанный К. Марксом принцип единства общественных отношений и индивидуальной жизни людей, каждому специалисту ясно, что речь у К. Маркса идет о типичных индивидуальных поведенческих, о волчьем человеческом облике живых людей — владельцев капитала, сросшихся с экономической и политической властью капитала.

Чтобы адекватно воспринять марксову концепцию человека в рукописях 1850—1860 гг. и в «Капитале», необходимо постоянно помнить и конкретизировать важную методологическую мысль К. Маркса и Ф. Энгельса: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах!» Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»³⁴.

Конкретизируя эту важнейшую научную истину, мы можем сказать, что капитал не делает ничего, он не

сражается ни в каких битвах! Не капитал, а именно капиталист, действительный живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется; капитал не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека-капиталиста.

Если с этой стороны посмотреть на социальные процессы, исследованные в «Капитале», перед нами раскрывается богатейшая картина проявлений звериного обличия индивидуального поведения людей, «труд которых состоит в том, чтобы присваивать себе чужой труд и его продукт»³⁵.

«Капитал» К. Маркса насыщен огромным документальным материалом, свидетельствующим о преступном характере личности, о преступной деятельности капиталистов. Эти документы обличают их не менее, чем материалы Нюрнбергского международного трибунала, судившего фашистов. К. Маркс неопровержимо доказал, что аморализм и даже бандитизм являются типичными для человека господствующего класса.

В то же время К. Маркс и Ф. Энгельс знали и внимательно изучали и такие случаи, выходящие за пределы типичных, когда капитал действительно оказывался относительно благоприятным для развития индивидуальности рабочего. Иногда это было следствием личного бескорыстия и таланта предпринимателя. Ярким примером, подчеркивающим отсутствие неких фатальных причин социальных бедствий, была деятельность Оуэна — фабриканта-предпринимателя. Пока еще Оуэн, не посягая ни на один экономический принцип частнособственнического капиталистического предпринимательства, а, напротив, используя эти принципы, работал как капиталист, он изменил жизнь рабочих. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» так отозвался об этом: «Население Нью-Ланарка, постепенно возросшее до 2500 человек и состоявшее первоначально из крайне смешанных и по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, тяжбы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями. И он достиг этого просто тем, что поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения»³⁶.

«И при всем том стоимость предприятия возросла

более чем вдвое, и оно все время приносило собственникам обильную прибыль»³⁷.

Но подавляющее большинство господствующего класса ненасытно и цинично стремится к обогащению. «Господа капиталисты, давно превратившиеся в прожигателей жизни»³⁸, безразличны и враждебны к судьбе и условиям жизни рабочего класса. Эти социальные качества — субстанциальны в индивидуальном облике капиталиста. Изучение личности капиталиста имеет важное значение в «Капитале» и в рукописях 1850—1860-х гг. Это изучение еще раз обнажило утопичность прекраснодушных упований «истинных социалистов» и других «реформаторов» на радикальную гуманизацию индивидов господствующего класса.

* * *

К. Маркс и Ф. Энгельс в 50—70 гг. XIX в. значительно углубляют и конкретизируют учение о человеке социалистического общества, дают новые уточнения социалистического общества, подчеркивая в нем, как и в работах 1840-х гг., реальную свободу каждого живого человека как основной признак новой формации: «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние»³⁹.

Очень важные идеи о человеке социалистического общества содержатся в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Эта работа создавалась на основе «Капитала» при прямом участии К. Маркса и является конкретизацией и популяризацией «Капитала» и «Критики Готской программы» К. Маркса.

В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс в связи с критикой теории социализма Дюринга исследует закономерности развития человека при социализме, именно при социализме, а не при полном коммунизме. Идеи Ф. Энгельса чрезвычайно актуальны практически для всей эпохи социализма.

Ф. Энгельс исследует коренные проблемы, определяющие характер и содержание глубинных тенденций развития социалистического общества: во-первых, как влияют деньги и денежные отношения на личные качества, на поведение человека и развитие общественных отношений в социалистическом обществе⁴⁰; во-вторых,

как может влиять семейное наследование личного некапиталистического имущества на развитие человека и формирование общественных отношений в условиях денежных отношений при социализме⁴¹; в-третьих, вправе ли работник социалистического общества претендовать на добавочную оплату за более сложный труд⁴². Обсуждением этих фундаментальных проблем социализма Ф. Энгельс твердо указал на огромную сложность, противоречивость и остроту социальных проблем, насыщающих деятельность людей на всех этапах развития социализма. Он предупреждает, что деньги, любые деньги, даже если это особые, социалистические деньги, будут разлагать социализм, будут прочно приковывать к себе людей при социализме, будут властно вовлекать людей в накопительство и потребительство, не имеющие ничего общего с социалистическим образом жизни. Энгельс убежденно доказывал, что функционирование денег неизбежно (хотя и не сразу) навязет социалистическому обществу усиление социального неравенства и перерождение социализма в капитализм.

Как известно, реальный социализм, существующий в настоящее время, широко применяет деньги. Это обязывает коммунистов активно, бдительно следить за разлагающей силой денег и бескомпромиссно пресекать всеми средствами революционной воли неизбежные отклонения от социализма. Для этого нужно, прежде всего, широкое, настойчивое распространение учения К. Маркса и Ф. Энгельса об опасностях, связанных с функционированием денег в социалистическом обществе, и, во-вторых, необходима полная и предельно широкая гласность всех доходов и расходов каждого гражданина, каждого должностного лица социалистического общества и эффективная демократическая система своевременного и постоянного контроля за достоверностью информации о всех доходах и всех расходах каждого гражданина.

При этом необходима социалистическому обществу юридическая система, обязывающая силой закона каждого гражданина дать обществу документально подтверждаемую информацию о способах получения и размерах той доли общественного богатства (а не только о количестве денег), которой он располагает.

Обсуждение Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» второй

коренной проблемы социалистического общества — о влиянии семейного наследования личного некапиталистического имущества на развитие социалистического общества и формирование человека — также показало, что эта проблема, по убеждению Ф. Энгельса, не менее сложна и серьезна, чем проблема функционирования денег.

Ф. Энгельс пришел к выводу, что последствия семейного наследования личного некапиталистического имущества могут быть грозны и губительны для социализма. Личное наследование имущества, доказывал Ф. Энгельс, опровергая наивные и опасные рассуждения «социалиста» Дюринга, если оно будет сохранено при социализме, — неизбежно приведет к фактическому нарастанию социального неравенства в обществе и к превращению этого неравенства в основной фактор, формирующий мир человека и индивидуальные свойства человека. И здесь общество реального социализма может получить огромную помощь и массу неотложных рекомендаций от К. Маркса и Ф. Энгельса. Необходимо развернуть глубокое марксистское исследование этой стороны проблемы, не упуская ее из числа актуальнейших теоретических и практических проблем современности.

В-третьих, всестороннего изучения заслуживает и вывод Ф. Энгельса о том, что любой работник социалистического общества не вправе претендовать на добавочную оплату за более сложный труд. Известно, что реальная теоретическая концепция современного социалистического общества признает необходимость добавочной платы работнику за более сложный труд. Для решения этой проблемы в интересах социализма крайне необходимо гласно и достоверно сопоставить реальный труд, реальные доходы и реальное потребление всех социальных групп и классов социалистического общества. Это позволило бы привлечь для обсуждения и исследования этой остро актуальной проблемы богатый практический опыт социализма и обоснованно, научно учесть все последствия этой ситуации.

В свете этих трех коренных проблем социализма — деньги, наследование, труд и потребление, — теоретически освещенных К. Марксом и Ф. Энгельсом, особую значимость и актуальность приобретает критический, глубокий, действительно научный анализ сложного противоречивого опыта реального социализма.

В. И. Ленин, обобщая практические итоги реального социализма, настойчиво требовал бороться против превращения марксистской теории в идеологическое прикрытие реальных противоречий, нерешенных проблем и ошибочных действий: «Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность»⁴³.

Глубокое изучение выдающихся произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в единстве с богатейшим опытом реального социализма позволяет совершенствовать общественные отношения социалистического общества и формировать жизнедеятельность всесторонне развивающейся гармонической личности, а также правдиво исследовать негативные явления.

Особенно актуальными стали все эти проблемы после XXVII съезда КПСС, когда в стране разворачивается глубочайшая перестройка, ускорение социально-экономического, политического и духовного развития социалистического общества.

Большое методологическое значение имеют исследования Ф. Энгельса для решения острых и крупных проблем, возникающих в процессе развертывания социально-экономического ускорения на основе решений XXVII съезда КПСС. Прежде всего это проблемы использования товарно-денежных отношений в системе планомерно развивающегося народнохозяйственного комплекса социалистического производства. XXVII съезд КПСС отметил важную роль товарно-денежных отношений в использовании потенциальных возможностей социалистической системы хозяйства, энергично подчеркнул новое содержание товарно-денежных отношений в социалистическом обществе и наметил новые формы использования товарно-денежных отношений на основе ускоренного развития социалистических и общекоммунистических устоев нашей жизни. Товарно-денежные отношения, жестко увязанные с непосредственно общественными связями в рамках единой социалистической системы, позволяют через внедрение на предприятиях и в организациях полного хозрасчета и самофинансирования эффективно бороться с таким крупным злом современного социалистического общества, как распространение иждивенческих настроений, элементов застоя, самоуспокоенности, нетрудовых доходов. Здоровое функ-

ционирование товарно-денежных отношений позволяет успешнее реализовать требования закона распределения по труду через дифференцированную увязку доходов с конкретным вкладом в конечные результаты труда.

Огромное значение имеет методологическое мастерство Ф. Энгельса, проявившееся в умении анализировать товарно-денежные отношения при социализме в контексте всех социальных процессов, с учетом особенностей человеческого фактора. Этот аспект проблемы показывает, что получение адекватных знаний о значении товарно-денежных отношений выходит далеко за рамки методов политэкономии, и такие знания могут быть получены только на основе изучения потребностей, мотивов и интересов классов, социальных групп и каждого человека. Поставленная XXVII съездом КПСС задача — достижение здорового и активного функционирования товарно-денежных отношений — одна из трудных и в определяющей мере зависит от содержания социальной политики, от достижений в перестройке хозяйственного механизма, от эффективности борьбы с нетрудовыми доходами, от развития творческих стимулов к труду и жизнедеятельности у каждого человека социалистического общества. Энергичная и плодотворная борьба за здоровое функционирование товарно-денежных отношений, развернувшаяся после XXVII съезда КПСС, является важнейшим аспектом ленинской стратегии партии и входит в ускорение социально-экономического развития в качестве необходимого элемента.

Глава пятая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

XXVII съезд внес выдающийся вклад в теорию и практику марксизма-ленинизма. Развернутая в Материалах XXVII съезда концепция и стратегия социально-экономического, политического и духовного ускорения развития социалистического общества отличается активной и многоплановой обращенностью к человеческому фактору.

«Главным двигателем прогресса, его душой был, есть и остается человек»¹.

Эта марксистско-ленинская идея, прозвучавшая в Политическом докладе, стала стержневым идейно-методологическим лейтмотивом всех материалов съезда. Основополагающие идеи социально-философской концепции человека К. Маркса впервые столь основательно и многоаспектно раскрыты и применены в материалах съезда для научного исследования современных социальных процессов и особенностей развития человека.

Материалы XXVII съезда внесли полную ясность в методологическую проблему: необходимо ли обществоведам изучать **все** индивидуально-личностные процессы и **все** аспекты индивидуальной жизни при изучении общественных отношений. XXVII съезд КПСС из всех научных определений, даваемых марксизмом человеческому обществу, эффективно использовал то, в котором полновесно подчеркивается активная созидаящая роль человеческого фактора и существенная многоаспектная роль **всей** индивидуальной жизнедеятельности в развитии и структуре общества.

«Общество — это конкретные люди, у них конкретные интересы, свои радости и драмы, свои представления о жизни, ее действительных и мнимых ценностях»².

Необходимо в полной мере уяснить идейно-политическую, методологическую и гуманистическую направленность обращения XXVII съезда к человеческому фактору.

Методологическое требование, сформулированное в Политическом докладе как урок правды, требует расчистить правдивым анализом действительности надежный путь к новому качеству социалистического образа жизни, отбросить многоликую полуправду, мешающую ускорению.

«Мы не сможем продвинуться ни на шаг... если утратим мужество трезво оценивать обстановку, видеть ее такой, какая она есть. Для того, чтобы безответственность ушла в прошлое, надо взять за правило называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту. ...Никто не вправе забывать сурового ленинского предупреждения: «ложная фраза, ложное хвастовство есть гибель нравственная, верный залог гибели политической» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 330)»³.

XXVII съезд КПСС подчеркнул, что правда о всех процессах и событиях в обществе необходима, чтобы, начав преобразования, не ограничиться половинчатыми мерами, не останавливаться перед самыми смелыми радикальными реформами в обществе. Полная правда необходима, чтобы убедить массы, морально и материально заинтересовать трудящихся в активном и созидательном участии во всех делах, из которых слагаются ускорение и перестройка.

Вместе с тем съезд подчеркнул огромную сложность поставленных проблем и недопустимость догматизации первоначального опыта перестройки. Процесс ускорения на первых порах не может не идти болезненно: слишком много предстоит ломать отжившего и преодолевать сопротивление многих стереотипов. Особенность начала перестройки и ускорения в том, что не существует какой-то готовой, заранее кому-то полностью известной правды. Высшим критерием современной социалистической правды является реальный опыт воплощения в жизнь концепции и стратегии социально-экономического, политического и духовного ускорения развития общества. Этот опыт уже есть, но он еще чрезмерно неопределенен, его еще предстоит энергично развивать и кардинально совершенствовать в поисках и пробах, в живом творчестве народа. Во-вторых, необходимо серьезно считаться с живучестью и влиятельностью той своеобразной психологии, которая длительное время в центральных органах да и на местах брала верх,— психологии уклонения от радикального решения назревших

проблем. После XXVII съезда эта живучая психология уклонения пытается перевоплощаться в создание иллюзии ускорения.

Коммунисты не всегда представляли себе пути социального прогресса во всей их внутренней сложности и противоречивости. «Но — и в этом главное отличие коммунистического мировоззрения — в центре этих процессов неизменно стоит человек, его интересы и заботы»⁴.

Сложность и глубокая противоречивость реальных социальных процессов, масштабность стратегических замыслов обусловили теоретическую необходимость активного вовлечения в современные социальные исследования всего богатейшего теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

К. Марксу и Ф. Энгельсу, к сожалению, не суждено было изучать социализм и людей этого общества как реальный объект познания. Живой реальный социализм и его действительная история не существовали для основоположников марксизма как непосредственный источник теоретических знаний о социализме.

К. Маркс и Ф. Энгельс создавали теорию социализма на основе изучения эмбриональных элементов социализма, объективных тенденций развития капиталистического общества. Этим обстоятельством обусловлена фрагментарность учения К. Маркса и Ф. Энгельса о социалистической личности и социалистических отношениях. Причем крайне важно иметь в виду, что К. Маркс и Ф. Энгельс больше писали о второй фазе нового общества — о полном коммунизме и меньше о первой фазе — о социализме.

Нередко в современных марксистских исследованиях недостаточно учитывают эти различия в текстах К. Маркса и Ф. Энгельса, и поэтому нередко ошибочно приписываются социализму высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, относящиеся к высшей фазе коммунистического общества. В то же время недостаточно изучается Марксова концепция социализма и ее применение в исследованиях реальных противоречий реального социализма.

Когда мы изучаем действительное реальное бытие человека при социализме и реальные свойства социалистических общественных отношений, не всегда удается найти прямые разъяснения К. Маркса и Ф. Энгельса о существе тех или иных сторон жизни именно социали-

стического, а не коммунистического общества. Возьмем хотя бы такой пример. Общеизвестно важное и возрастающее значение товарно-денежных отношений в современном реальном социалистическом обществе. Однако в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса **нет** теории социалистических товарно-денежных отношений, более того, К. Маркс и Ф. Энгельс убежденно доказывали, что товарно-денежные отношения крайне опасны для судеб социалистического общества, опасны на любом этапе развития социализма⁵. И поэтому, смело идя сейчас на усиление роли товарно-денежных отношений, необходимо настойчиво добиваться их здорового функционирования в реальном социалистическом обществе.

Для изучения человека и общественных отношений при социализме необходимо не только учитывать прямые высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о социализме, но и активно изучать все стороны реальной индивидуальной жизни в социалистических странах и все стороны социальных процессов, применяя в исследованиях методологические принципы марксистской социальной философии, раскрывающие диалектическое единство индивидуальной жизнедеятельности людей и содержания общественных отношений.

К. Маркс и Ф. Энгельс теоретически предвидели, что наиболее характерными объективными закономерностями, концентрирующими в своем содержании глубокую сущность социализма, должны быть следующие закономерности.

— Нарастающее превращение общественных отношений в коллективную силу всех людей социалистического общества и вытеснение антагонизмов из всех общественных отношений на основе уничтожения эксплуататорских классов, на основе развития активной социальной системы **подчинения всех сторон жизни** общества динамично развивающимся многообразным **интересам рабочего класса**.

— Индивиды социалистического общества, по мере развития в их отношениях социальной однородности и творческой активности, все в большей мере формируются как всесторонне и гармонично развитые личности.

В этих двух сложных (многоаспектных) объективных закономерностях раскрываются с двух сторон сущность социализма: то, что на одной стороне, в социальной структуре общества, выступает как развитие социаль-

ной однородности, коллективности, как воплощение исторической миссии пролетариата, на другом полюсе — в многообразной индивидуальной жизни социалистической личности выступает как нарастающая тенденция всестороннего свободного гармоничного развития деятельности, способностей, потребностей человека. Поэтому и в теоретическом исследовании эти закономерности нельзя отрывать друг от друга. Они как внутренние стороны диалектического единства дополняют и создают друг друга. И в жизни, и в сфере теории каждая из этих закономерностей активно участвует в формировании содержания своей противоположности.

Остановимся подробнее на этих закономерностях. Прежде всего следует отметить, что сам факт их появления является всемирно-историческим событием в прогрессивном развитии общества и личности. Общественная жизнь по своему характеру, по механизму развития, по своим последствиям начинает все больше отличаться от всего, что было известно предшествующему этапу исторического развития людей.

Понятие «коллективность» в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса имеет глубокое материально-объективное содержание. Понятием «коллективность» они характеризовали принципиально новый тип практической деятельности людей в неантагонистическом обществе. Под коллективностью К. Маркс и Ф. Энгельс понимали такой тип общественных отношений, при котором общественные отношения выступают как сила, вовлекающая отдельного человека в процесс добровольного, идущего от индивидуальных способностей и потребностей участия в общественной жизни.

«В условиях действительной коллективности индивиду обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»⁶.

Одним из главных проявлений коллективности общественных отношений является развитие у личности таких качеств, которые придают жизнедеятельности человека черты всестороннего гармонического развития индивидуальных способностей и потребностей.

В реальной жизни коллективность существует в форме противоречивого, нередко остроконфликтного практического бытия, в борьбе с несовместимыми с коллективностью тенденциями, идущими от негативной и застойной стороны противоречий общественной жизни,

от социальной неоднородности реального социализма, от социального несовершенства односторонне развитых людей.

Чтобы удержать в теории богатейшее содержание коллективности, необходимо основные свойства коллективности исследовать в «зигзагах» многообразной реальной жизни. Одним из важных теоретических приемов постижения социалистической коллективности во всей ее полноте является исследование социалистической коллективности как силы, повседневно, постоянно и многообразно упреждающей появление социальных антагонизмов в жизни социалистического общества.

Присмотримся поближе к этой стороне проявления коллективности. На первый взгляд может показаться, что акцентирование исследовательского внимания на проявлении коллективности в острой борьбе с негативными и застойными тенденциями является далеко не лучшим путем раскрытия богатейшего содержания социалистической коллективности. Может показаться, что при таком подходе внимание будет чрезмерно и односторонне приковано прежде всего к «негативному» проявлению коллективности, только к ее отвергающей стороне.

Однако то, что представляется верным на первый взгляд, далеко не всегда оказывается надежным ориентиром для исследования сложных свойств социальной реальности.

Справедливость высказанного здесь положения следует из того обстоятельства, что социалистическая коллективность в современном обществе, будучи определяющей, вместе с тем не является единственной, все заполняющей тенденцией, беспрепятственно проявляющейся во всех социальных процессах и в жизнедеятельности каждой личности.

В сфере повседневной жизни идет напряженная борьба социалистической коллективности с тенденциями, несовместимыми с нею. И именно в сфере повседневной производственной, бытовой и административно-хозяйственной, политической жизни, коллективность своими средствами — средствами практической свободы, практической солидарности тружеников, как правило, разрешает множество остроконфликтных противоречий. Коллективность социалистических отношений активно и широко вовлекает в свое имманентное содержание разнородный

поток индивидуальных устремлений и придает им — пусть далеко не в совершенном виде и не сразу — характер солидарности и таким образом совершенствуются общественные отношения и крепнет тенденция всестороннего и гармонического развития общественных индивидов.

Преобладающее влияние на поведение людей коллективности проявляется именно в том, что она позволяет человеку добровольно развивать его собственную свободу, формировать в его облике элементы гармоничности, всесторонности. Таким образом, разрешение противоречий в жизни людей средствами коллективности является возможным лишь тогда, когда социализм силой своих позитивных социальных условий, объективными преимуществами социалистической солидарности добровольно вовлекает людей в социалистический образ жизни. И они добровольно отдают свои знания и свои индивидуальные силы развитию подлинно социалистических начал в жизни общества и черпают из этой своей свободной устремленности смысл собственной жизни. Поэтому процесс разрешения противоречий в жизни людей средствами коллективизма является активизированным проявлением всех лучших сторон социалистической жизни. Силой своего многообразного позитивного содержания коллективность удерживает возможность острых социальных конфликтов, как правило, за гранью действительности, разрешает их, когда они существуют еще в виртуальном состоянии.

Мы уже отмечали, что для правильного понимания природы исследуемых здесь объективных закономерностей необходимо учитывать, что коллективность социалистических общественных отношений и всестороннее гармоническое развитие личности существует в виде **тенденций** развития. Это, в частности, означает, что отмеченные закономерности в начале социализма дают о себе знать в весьма скромных масштабах, и чем более технически и социально отсталая страна, чем глубже классовое расслоение, и чем меньше необходимый опыт демократического участия народа в делах общества накануне социалистической революции, тем скромнее проявление этих закономерностей на первых этапах развития социализма.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали необходимым для социализма высокое развитие производственных сил уже

в недрах капитализма по двум причинам. Во-первых, потому, что развитые производительные силы формируют победоносную революционную силу — пролетариат и создают материально-технические возможности перехода к социализму. Во-вторых, высоко развитые производительные силы создают надежные демократические гарантии для благоприятного внутреннего развития молодого социалистического общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс разъясняли: «...Развитие производительных сил (вместе с которыми уже дано эмпирическое осуществление **всемирно-исторического**, а не **узко местного бытия людей**) является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при **крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость**»⁷. Угроза воскрешения «старой мерзости», угроза внутреннего вырождения социалистических ростков черной тенью повисла над Россией с первых дней Октябрьской революции. Сколько сил, таланта, революционной страсти отдали В. И. Ленин и ленинская гвардия в борьбе с этой опаснейшей реальной угрозой

В. И. Ленин много раз подчеркивал, что историческая практика социализма началась в России — в стране одновременно и самой передовой в мире, если иметь в виду политическую сознательность революционного авангарда, и одновременно в стране отсталой, если говорить о вековой чудовищной привычке руководителей добиваться хозяйственного эффекта **потом**, здоровьем и кровью труженика, об отсутствии у народа опыта демократического контроля за поведением «верхов», о классовой наивности значительной части народа.

«Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах?..

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры..., то почему нам нельзя начать сначала, с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а **потом** уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»⁸.

В соответствии с революционными замыслами В. И. Ленина и партии большевиков в России пришлось одновременно строить социализм и создавать необходимый для социализма уровень культуры. Причем эту грандиозную работу пришлось развернуть в обстановке враждебного капиталистического окружения. В этих условиях практика социализма неизбежно приобретала в некоторых отношениях серьезное трагедийное содержание.

В. И. Ленин неоднократно предупреждал, что на месте разрушаемой социальной пирамиды классов могут стремительно вырасти влиятельные новые группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, приспособляющиеся к специфическим условиям социалистического общества, но не имеющие ничего общего с социалистической коллективностью и со свободным развитием личности.

Методологическая актуальность обсуждаемого здесь подхода к исследованию коллективности состоит в том, что он позволяет преодолевать отмеченную в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду известную отдаленность философии и обществоведения в целом от запросов жизни.

Исследование коллективности при таком подходе не сводится лишь к констатации успехов. Напротив, в фокус теоретических исследований попадают животрепещущие проблемы, связанные с переводом экономики на рельсы интенсификации, ростом производительности труда, улучшением благосостояния населения, и, что особенно важно, не «прячутся» в тени оптимистической идеологической риторики негативные явления, и раскрывается активное злокачественное поведение социальных групп с собственническими устремлениями.

Отличительная черта Материалов XXVII съезда состоит в мобилизации трудящихся на борьбу с такими собственническими **социальными группами**:

«Сегодня мы должны признать, что вследствие ослабления контроля и ряда других причин **обозначились группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями**, с пренебрежительным отношением к общественным интересам (выделено мной.— А. М.).

Трудящиеся справедливо ставят вопрос об искоренении таких явлений. Центральный комитет полностью поддерживает эти требования»⁹.

При социализме негативные тенденции и застойные явления значительно ослабляют подлинно социалистическое содержание жизни, вследствие чего коллективистские закономерности и тенденции имеют вначале слабую объективно-социальную основу для своего проявления и утверждения. Не всегда и тем более не повсеместно (в смысле «охвата» этими закономерностями людей разных социальных групп и классов) можно отчетливо проследить энергичное и прямое проявление существенных закономерностей развития социализма, и особенно оказалась слабой тенденция всестороннего развития человека.

А между тем именно эта тенденция является глубочайшим проявлением социалистической коллективности и всех других существенных черт социализма. Всестороннее развитие личности каждого человека является наиболее точным критерием зрелости и прочности социалистических начал в облике поведения людей и в отношениях между людьми.

Формирование всесторонне развитой личности происходит в течение исторически длительного периода и является наиболее характерным показателем уровня развития социализма. Все другие моменты социализма имеют прогрессивное содержание лишь в том случае, если они положительно воздействуют на всестороннее развитие личности каждого человека. Не любой из неизбежных моментов социализма является выражением такой сущности социализма. Однако задача серьезного научного исследования состоит в том, чтобы отразить в теории **все** моменты реального социализма, не выводить, не дедуцировать схоластически бытие социализма — из «чистого» умозрительного представления о социализме, как о чем-то хотя и не совершенном, но непременно только положительном. Розовый морализм никому не приносил ничего, кроме идеологических иллюзий. Необходимо серьезно учитывать, что К. Маркс часто и с особым презрением критиковал излюбленный методологический прием буржуазных идеологов — подмену реального исследования действительных социальных процессов **идеологической дедукцией**, выводением из ловко сфабрикованной «сущности», из некоего родового понятия якобы реальных, а на самом деле иллюзорных эмпирических проявлений «исходной» и столь же иллюзорной сущности.

Уничтожение классов, достижение бóльшей социаль-

ной однородности не является в социалистическом обществе самоцелью. Социалистическое уничтожение классов и социалистическая борьба за достижение социальной однородности являются средством развития в обществе на всех уровнях подлинного коллективизма, многообразия потребностей, интересов, способностей и свободы, когда слабеют и преодолеваются негативные тенденции в развитии общества и преодолеваются губительные процессы отчуждения личности.

К. Маркс и Ф. Энгельс разработали теорию научного социализма и отстаивали ее в борьбе со всякого рода упрощенческими представлениями о социализме. Известно, что в современную эпоху, искажая теорию и практику марксизма, буржуазные идеологи нередко пытаются изобразить социалистическую действительность как неизбежное воплощение грубого казарменного социализма, не совместимого с подлинным гуманизмом.

В действительности К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали жизненную необходимость свободы и демократии, многообразия индивидуальной жизнедеятельности для социализма, разъясняли, что в случае слабого развития свободы в социалистическом обществе «...весь мир богатства, т. е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом. Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности...»¹⁰.

К. Маркс пояснял: «Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»¹¹.

С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса подлинно социалистическое развитие всех социальных сил общества, утверждение социальной однородности, с одной стороны, и гармоническое всестороннее развитие личности — с другой, настолько слитные процессы, что даже и говорить нельзя о первом без второго или о втором без первого.

Борьба за преодоление антагонистической социаль-

ной неоднородности в отношениях людей социалистического общества — самый крупный в истории человечества удар по социальному злу. Практически было доказано, что люди не беспомощны перед социальным паразитизмом и насилием. Неизбежное и трагическое состояние извечной неустроенности и паразитического примитивизма многих сторон человеческой жизни было подорвано.

В документах XXVII съезда КПСС дан глубокий реалистический анализ исторически длительной перспективы ускоренного развития социалистического общества. В свете этой перспективы, которая тоже не является конечной, отчетливо осознаются выдающиеся достижения социализма в развитии коллективизма. Но в свете этой же перспективы отчетливо видна и значительная неизбежная историческая ограниченность, неразвитость современных социалистических общественных отношений, глубокие противоречия современного человеческого фактора.

Социалистическому обществу еще предстоит решать немало крупных и сложных задач, относящихся по своему происхождению и характеру к первой фазе коммунистической формации.

Для глубокого и всестороннего исследования социальных процессов и жизнедеятельности человека в социалистическом обществе назрела необходимость методологического переосмысления существующих в социалистическом обществе негативных тенденций.

Активизация человеческого фактора, подчеркнул XXVII съезд, неотделима от самой энергичной борьбы с пьянством, хулиганством и тунеядством, спекуляцией и хищениями социалистической собственности, взяточничеством и стяжательством. Было бы неправильно видеть во всех этих негативных явлениях одни лишь «пережитки прошлого» в сознании и поведении людей. **Причины** многих из этих проявлений реальной негативности — **в недостатках сегодняшней социалистической практики, в последствиях бюрократизма, застойности, в запаздывании решений реальных острых проблем, в недостатках идейно-воспитательной деятельности.** В новой редакции Программы КПСС намечен широкий научный подход к углублению обществоведческих знаний, подчеркивается, что негативные явления связаны «с недостатками практической работы в различных областях

общественной жизни, с запаздыванием в решении назревших проблем»¹².

В связи с этими глубокими выводами коллективной марксистской мысли назрела необходимость существенного методологического переосмысления внутренней взаимосвязи «пережитков прошлого» с социальными процессами реального социалистического общества. Это необходимо сделать для того, чтобы открыть методологический простор для глубокого исследования и практического преодоления негативных тенденций в реальном социалистическом обществе. Другими словами, перед нами встает крупная методологическая проблема: как исследовать те стороны жизнедеятельности человека и социальных процессов, которые противоположны коллективности, всесторонности, гармоничности.

В социалистическом обществе далеко не все моменты общественных отношений стимулируют гармоническое развитие личности. Закономерно имеются и такие, которые закрепляют и воспроизводят в облике личности черты ограниченности, односторонности. Но глубокому осмыслению таких негативных тенденций, имеющих в облике социалистической личности, препятствует устаревшая методология, использующая понятие «пережитки прошлого» чрезмерно расширительно и неадекватно. Для того чтобы конкретно и научно отобразить противоречия и историческую неразвитость, ограниченность социалистических общественных отношений, необходимо существенно пересмотреть методологические основы использования понятия «пережитки прошлого».

В переходный период от капитализма к социализму термин «пережитки прошлого» имел весомый и социально определенный смысл. В тот период в нашем обществе существовали реальные осколки разбитого, но еще не исчезнувшего повсеместно капиталистического мира.

В. И. Ленин неоднократно объяснял, что свергнутые эксплуататорские классы — покойник весьма своеобразный: его не положишь в гроб, не закроешь гробовой крышкой, не заколотишь гвоздями. Остатки свергнутых эксплуататорских классов продолжают жить, продолжают утверждать себя в пороках социалистического общества. Именно к их тлетворному влиянию в молодом социалистическом обществе и было адекватно применимо понятие «пережитки прошлого».

Но с утверждением социализма, а тем более после

его полной и окончательной победы, в период ускорения социализма, понятие «пережитки прошлого» требует методологического переосмысления. Реальный социальный объект, на который раньше был направлен этот термин, **качественно** изменился. Но понятие «пережитки» недостаточно переосмыслено в соответствии с изменением социальной жизни и поэтому теперь уже мало помогает теоретическому анализу, а нередко даже мешает, так как оно широко используется для обозначения всех негативных моментов, возникающих в социалистическом обществе.

Известно, что социализм — это исторически переходная начальная фаза коммунизма, имеющая длительную драматическую историю и этапы своего развития. И поскольку это начало, то, какую жизненную проблему ни возьмешь для анализа, везде и во всем — глубокие противоречия, острая борьба нового со старым. Естественное желание (и долг) исследователя — разобраться в противоречиях живого социализма. Но как только исследователь начинает приглядываться к существу этих противоречий, так традиционно функционирующее понятие «пережитки» навязчиво предлагает ему себя. И не всегда у исследователя хватает мужества и любви к истине, чтобы отклонить домогательство ставшего неадекватным понятия и признать острые недостатки и негативные тенденции внутренней чертой реальной практики социализма.

С помощью отставшего от жизни понятия «пережитки» над живым, цельным, противоречивым социализмом нередко продельвается, на первый взгляд простодушная, а по существу далекая от научного анализа, пагубная для исследования морализирующая операция логического деления на хорошее и дурное. Этой операцией все плохое и дурное, реально существующее в действительности, иллюзорно-теоретически изымается из социализма и иллюзорно-теоретически помещается рядом под рубрикой «пережитки».

Нетрудно заметить, что подобную операцию с большим правом можно назвать апологетической, чем теоретической. Но, спрашивается, кому нужна такая сомнительная апология?

Против расширительного использования представлений о пережитках в исследованиях социалистической жизни, казалось бы, нас должен настроить уже тот

факт, что подобная «очистительная» операция над социальными явлениями издавна применяется идеологами враждебного марксизму ненаучного, мифологического мировоззрения. Например, сходным логическим приемом католическая религия давно пытается очистить свою «истинную сущность» от инквизиторских преступлений палачей Джордано Бруно, Яна Гуса, от своей кровавой и мракобесной инквизиторской практики. Современные «цивилизованные» идеологи всех религий выносят за пределы «чистой» и якобы «возвышающей» человека сущности религии всю грязную, тупую практику реального исторического бытия религии, объявляют важнейшие реальные черты исторической религии чужеродным, «пережиточным» покушением извне на «истинную», «чистую» сущность религии.

И надо признать, что такой теоретический прием очищения «сущности» тех или иных социальных явлений многим, даже думающим людям кажется правомерным и допустимым. Вспомним, например, религиозные искания таких лидеров пролетарской мысли, как Горький, Луначарский. Потребовалась гениальная широта теоретического подхода В. И. Ленина, чтобы поймать за руку ловких идеологов-фокусников и вовремя помочь пролетарским «богостроителям» осознать их собственную невольную теоретическую ошибку.

В. И. Ленин писал А. М. Горькому: «Вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается то, что исторически и житейски в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог — «идеи будящие и организующие социальные чувства»)»¹³.

В этом отрывке из письма Ленина содержится нечто гораздо более важное, чем критика богостроительства. Здесь ярко выражен методологический марксистский принцип всестороннего монистического подхода к изучению социальных явлений любой эпохи; здесь четко обнаружена наиболее общая методологическая ошибка самых непохожих мыслителей разных эпох в приеме, т. е. ошибка в методе осмысления противоречий социальной жизни, ошибка в данном конкретном случае, как

говорит В. И. Ленин, присущая и поповщине, и А. М. Горькому.

В работе «Крах II Интернационала» В. И. Ленин отметил, что поиски «чистых» явлений при исследовании общественной жизни — это прямой признак поверхностного мышления у тех, кто ищет «чистые явления». «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может, — подчеркивал В. И. Ленин, — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности»¹⁴.

Необходимо учитывать, что К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии» специально критикуют младогегельянцев за методологически такое же эклектическое и поверхностное разоблачение дурной стороны действительности: младогегельянцы, как известно, шумно критиковали одну из сторон неделимой целостной действительности — чаще всего религию, объявляли такую сторону «дурным» средоточием и источником социального зла и уверяли, что если уничтожить эту дурную сторону, то вместе с ней из жизни уйдут проклятые проблемы бытия человека.

К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, решительно отвергли младогегельянскую методологию, обнажили ее пагубность для научного исследования общественной жизни. К. Маркс в «Нищете философии» опять вернулся к критике такой же иллюзорно-идеологической конструкции, имевшейся в философии Прудона, и еще раз показал, что нельзя, оставаясь на почве науки, «очищать» сущность явлений от одной стороны реального существования этой сущности.

В настоящее время, когда марксистская философия избавляется от ядовитых инъекций догматизма, полуправды и одностороннего подхода к изучению человека, когда советская философия энергично и смело включается в глубокое всестороннее изучение проблем ускорения социально-экономического, политического и духовного развития социализма, настала пора окончательно отказаться от дезориентирующего поверхностного представления о негативных моментах жизни лишь как о «пережитках прошлого». Мы обязаны последовательно использовать для теоретического воссоздания социалистической действительности марксистский диалектиче-

ский метод, не совместимый, как известно, с поверхностным разрыванием органической системной взаимосвязи всех свойств социальной жизни — на воображаемую «чистую» сущность и на якобы несущественные, портящие извне чистую сущность «пережитки».

Концепция «чистой» сущности социализма и непричастных к сущности «пережитков» сама является концентрированным выражением «пережитков» — методологического отставания некоторых звеньев нашей теории от современной практики социализма.

Необходимость активного участия в совершенствовании социализма требует от специалистов общественных наук не словесных ухищрений, не лукавых или простодушных восхвалений очередных мероприятий, а настоящих исследований сложных, противоречивых, динамично развивающихся процессов, происходящих в начале исторически длительного этапа перестройки и ускорения социализма.

Хорошо известно, что могучим средством объективного исследования всех проблем ускорения социально-экономического, политического и духовного развития социализма является научное исследование глубоких, острых многообразных внутренних противоречий развивающейся социалистической реальности.

Противоречия — узловая категория марксистско-ленинской диалектики, имеющая принципиальное значение для исследования всех аспектов ускорения социально-экономического, политического и духовного развития социализма, коммунистической формации в целом.

Недостаточное теоретическое внимание к негативным тенденциям при исследовании социальных проблем современного этапа развития социализма мешает энергичной, умной, серьезной борьбе за ускоренное радикальное их искоренение из жизни социалистического общества.

Диалектико-материалистическое изучение реального социализма во всех его противоречиях, трудностях и проблемах позволяет достичь такого уровня, когда живой противоречивый социализм и в теории становится столь же живым и развивающимся. Приглаживание и приукрашивание социализма принижает его действительно историческое величие, ведет к поверхностному изображению трудностей его развития, а в исследованиях, содержащих такие приукрашивания, возникают

ингредиенты, чуждые устремленности марксистской философии к адекватному отображению многогранной жизни. Вполне закономерно, что все большее число советских ученых отказывается от примитивного разделения социалистической жизни на хорошее — социалистическое и дурное — несоциалистическое, по-новому подходит к изучению противоречий социалистического общества.

Социализм содержит в себе непобедимые и все более развивающиеся коллективные начала жизни. Но все коллективное при социализме противоречиво. В действии одних и тех же объективных закономерностей проявляется такое содержание, в котором выражается деятельная солидарность людей, и такое содержание, которое закрепляет моменты существенного неравенства людей, существенной односторонности в развитии личности.

Негативные тенденции социальной жизни социалистического общества диалектически входят в социалистическую жизнедеятельность людей. Исследование этих негативных моментов позволяет, в соответствии с самой жизнью, теоретически выразить коллективизм, нарастание прогресса при социализме в единстве с исторической ограниченностью, противоречивостью планомерного господства людей над своими социальными отношениями и наметить интенсивные пути и средства ускоренного совершенствования социалистического общества и его творцов — реальных людей.

Диалектическое понимание социалистической жизнедеятельности людей предполагает прежде всего должное теоретическое осмысление того факта, что воспроизводство в социалистическом обществе коллективности является одновременно воспроизводством и отношений (нередко существенных) социального неравенства, момента односторонности в жизнедеятельности многих людей. Если бы этих проявлений социального неравенства и односторонности не было, мы бы имели не социализм, а полный коммунизм.

Эту суть социализма внимательно изучали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Возьмем в качестве примера такую глубочайшую суть социализма, как объективные законы распределения (разделения) труда и потребления по труду. Раскрывая в общих чертах содержание этих законов, К. Маркс в «Критике Готской программы» и В. И. Ленин в «Государстве и революции», а также в других произведениях дали образец изуче-

ния социализма как цельного организма со своими созидательными и исторически преходящими негативными сторонами.

Социализм обеспечивает всех людей трудом и, следовательно, обеспечивает всех определенной платой за труд. Это важнейшее историческое завоевание социализма, важная сторона дальнейшего развития социалистической солидарности людей, существования каждой личности.

В то же время в распределении видов труда, в уровне потребления социальных благ нет при социализме полного социального равенства, и в сам процесс распределения труда и потребления вторгаются острая борьба и крупные конфликты. Это означает, что социалистические общественные отношения в разных социальных группах имеют существенно различное реальное содержание. В одних группах социалистические отношения более богаты и хлебом, и солью, и человеческой солидарностью, и возможностями творческого труда, возможностями удовлетворения потребностей и развития способностей. В других социальных группах общественные отношения значительно более скудны на все, что необходимо человеку, а нередко условия труда и быта стремительно разрушают здоровье человека!

Почему же люди не «скапливаются» в лучших участках социалистических отношений, какая сила удерживает их в менее развитых, в менее «очеловеченных» общественных отношениях социалистического общества? Ведь давно уже в России произошла социалистическая революция, и нет больше сословных и непреодолимых имущественных барьеров.

Ответ на эти вопросы становится очевидным после комплексного анализа ситуации: общественные отношения, вся социальная жизнь по-разному формируют людей в разных «участках» всей совокупности общественных отношений. Если «участок» общественного труда, хотя еще и необходимый для общества, но отсталый, неблагоприятный, то и общественные отношения субъектов такого труда значительно скуднее. Такие отношения неизбежно формируют сравнительно одностороннюю личность. Формируется личность, которая не имеет способностей, умения, потребностей, позволяющих ей непосредственно приобщаться к более разви-

тым, более содержательным участкам социалистических общественных отношений.

И отдельный человек не виноват в том, что он «осел» в отсталом участке социалистического общества. Все дело в том, что любая сфера труда при социализме имеет свой предел насыщения людьми. Имеют этот предел и наиболее содержательные разновидности труда. Поэтому часть людей волей-неволей попадает на более отсталые участки общественного разделения труда, и общество системой управления продуманно закрепляет таких людей в таких местах.

У людей социалистического общества, оказавшихся в силу действия объективного закона распределения (разделения) труда на отсталых участках общественно-го труда, неизбежно сохраняется односторонность в развитии. Эта односторонность сохраняется, воспроизводится и закрепляется сравнительно бедным содержанием трудового процесса, тяжелыми условиями труда, низким уровнем потребления. (Когда говорится о низком уровне потребления, то не обязательно имеются в виду официально низкооплачиваемые категории людей, имеются в виду не бумажные деньги, а реальные общественные блага, потребляемые человеком.)

Личность зачастую оказывается носителем тех общественных отношений, которые необходимы для общества и поэтому активно обществом поддерживаются, но представляют собой воплощение односторонности и скудости. Социалистическое общество заинтересовано в скорейшем преодолении отсталых разновидностей труда, но оно не имеет еще возможности революционизировать до уровня социальной однородности общественное разделение труда. В неодинаковой индустриализации труда, в существенно различающемся уровне интеллектуализации труда и быта, в существенном неравенстве потребления социальных благ проявляются объективно существующие в социалистическом обществе остатки неоднородности в общественных отношениях.

Эти проявления социальной неоднородности общественных отношений создают и сохраняют существенные элементы односторонности в структуре личности как у людей, которые заняты в отсталых сферах труда, так и у тех (следует особо подчеркнуть), кто живет, казалось бы, в самых благоприятных условиях для все-

стороннего развития личности. Разумеется, что односторонность и структура личности рабочих, занятых малосодержательным трудом, и односторонность номенклатурного служащего из государственного аппарата и членов его семьи — это разная односторонность.

Односторонне развитый человек различает среди своих общественных отношений и такие, которые в чем-то навязаны ему, в чем-то не солидарны с его личностью, в чем-то конфликтно сталкиваются с его собственной сущностью. Односторонний «служащий» своим участием в деятельности надстроечных организаций поддерживает и регулирует их таким образом, чтобы в этих отношениях воспроизводились вытекающие из самой природы реального социализма жесткие грани социального неравенства. Это неизбежно ведет к постоянному воссозданию в общественных отношениях (наряду с элементами коллективизма, добровольности, свободы) значительных элементов принуждения и неравенства.

Уничтожением классовой частной собственности социализм уничтожил главный барьер на пути подлинной «социальной мобильности», качественно расширил сферу социального «дрейфа» огромных масс людей. При социализме решающим средством индивидуализации общественных отношений являются общественная и личная собственность, а также социальный вид деятельности, признанное и охраняемое обществом право определенной личности преобразовать определенный участок общественных отношений в свою деятельную личностную сущность. Причем в состоянии и в характере общественной и личной собственности, социального опыта и достигнутых конкретными индивидами реальных прав наблюдаются существенные различия, и их реализация нередко проходит в обстановке напряженного конфликтного соперничества.

Эти умения и особенно фактические, реальные права даже выступают официальным узаконенным мерилom способностей человека. Именно в таком смысле понятие способности вошло в основной принцип социализма: «от каждого — по способности, каждому — по труду». Способности — это одновременно индивидуальное овладение поведенческими и духовными богатствами общества, индивидуальное овладение общественными отношениями, умение формировать в себе потребности и умение «вводить» их в общественные отношения. Все это не

распределяется обществом во всех социальных группах равнодоступно для индивидов социалистического общества. Способности оказываются продуктом существенно различного социального развития человека в разных условиях жизни, труда и быта, воспитания.

В антагонистическом обществе большинство людей поставлено в такие условия, когда они лишены творческого труда и большой духовной культуры, и лишь меньшинство получает возможность развивать свои способности. Однако, проникаясь идеологией и психологией эксплуатации, даже люди этого узкого круга лишаются возможности по-настоящему глубоко овладеть подлинно содержательными социальными ценностями, ибо эти ценности, по своему существу, не совместимы с паразитизмом, эксплуатацией.

Классовое, социальное неравенство в «распределении» способностей между индивидами разных классов и слоев антагонистического общества — одно из основных, наиболее глубоких и трудноискоренимых социальных противоречий. Выдвигать лозунг «от каждого по способностям» в качестве императива поведения и жизнедеятельности можно лишь тогда, когда люди поставлены в относительно равное положение при «распределении» способностей в процессе воспитания, общения, труда и потребления, когда их возможности личного развития соизмеримы. В противном случае выдвижение такого лозунга означает издевательство над людьми, которых тяжелые условия жизни, труда и быта превратили в «профессиональных идиотов», не способных бороться за овладение подлинным богатством общественных отношений.

Уничтожение капитализма — необходимая предпосылка на пути к такому состоянию общества, когда действие принципа «от каждого по способности...» обогащает способности и потребности большинства. Однако при социализме способности разных людей продолжают являть собой весьма пеструю, далеко не всегда отрадную картину. Поскольку содержание труда отдельного индивида и его оплата зависят от способности трудиться, то нередко получается такая картина: чем ниже потребности, тем меньше имеется у личности возможности их совершенствования. И если к тому же учесть, что воспитание людей и развитие их способно-

стей, определение их социальной ориентации остаются прежде всего делом родителей и родственников, то очень часто социальная отсталость родителей превращается в жестокую судьбу их потомства.

Все сказанное показывает, как велико значение в жизни социалистического человека конкретного содержания его трудовой деятельности. Совершенствование жизнедеятельности социалистического человека означает прежде всего совершенствование его трудовой деятельности, развитие общественных и индивидуальных стимулов к укреплению у человека потребности в творческом труде. Общеизвестны крупные социалистические преобразования, направленные на освобождение труда при социализме.

Они усиливают и обогащают тенденцию гармонического и всестороннего развития человека в социалистическом обществе. Однако путь к созданию оптимальных условий для всестороннего развития личности сложен и исторически длителен. О масштабах и сложности предстоящих социальных изменений можно судить по тому, какая огромная работа предстоит социалистическому обществу при сокращении и ликвидации тяжелого и монотонного ручного труда.

«Сейчас в народном хозяйстве ручным трудом занято более 50 млн. человек... Однако задания по высвобождению людей с ручных работ установлены пока только для промышленности, к тому же явно ненапряженные. В одиннадцатой пятилетке сокращение численности занятых ручным трудом в промышленности составляло ежегодно примерно 180 тысяч человек. Особенно значительно недовыполнили плановые задания Минуглепром, Минхиммаш, Минживмаш СССР. Чтобы успешнее решать эту проблему, необходимо быстрее завершить разработку целевой комплексной программы по сокращению затрат ручного труда. Она должна охватить все народное хозяйство. Программу нужно подкрепить производством средств механизации»¹⁵.

Одной из важнейших социальных задач, остро поставленных на XXVII съезде КПСС, является необходимость оздоровления условий и обогащения содержания труда рабочих, колхозников, интеллигенции на основе создания и освоения новых технологий, многократно повышающих производительность труда, на ос-

нове автоматизации и механизации производства.

Интересы как социального, так и экономического развития требуют прежде всего серьезных преобразований в условиях, характере и содержании труда. Среди разнообразных запросов членов общества потребность в содержательном, творческом труде все больше выдвигается на передний план. В новой пятилетке необходимо добиться перелома в решении такой назревшей проблемы, как сокращение применения ручного, малоквалифицированного труда.

Глубокий анализ неотложных социальных проблем труда дан в речи председателя ВЦСПС на XXVII съезде КПСС.

«Неудовлетворенность условиями труда выдвинулась сейчас на одно из первых мест среди причин текучести кадров. На многих предприятиях и стройках медленно устраняется тяжелый ручной труд, не ведется борьба с загазованностью, другими вредными для здоровья факторами, в ряде случаев негде переодеться и принять душ, пообедать, не организовано медицинское и бытовое обслуживание при предприятиях, не создаются условия для отдыха. Всему этому нет никаких оправданий. Многие трудящиеся продолжают работать в условиях повышенной загазованности, шума, вибрации и других неблагоприятных факторов. И численность их не сокращается»¹⁶.

О пренебрежении к облегчению труда и сохранению здоровья рабочих с возмущением говорил с трибуны съезда ветеран труда К. Г. Петров: «Наш шахтер, работающий на отбойном молотке, каждый день по шесть часов вибрирует с этим отбойным молотком». Это тот «отбойный молоток, которым пятьдесят лет тому назад рубил Стаханов. Спрашивается, о каком прогрессе идет речь? Шахтеры просят, чтобы им облегчили труд, чтобы сохранить их здоровье и дать стране больше угля». И давно учеными «создан отбойный вибробезопасный молоток. Вибрация снижена по сравнению с используемым в два раза, резко уменьшен его шум. Производительность увеличена на 20—30 процентов. Но институт бьется и не может добиться, чтобы завод начал их изготовлять. Так я хочу спросить с этой трибуны наших уважаемых ответственных работников Министерства угольной промышленности СССР, Госплана СССР: почему так нечестно, не по-советски, даже не по-партий-

ному относиться к просьбам шахтеров? Пора кончить с таким отношением»¹⁷.

Ускоренное достижение качественных сдвигов в социальном содержании труда, резкое сокращение ручного и малоквалифицированного труда, значительный рост производительности труда органически входят в активную, целостную, сильную социальную политику, намеченную XXVII съездом КПСС в качестве важнейшей ее основы.

Преобразование труда в условиях научно-технической революции предъявляет к человеческому фактору высокие требования, которые уже сейчас оборачиваются острой проблемой: проблемой достижения в личности труженика органического сплава способности к творческому труду, высокой квалификации и способности к широкому личному осмыслению социальных процессов, к творческому участию в жизни. Решение этой проблемы в настоящее время серьезно осложнено острой и запоздыванием в решении крупных социальных проблем.

«Со стороны центра и местных органов допускалась недооценка назревших проблем материальной базы и социально-культурной сферы страны. В результате сложился остаточный принцип выделения ресурсов для ее развития. Известный перекося в сторону технократических подходов ослабил внимание к социальной стороне производства, быту, досугу, что не могло не привести к снижению заинтересованности трудящихся в результатах труда, ослаблению дисциплины и другим отрицательным явлениям»¹⁸.

Активизация человеческого фактора требует значительного совершенствования, развития такого важнейшего интегрального качества человека, как чувство хозяина социалистической собственности, чувство хозяина своей страны.

В выборе путей и методов формирования этого чувства, в определении уровня его развития очень рельефно ощущается диалектико-материалистический подход съезда к проблеме:

«Было бы наивно представлять, будто чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностям

ми его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда»¹⁹.

«Нельзя быть хозяином страны, не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме»²⁰.

Столь остро, откровенно и широко вопросы формирования социалистической личности именно в этом аспекте впервые ставятся в современной марксистской теории. Такая постановка проблемы открывает новые перспективы для анализа личностных качеств человека в единстве со всеми общественными отношениями.

В связи с этим необходимо сделать существенное разъяснение относительно тех проблем, которые охватываются в Материалах XXVII съезда понятием «человеческий фактор».

Документы съезда убеждают, что содержание этого понятия тождественно социально-философскому, марксистско-ленинскому понятию человек и используется в зависимости от контекста в самых различных аспектах. Чаще всего оно обозначает широко понятую жизнедеятельность человека в производственных, политических, идеологических и других общественных отношениях. В процессе этой жизнедеятельности человек активно преобразует и развивает, с одной стороны, общественные отношения на основе своего личностного потенциала, на основе своей принадлежности к классу, социальной группе. А с другой стороны (словом, так, как это мы видели в концепции человека К. Маркса и Ф. Энгельса), в предметно-созидательной, активной творческой деятельности человек развивает свой личностный потенциал на основе действительного богатства общественных отношений.

Поэтому трудно согласиться с разъяснениями, которые дает на этот счет Т. И. Заславская:

«С одной стороны,— пишет Т. И. Заславская,— понятие человеческий фактор производства представляет огромный шаг вперед по сравнению с понятием трудовых ресурсов, с другой же стороны, в нем нашла отражение ограниченность достигнутой нашим обществом ступени развития, когда еще не стало основной задачей общества совершенствование самого человека и он рассматривается если не как ресурс, то все же как фактор каких-то внешних процессов»²¹.

По нашему убеждению, совершенствование самого человека на этапе ускорения социально-экономического развития стало основной задачей общества, и многоаспектная трактовка человеческого фактора в Материалах XXVII съезда КПСС убеждает в этом.

Активное и всестороннее развитие человеческого в человеке — его духовных и физических сил, его уникальных склонностей, потребностей, многообразия его личностных проявлений, формирование марксистско-ленинского мировоззрения и высоких профессиональных качеств — все это невозможно оставить за пределами «основной задачи» общества, если в обществе действительно происходит крутой поворот к ускорению социально-экономического, политического и идеологического развития.

Глубокое изучение человеческого фактора в Материалах XXVII съезда подчинено решению двух взаимосвязанных комплексных задач. Во-первых, определены движущие силы и основные направления глубокого стратегического преобразования всех сторон жизни общества, рассчитанные на длительную перспективу. Во-вторых, определены огромные резервы неотложного совершенствования всех сторон жизни общества и повышения темпов его развития за счет безотлагательных организационно-экономических мероприятий, социально-психологических факторов. После съезда общество пришло в движение во всех сферах жизнедеятельности. Мощный динамичный импульс вошел в жизнь советских людей, и ускорение начинает набирать силу.

Вместе с тем процесс перестройки наталкивается на серьезные тормозящие факторы, среди которых особенно выделяются своей опасностью и серьезностью следующие четыре.

Это — широко распространенное пьянство и алкоголизм, которые уже основательно потеснены с производства и общественных мест, но процветают в квартирах, где разлагающе влияют на семью и детей. Борьба с этим социальным злом предстоит значительная, тяжелая и длительная.

Это — широко распространенные проявления мелкобуржуазных ориентаций и действий. Среди них наиболее опасное — активное стремление многих к нетрудовым доходам, приобретающее нередко такие формы, как хищения, взяточничество, и такие формы, как, на-

пример, описанные в «Правде» 10 июня 1986 года в статье «На чем они греют руки»: ялтинские граждане (не 10 и не 100, а значительная масса материально процветающих жителей большого города), воспользовавшись Чернобыльской трагедией, подняла стяжательские суточные цены за одну койку для приезжих до 7 рублей. Остановить многоликого стяжателя нетрудовых доходов — значит одержать крупную победу над социальным злом.

Это — махровый и пока еще обладающий большой административной властью бюрократизм, ярый противник широкого участия народных масс в делах управления, узурпатор социалистического народовластия, активная сила, утверждающая в обществе бумаготворчество, полуправду, круговую поруку, чиновничьи амбиции и чванство.

Бюрократизм — ярый противник гласности — важнейшего и универсального инструмента народного самоуправления и совершенствования социалистического образа жизни на основе живого творчества масс.

«Привыкли работать с бумагами, а не с людьми, да и на людей смотрят через бумаги, а как они трудятся, живут, о чем думают, какие у них проблемы, настроения — все это остается как бы за бортом»²².

Четвертое из числа наиболее опасных и трудноискореняемых проявлений негативности — самое тяжелое, существует потому, что оно активно создается серьезным запаздыванием в решении острых социальных проблем, а также и пьянством, и бюрократизмом, и мелкобуржуазностью. Это — ослабление, а нередко и глубокая деформация статуса хозяина социалистической собственности, гражданского, морального, мировоззренческого чувства полновластного гражданина своего общества, социальная апатия.

«Никакой перестройки не будет, если в партии, во всех ее организациях не утвердится атмосфера нетерпимости к недостаткам, к застою в делах, к парадности и пустословию. Поэтому критический разговор в духе съезда мы должны усилить»²³.

Материалы XXVII съезда ориентируют на неизбежность и необходимость глубочайших, кардинальных изменений в социальных качествах человеческого фактора и одновременно показывают реалистический путь ускоренного осуществления этих изменений.

Один из многих драматических узлов, в котором туго завязаны проблемы реального социализма, показан «Правдой». Речь идет об условиях жизни и труда добытчиков нефти и газа в Тюменской области:

«Чванливое нежелание некоторых руководителей считаться с трудностями жизни подчиненных. Дома, не планировавшиеся под жилье, переполнены. Нет отопления, часто не бывает света, служб быта никаких: в чем пришел с работы, в том валишься спать, тут же варим суп, тут же сушим пеленки, а на полу вода, иногда до щиколотки. Какой там клуб! Какой там спортзал! Магазины, по сути, существуют номинально. Один детский сад, одна школа на четыре тысячи детей.

Два министерства — газовой промышленности и нефтегазового строительства, одно вовсе отказалось раскошелиться на жилье, другое согласно, да не больно торопится...

Могло ли бедственное положение с бытом пройти бесследно для производства? О чем спрашивать? В погоне за премией нет времени забивать сваи на положенную глубину. Сваи деформируются. Перенапряжение в газовой обвязке угрожает взрывом. Но виновные отбиваются от всех претензий, сыплют упреками в некомпетентности, властно повышают голос, чтобы подкрепить свою незамаскированную демагогию... Получив за брак славу, повышение по должности, новые посты, будут ли они теперь думать о прииске, который по их вине переживает трудности?»²⁴.

Решениями XXVII съезда КПСС особая роль в осуществлении перестройки и ускорения социально-экономического развития страны отведена научно-техническому прогрессу. Только сделав мощный и глубокий качественный рывок в машиностроении, страна сможет обеспечить выполнение намеченных планов.

Предусматривается в 1991—1993 гг. полностью перейти на производство машин, приборов и аппаратов, отвечающих самым высоким мировым достижениям.

Эти задачи необычны. На совещании в ЦК КПСС в августе 1986 года отмечалось:

«Даже на самых лучших предприятиях рядом с современными обрабатывающими центрами стоят станки 20, а то и 30-летней давности, с лазером уживается кувалда»²⁵.

Необходимо найти новые пути, подходы и нетради-

ционные средства для решения важнейшей экономической и политической задачи — выпускать к концу 12 пятилетки 80—95 процентов продукции машиностроения, соответствующей мировому уровню.

С этих позиций остро видна недостаточность творческой отдачи, инициативы кадров.

На современном этапе научно-технической революции «за жизнь одного поколения людей меняется три-четыре поколения техники... Надо изменить дело так, чтобы иметь в достатке специалистов, глубоко осознавших особенности новой ситуации, способных осуществить назревшие преобразования»^{25а}.

Сложные и крупные проблемы перестройки требуют осмысления и теоретического обоснования. Диалектико-материалистическим методологическим ориентиром для более полного и глубокого исследования особенностей современной стадии социализма и отдельных этапов его развития является прежде всего марксистская теория производственных отношений. Сегодня, когда так остро стоит вопрос о моменте истины, о смелом, инициативном утверждении правды и в жизни, и в науке, призванной изучать жизнь и находить революционные решения ее проблем, когда первая особенность тех, кто хочет искать пути к человеческому счастью, состоит, говоря словами Ленина, в том, чтобы «не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть», — в этих условиях необходимо без конъюнктурных редуц и й воссоздавать и творчески использовать в современных общественных науках марксистскую революционную теорию производственных отношений, которая имманентно включает в содержание производственных отношений не только производственную материальную жизнь, но и всю предметно-чувственную, всю телесно-чувственную жизнедеятельность каждого человека (и работающих, и иждивенцев, и тунеядцев). Такой методологический подход обязывает проблемы перестройки и ускорения рассматривать в контексте острых социальных противоречий, возникающих между людьми, между социальными группами в процессе распределения конкретных видов общественного труда. (Один из примеров этих противоречий — особые привилегии для москвичей при зачислении в московские вузы и, соответственно, — существенная социальная несправедливость для иногородних, желающих получить в Москве высшее образование. Хотя эта не-

справедливость и имеет «территориальную» форму, но суть ее социальная).

Теория производственных отношений обязывает исследовать социальные противоречия жизнедеятельности каждого человека в процессе распределения, включая все его формы: и зарплату, и взятку, и хищения, и спекуляцию, и проценты от вкладов, и потребления всех материальных благ. Социально-материальные «метаморфозы» индивидуальной жизнедеятельности во вне-рабочее время являются существенным моментом производственных отношений.

К сожалению, важнейшее теоретическое понятие марксизма «производственные отношения» в последние десятилетия было деформировано и обеднено.

«Предан забвению вопрос о субъектах производственных отношений, их интересах и мотивах деятельности. Не в этом ли одна из причин сложившегося в научных трудах схематического, далекого от реальной действительности образа производственных отношений?»²⁶.

XXVII съезд КПСС обнажил несостоятельность широко распространенных во всех общественных науках представлений, согласно которым социалистические производственные отношения всегда открывают простор развитию производительных сил.

Общественные науки крайне мало обращали внимания на то принципиальное обстоятельство, что конкретные формы производственных отношений, система хозяйствования и управления являются при социализме определяющими, решающими в формировании характера взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Увлекаясь умозрительным выведением реальных свойств бытия из схоластически понятой сущности производственных отношений, общественные науки длительное время сопровождали незначительные успехи в любой сфере жизни громкими победными выводами.

«В последние годы немало обществоведов, увлекшись живописанием признаков достигнутой социализмом зрелости, уносилось «в заоблачные выси романтических мечтаний», все более отдаляясь от реальной жизни»²⁷.

Социалистические производственные отношения могут превращаться в тормоз, терять стимулирующую роль, если вовремя не найдены адекватные методы хозяйство-

вания, если своевременно не изменяется хозяйственный механизм.

«К сожалению, получила распространение позиция, когда в любом изменении хозяйственного механизма усматривают чуть ли не отступление от принципов социализма»²⁸.

Анализ производственных отношений в Материалах XXVII съезда КПСС очень значителен методологически. Он позволяет так же конкретно проанализировать и политические, и идеологические отношения в современном социалистическом обществе. Съезд потребовал обновления политических и идеологических отношений и соответствующих институтов, которые в функционировании политических и идеологических общественных отношений играют точно такую же роль, какую система хозяйствования и экономического управления играет в функционировании производственных отношений.

В односторонней теоретической абсолютизации (и догматизации) лишь некоторых из возможных форм общественных отношений социализма проявляется влияние инерции, застойности, бюрократизма, что неизбежно ведет к невосполнимой утере многих возможностей ускоренно развивать у различных социальных групп все многообразие интересов, потребностей, способностей.

«Социализм нуждается в таком многообразии, видя в нем необходимое условие дальнейшего подъема творческой активности людей, инициативы, соревнования умов и талантов, без чего вообще немислим социалистический образ жизни, немисливо движение вперед»²⁹.

Развитие многообразия интересов, потребностей, способностей позволяет формировать сильную социальную политику, необходимую для подлинно революционной перестройки.

После XXVII съезда КПСС на основе Материалов съезда, и особенно на основе начавшейся практики революционной перестройки, возникли благоприятные творческие условия для подлинно марксистского, революционно-критического исследования всех аспектов производственных отношений и их определяющего влияния на все социальные процессы в обществе. Характерным шагом в развитии современных подходов к исследованию производственных отношений после XXVII съезда КПСС стало постановление ЦК КПСС «О статье «Сколько

брать на себя?». Непосредственной причиной постановления явились гонения и расправа администрации и партийной организации Ирбитского химико-фармацевтического завода Свердловской области над коммунистом, начальником передового цеха В. П. Бахаревым, который поплатился за то, что стремился работать по-новому и больше брать на себя. В постановлении ЦК КПСС дается хотя и неполный, но теоретически свежий и правильный анализ реальных производственных отношений:

«На предприятии неудовлетворительно решаются многие вопросы развития производства, ускорения научно-технического прогресса. Медленно заменяется устаревшее оборудование, износ активной части основных фондов составляет 63 процента. Обострились социальные проблемы, увеличилось число нуждающихся в получении жилья, в запущенном состоянии находятся производственно-бытовые помещения в цехах, повышается загазованность воздуха. Поступает много жалоб на медицинское обслуживание, растут потери от временной нетрудоспособности»³⁰.

Новизна в анализе производственных отношений состоит здесь в том, что производственные отношения анализируются путем их теоретического исследования в контексте реального содержания социальной политики.

В постановлении отмечается, что расправе над активным сторонником перестройки способствовал Ирбитский горком КПСС и бюрократическое отношение к конфликтной ситуации Свердловского обкома КПСС.

В Докладе Генерального секретаря ЦК КПСС на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС события на Ирбитском заводе оценены как «факт исключительной важности», из которого «должны извлечь уроки не только свердловчане»:

«Инициатива коммуниста, ищущего человека, напоролась на махровый бюрократизм»³¹ (выделено мной.— А. М.).

В докладе Е. К. Лигачева 6 ноября 1986 г. дана глубокая характеристика социальной сущности современного бюрократизма:

«Особенно остро стоит вопрос борьбы с бюрократизмом. Он настороженно относится ко всему, что выходит за рамки пожелтевших циркуляров, он губит живое дело,

тормозит процесс обновления. Как точно заметил Маркс, суть бюрократизма в том, что государственные задачи он превращает в канцелярские, а канцелярские — в государственные.

Что порождает казенные, чиновничьи методы работы, чертополох предписаний, буйство бумаг? Истоки этих извращений кроются в несовершенстве общественных отношений»³² (выделено мной.— А. М.).

Бюрократизм здесь охарактеризован как мощный механизм извращенной переориентации человеческого фактора на основе превращения главного во второстепенное и второстепенного — в главное. В современных условиях такие извращения продолжают существенно деформировать структуру действия человеческого фактора, делая этот фактор глубоко и остро внутренне конфликтным.

Инициатива созидательных устремлений одних наталкивается («напарывается») на все еще крепкую бюрократическую броню тех, кто активно и повелительно выдает вопросы канцелярского масштаба за крупнейшие проблемы эпохи, игнорируя вместе с тем неотложность кардинального решения подлинно фундаментальных проблем общества.

За буйством бумаг и чертополохом предписаний — групповые, «ведомственные» интересы многочисленного слоя людей, давно привыкших к изощренным привилегиям, конформно и комфортно оградивших свою «разнотрановую» жизнедеятельность от гласности, а нередко даже и от прокурорского надзора.

С трибуны XXVII съезда КПСС Б. Н. Ельцин с беспокойством говорил:

«Требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом»³³ (выделено мной.— А. М.).

В энергичной борьбе за кардинальное углубление социалистической демократии, в борьбе за утверждение гласности и социальной справедливости набирает силу способность человеческого фактора ускоренно развивать общественные отношения и формировать человека, все более активно стремящегося к тому, «чтобы окончательно ушло в прошлое положение, когда одни «вешают», изрекают истины, а другие лишь «внемлют», когда не остается места уважительному диалогу»³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 18.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

⁴ Актуальные проблемы теории общественных отношений (Материалы координационного совещания). М., 1978, с. 87.

⁵ См.: Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981; Малинин В. Конкретный историзм против абстрактного антропологии. — Коммунист, 1984, № 2.

Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М., 1979.

⁶ См.: Мосоров А. М., Мокроносов Г. В. Личность и общественные отношения. — В кн.: Общество и личность. Свердловск, 1967, с. 5—121; Мосоров А. М., Мокроносов Г. В. Общественные отношения и личность. Свердловск, 1969; Мосоров А. М. Личные и общественные отношения. — В кн.: Актуальные проблемы теории общественных отношений (Материалы координационного совещания). М., 1978; Мосоров А. М. Обоснование К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектико-материалистической концепции человека. — В кн.: Историко-философские исследования. Проблема человека в истории марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1980, с. 22—68.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 24.

⁸ Там же, с. 23—24.

⁹ Там же, с. 43.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 224.

¹¹ Там же, с. 195.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 101.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

¹⁴ Там же, с. 222.

¹⁵ Там же, с. 440.

¹⁶ Там же, с. 24.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 102—103.

¹⁸ Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вopr. философии, 1984, № 6.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 26.

²⁰ Там же, с. 27.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 222.
- ²⁵ «Не до улыбок». — Книжное обозрение, 1984, № 39, с. 6.
- ²⁶ См.: Крутова О. Н. Человек, индивид, личность в социально-философском исследовании. — Вopr. философии, 1982, № 2.
- ²⁷ Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вopr. философии, 1984, № 6, с. 13.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 133.
- ²⁹ Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вopr. философии, 1984, № 6, с. 14.
- ³⁰ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Важнейшие аспекты методологии социального исследования. — Вopr. философии, 1980, № 7; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981; Вopr. философии, 1981, № 12; Методологические проблемы общественных наук, с. 69—85; Там же, 1983, № 12; Там же, 1984, № 6, с. 3—22.
- ³¹ См.: Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вopr. философии, 1984, № 6; Сагатовский В. Н. Общественные отношения и деятельность. — Вopr. философии, 1981, № 12; Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории. — Вopr. философии, 1981, № 12.
- ³² Мосоров А. М. Общественные отношения и личные отношения. — В кн.: Актуальные проблемы теории общественных отношений. М., 1978.
- ³³ Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вopr. философии, 1984, № 6, с. 14.
- ³⁴ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Важнейшие аспекты методологии социального исследования. — Вopr. философии, 1980, № 7; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Заключительные замечания. — Вopr. философии, 1983, № 12.
- ³⁵ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981, с. 62.
- ³⁶ Там же, с. 68.
- ³⁷ Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вopr. философии, 1984, № 6; Маргулис А. В. Методологические аспекты общесоциологической теории. — Вopr. философии, 1981, № 12.
- ³⁸ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981, с. 105.
- ³⁹ Там же, с. 24.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, с. 42.
- ⁴² Бueva Л. П. Диалектика социального и индивидуального в развитии личности. — В кн.: Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. М., 1983, с. 110.

Глава вторая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 27.

² Там же, с. 297. Взаимосвязь развития свободы и потребностей

человека исследуется в монографии Р. И. Косолапова «Социализм. К вопросам теории». М., 1979.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 279.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101.

⁵ См.: Радаев В. В. Потребности как экономическая категория социализма. М., 1970; Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971; Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972; Лавриненко В. Н. Проблемы социальных интересов в ленинизме. М., 1978; Мялкин А. В. Способности и потребности личности. М., 1983; Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1979; Печенев В. А. Социалистический идеал и реальный социализм. М., 1984; и др.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 493.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 125.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 279.

⁹ Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975; Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977; Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983; Полис А. Ф. Единство социального и биологического в гармоничном развитии человека. Рига, 1981; и др.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 162—163.

¹² Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 28.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 125.

¹⁴ Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1976, с. 244.

¹⁵ Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1976, с. 247.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 351.

¹⁷ Выделено мной.— А. М.

¹⁸ Выделено мной.— А. М.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 100—101.

²⁰ Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 7.

^{21a} Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981, с. 179.

^{21b} Шорохова Е. В. О естественной природе и социальной сущности человека.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека, с. 66.

²² Сагатовский В. Н. Общественные отношения и деятельность.— Вopr. философии, 1981, № 12, с. 72.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 163.

²⁴ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах.— Вopr. философии, 1962, № 10, с. 118.

²⁵ Фролов И. Т. О жизни, смерти и бессмертии.— Вopr. философии, 1983, № 2, с. 62.

²⁶ Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981, с. 191—194.

²⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси.— М.; Л., 1966, с. 163.

²⁸ Ломов Б. Ф. Проблема социального и биологического в психологии.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 46.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 72.

³⁰ Джидарьян И. А. О биологическом и социальном в связи с классификацией потребностей.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975, с. 285.

³¹ Полис А. Ф. Эмоциональное и норма поведения личности.— Вopr. философии, 1984, № 5, с. 113.

³² См.: Актуальные проблемы диагностики задержки психического развития детей. М., 1982, с. 6.

³³ См.: Гуревич К. М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М., 1970.

³⁴ См.: Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977, с. 40—55.

³⁵ Гулыга А. В. Философия религии Гегеля.— В кн.: Гегель. Философия религии, т. 1. М., 1976, с. 30.

³⁶ Гегель Г. Соч., т. 3, с. 230.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 72.

³⁸ Там же, с. 210.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 172.

⁴⁰ Там же, с. 174.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 91.

⁴³ Там же, с. 118.

⁴⁴ См.: Лапин Н. И. Начало марксизма.— Вopr. философии, 1983, № 1, с. 41—48.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 94.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44.

⁴⁷ Там же, с. 88.

⁴⁸ Там же, с. 87.

⁴⁹ Там же, с. 42.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 42.

⁵¹ Там же, с. 130.

⁵² См. первую главу этой работы о методологических основах исследования проблемы человека.— А. М.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 28—29.

⁵⁴ Сулимов Е. Ф. О производстве и воспроизводстве общественной жизни в условиях развитого социализма.— Вopr. философии, 1984, № 6, с. 41.

⁵⁵ Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека, с. 18.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 162.

⁵⁷ Там же, с. 182.

⁵⁸ Там же, с. 122—123.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 182.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 18.

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 163.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 142.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 164.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 47.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 122.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 162.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 118.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 373.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

⁷¹ Там же, с. 123.

- 72 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 123.
- 73 Там же.
- 74 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 225.
- 75 Там же.
- 76 Там же, с. 431.
- 77 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 524—525.
- 78 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 105.
- 79 Там же, с. 104.
- 80 Там же, с. 87.
- 81 Там же, с. 149.
- 82 Там же, с. 148.
- 83 Там же, с. 109.
- 84 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 134.
- 85 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 129.
- 86 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 251.
- 87 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 265.
- 88 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.
- 89 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 266.
- 90 Там же, с. 269.
- 91 Там же, с. 270.
- 92 Там же, с. 302.
- 93 Там же, с. 302—303.
- 94 Там же, с. 304—305.
- 95 Там же, с. 306.
- 96 Там же, с. 307.
- 97 Там же, с. 308.
- 98 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 149.
- 99 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 385.
- 100 Там же, с. 391—392.
- 100а Там же, с. 394—395 (курсив мой.— А. М.).
- 101 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 279—290.
- 102 Там же, с. 275.
- 103 Там же, с. 308.
- 104 Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 3, с. 219.
- 105 Там же.
- 106 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 54.
- 107 Там же, с. 49.
- 108 Там же, с. 82.
- 109 Там же, с. 97—98.
- 110 Там же, с. 162.
- 111 См.: Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1975, с. 79—163; Личность в XX столетии. Анализ буржуазных теорий. М., 1979; Лапин Н. И. Начало марксизма.— Вopr. философии, 1983, № 1; Смирнов Г. К. Маркс о личности в условиях ее развития и освобождения.— Коммунист, 1984, № 13; и др.
- 112 Лапин Н. И. Начало марксизма.— Вopr. философии, 1983, № 1, с. 42.
- 113 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 31.
- 114 Там же, с. 255.
- 115 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.
- 116 Там же, с. 117.
- 117 Там же, с. 96.
- 118 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 380.
- 119 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 39.

Глава третья

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 25.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 118—119.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 252—254.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 202.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 37.
- ⁶ Горбачев М. С. Перестройка неотложна, она касается всех и во всем.—Правда, 1986, 3 авг.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.
- ¹⁰ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 38—39, 87.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 282.
- ¹² Там же, с. 434.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 251.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 108.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 224.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.
- ¹⁸ Там же, с. 118.
- ¹⁹ Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М., 1983, с. 278—279.
- ²⁰ Горбачев М. С. О пятилетнем плане экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и задачах партийных организаций по его реализации.—Правда, 1986, 17 июня.
- ²¹ Там же.
- ²² Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на встрече с партийным активом Краснодарского края.—Правда, 1986, 20 сент.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 253.
- ²⁵ Натан Венгров. Путь Блока. М.; Наука, 1963, с. 226.
- ²⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 23, 84—91.
- ²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 25.
- ²⁸ Там же, с. 240.
- ²⁹ Там же, с. 47.
- ³⁰ Там же, с. 235.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, с. 223.
- ³³ Там же, с. 224.
- ³⁴ Там же, с. 241.
- ³⁵ Там же, с. 363.
- ³⁶ Там же, с. 77.
- ³⁷ Там же, с. 272.
- ³⁸ Там же, с. 341.
- ³⁹ Там же, с. 147.
- ⁴⁰ Там же, с. 224.
- ⁴¹ Там же, с. 421.
- ⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 158.

Глава четвертая

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 72.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 118.

- ³ Марксистская философия в XIX веке. М.: Наука, 1979, кн. 1, с. 129.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.
- ⁵ Там же, с. 124.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же, с. 91.
- ⁸ Там же, с. 162—163.
- ⁹ Там же, с. 90.
- ¹⁰ Там же, с. 137.
- ¹¹ Там же, с. 130.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же, с. 134.
- ¹⁴ Там же, с. 90.
- ¹⁵ См.: Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968; Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968; С чего начинается личность/Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Политиздат, 1982.
- ¹⁶ Буева Л. П. Проблема человека в марксистской философии. М., 1979, с. 2.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 317.
- ¹⁸ Соловьев Э. Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса.—Вопр. философии, 1968, № 5, с. 17—18.
- ¹⁹ Там же, с. 17.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Соловьев Э. Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса.—Вопр. философии, 1968, № 5, с. 18.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 142.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, с. 214.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, с. 168.
- ²⁷ Там же, с. 212.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, с. 214.
- ³¹ Там же, с. 161.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 275.
- ³³ Там же, с. 279—280.
- ³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 610.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 272.
- ³⁷ Там же, с. 273.
- ³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 609.
- ³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 101.
- ⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 315—317.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, с. 206—207.
- ⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.

Глава пятая

- ¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 31.
- ² Там же, с. 87.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 80.

⁴ Там же, с. 21.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 315—317.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 75.

⁷ Там же, с. 33.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 380—381.

⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986, с. 46—47.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114.

¹¹ Там же, с. 115.

¹² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986, с. 165.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 231.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 241.

¹⁵ Баталин Ю. Пути роста производительности труда.— Правда, 1984, 4 сент.

¹⁶ Речь С. А. Шалаева, Председателя ВЦСПС, на XXVII съезде КПСС.— Правда, 1986, 3 марта.

¹⁷ Речь К. Г. Петрова.— Правда, 1986, 3 марта.

¹⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 44—45.

¹⁹ Там же, с. 89.

²⁰ Там же, с. 40.

²¹ Заславская Т. И. Творческая активность масс: социальные резервы роста.— ЭКО, 1986, № 3, с. 13.

²² Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС.— Правда, 1986, 17 июня.

²³ Там же.

²⁴ Демин В. Резким контуром.— Правда, 1986, 15 нояб.

²⁵ Совещание в Центральном Комитете КПСС.— Правда, 1986, 9 авг.

^{25а} Там же.

²⁶ Колесниченко А. Статья опорой для практики.— Правда, 1986, 11 июля.

²⁷ На уровень партийных требований: Передовая.— Коммунист, 1986, № 14, с. 4.

²⁸ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 39.

²⁹ Там же, с. 51.

³⁰ В Центральном Комитете КПСС.— Правда, 1986, 18 мая.

³¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. М., с. 40.

³² Лигачев Е. К. Курсом Октября, в духе революционного творчества.— Правда, 1986, 7 нояб.

³³ Речь Б. Н. Ельцина.— Правда, 1986, 27 февр.

³⁴ Лигачев Е. К. Курсом Октября...— Правда, 1986, 7 нояб.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава первая МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА — ОСНОВА ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВА- НИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	6
Глава вторая СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА	
1. Индивидуальные потребности — проявление и развитие сущностных сил человека	28
2. Социально-материальная детерминация те- лесно-чувственной жизни человека	49
3. Исследование Ф. Энгельсом потребностей рабочего класса	73
4. Отчуждение и самоотчуждение человека в классовом обществе	99
Глава третья ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ	
1. Диалектическое единство индивидуального и общественного сознания	116
2. Два материальных способа существования индивидуального и общественного сознания	138
Глава четвертая ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕ- КА В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА	158
Глава пятая МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛИСТИ- ЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	198
Примечания	232

Алексей Михайлович Мосоров

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЧЕЛОВЕК

ИБ № 311

Редактор Л. И. Ярославцева. Художник А. Г. Мареев.
Технический редактор Н. Н. Заузолкова. Корректор
Н. А. Агафонова

Сдано в набор 28.08.86. Подписано к печати 16.02.87. АЛ 04150. Формат
84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая пе-
чать. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,54. Тираж 2000 экз. Заказ 485. Цена 2 р.
Издательство Красноярского университета, 660049, Красноярск, пр. Мира, 53.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

